

ІЗ ВѢСТІЯ

О ЗАНЯТИЯХъ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЕЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛІ

6—20 АВГУСТА 1887 ГОДА.

№ 1-15

Изданы подъ редакціею
СЕКРЕТАРИ СЪЕЗДА
Ѳ. Аѳ. БЫЧКОВА.

Ярославль.

Типографія Губернскаго Правленія.

1887.

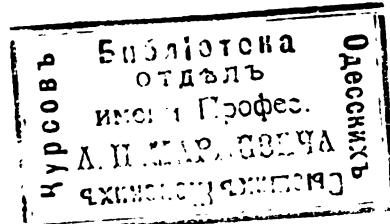
10.
189.

ИЗВѢСТИЯ

О ЗАНЯТИЯХЪ

СЕДЬМАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЕЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛЪ.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Въ типографіи Губернскаго Правленія.

1887.

IX

ИЗВѢСТИЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

№ 1.

31 июля 1887 г.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ С. М. Шпилевскаго, въ присутствіи: Предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой, Предсѣдателя Московскаго Предварительнаго Комитета Съезда Ив. Е. Забѣлина, депутатовъ: отъ С.-Петербургской Духовной Академіи Н. В. Покровскаго, отъ Императорской Академіи Художествъ В. В. Суслова, отъ Археологическаго Института А. Ф. Селиванова, отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества А. М. Павлинова и М. В. Никольскаго, отъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ В. К. Трутовскаго и С. А. Бѣлокурова, отъ Рязанской ученой Архивной Комиссіи А. В. Селиванова, членовъ Ярославскаго Предварительнаго Комитета: В. Ив. Лѣствицына, Ив. Н Соболева, А. В. Скульскаго, Л. Н. Трефолева, Е. Ив. Якупкина и секретаря Комитета Ф. А. Бычкова.

1) На основаніи п. 2 утвержденныхъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 23 мая 1886 года Правилъ Съезда дѣйствія Совѣта Съезда были объявлены открытыми.

2) Въ виду 3 пункта этихъ-же правилъ секретарь прочиталъ нижепомѣщаемый списокъ депутатовъ, назначенныхъ высшими учеными учрежденіями и археологическими обществами для присутствованія на VII Археологическомъ Съездѣ въ Ярославлѣ. (См. приложение II).

3) Доложена полученная Директоромъ Демидовскаго Юридического Лицея С. М. Шпилевскимъ телеграмма отъ Министра Народнаго Просвѣщенія слѣдующаго содержанія: «Поручаю вамъ, согласно представленію Попечителя, открыть предстоящій Археологическій Съездъ и участвовать въ засѣданіяхъ представителемъ Министерства (поди.) Деляновъ».

4) Всѣдѣ затѣмъ Совѣтомъ было приступлено къ избранию (посредствомъ записокъ) Предсѣдателя Совѣта и Съезда и

6 членовъ въ Распорядительный Комитетъ Съѣзда Предсѣдателемъ Съѣзда оказался избраннымъ большинствомъ голосовъ Ив. Е. Забѣлинъ, въ составъ же Распорядительного Комитета Съѣзда вошли: графиня П. С. Уварова, С. М. Шпилевскій, А. В. Скульскій, Ив. Н. Соболевъ, В. К. Трутовскій, Ф. А. Бычковъ и избранный Казначеемъ Съѣзда Ив. Ал. Вахромѣевъ.

5) Въ Секретари Съѣзда избраны: Ф. А. Бычковъ и В. К. Трутовскій.

6) На основаніи п. 11 правилъ Съѣзда, присутствовавшіе на засѣданіи члены Совѣта, раздѣливши ся на 8 Коммиссій (по числу отдѣленій Съѣзда), приступили къ избранію предсѣдателей и секретарей отдѣленій, каковыми и оказались избранными: по отдѣленію I—Древности первобытныя: предсѣдателемъ гр. П. С. Уварова, секретаремъ А. В. Селивановъ; по отдѣленію II—Древности историческія, географическія и этнографическія: предсѣдателемъ Л. Н. Майковъ, секретаремъ В. Ф. Миллеръ; по отдѣленію III—Русскіе памятники художествъ—предсѣдателемъ Н. В. Покровскій, секретаремъ В. В. Сусловъ; по отдѣленію IV—Русскій бытъ домашній и общественный предсѣдателемъ Ив. Е. Забѣлинъ, секретаремъ А. Ф. Селивановъ; по отдѣленію V—Памятники церковные—предсѣдателемъ Е. Е. Голубинскій, секретаремъ А. С. Бѣлокуровъ; по отдѣленію VI—Памятники славяно-русскаго языка и письма—предсѣдателемъ А. Ф. Бычковъ, секретаремъ А. И. Соболевскій; по отдѣленію VII—Древности классическія, славяно-византійскія и западноевропейскія—предсѣдателемъ Ив. Вл. Цвѣтаевъ, секретаремъ гр. Ив. Ив. Толстой и, наконецъ, по отдѣленію VIII—Древности восточныя языческія—предсѣдателемъ Н. Ив. Вессловскій, секретаремъ М. В. Никольскій.

7) На основаніи п. 16 правилъ Съѣзда, произведенъ бытъ выборъ Предсѣдателей Ученаго и Распорядительного Комитета, при чемъ Предсѣдателемъ Ученаго Комитета былъ избранъ С. М. Шпилевскій, предсѣдателемъ же Распорядительного Комитета графиня П. С. Уварова.

8) Доложено: 1) отношеніе Директора Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, барона Ф. А. Бюлера о невозможности для него принять личное участіе въ Съѣздѣ и 2) письмо депутата Императорской Археологической Коммиссіи профессора Н. П. Кондакова, изъ Лондона, съ выражениемъ сожалѣнія, что онъ не можетъ, въ виду продолжающейся научной его поѣздки, присутствовать на Съѣздѣ и съ просьбою дождить Съѣзду, въ день открытия послѣдняго, его привѣтствіе и выраженіе глубокаго сочувствія къ научнымъ трудамъ Съѣзда.

9) Касательно назначенія времени для засѣданій какъ общихъ собраній Съѣзда, такъ и засѣданій отдѣленій посѣднаго, Совѣтомъ постановлено: назначить утреннія засѣданія, отъ 11 до 2 ч. по-полудни, и вечернія, отъ 7 до 9 часовъ вечера.

10) Археологическую выставку при Съѣзда постановлено, во избѣжаніе какихъ-либо помѣхъ для занятій во время засѣданій Съѣзда, открывать для обозрѣнія въ свободное отъ засѣданій время, т. е. отъ 2 ч. по-полудни до 6 ч. вечера, о чемъ и объявить своевременно во всеобщее свѣдѣніе.

Приложенія къ протоколу № 1.

I) Личный составъ VII Археологическою Съѣзда въ Ярославль.

Предсѣдатель Съѣзда: Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ.

Ученый Комитетъ:

Предсѣдатель: Сергій Михайловичъ Шпилевскій.

По отдѣленіямъ: I Древностей первобытныхъ—предсѣдатель графиня Прасковья Сергеевна Уварова, секретарь Алексій Васильевичъ Селивановъ; II Древностей историческихъ, географическихъ и этнографическихъ—предсѣдатель Леонидъ Николаевичъ Майковъ, секретарь Всеволодъ Феодоровичъ Мильеръ; III Русскихъ памятниковъ художествъ—предсѣдатель Николай Васильевичъ Покровскій, секретарь Владіміръ Васильевичъ Сусловъ; IV Русского быта—домашняго и общественна-го—предсѣдатель Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, секретарь Александъ Феодоровичъ Селивановъ; V Памятниковъ церковныхъ—предсѣдатель Евгений Евстигнѣевичъ Голубинскій, секретарь Сергій Алексѣевичъ Бѣлокуровъ; VI Памятниковъ славяно-рус-скаго языка и письма—предсѣдатель Аѳanasій Феодоровичъ Бычковъ, секретарь Александръ Ивановичъ Соболевскій; VII Древностей классическихъ, славяно-византійскихъ и западно-европейскихъ—предсѣдатель Иванъ Владіміровичъ Цептаевъ, секретарь графъ Иванъ Ивановичъ Толстой и VIII Древностей восточныхъ—предсѣдатель Николай Ивановичъ Веселовскій, секретарь Михаилъ Васильевичъ Никольскій.

Распорядительный Комитетъ.

Предсѣдатель: графиня Прасковья Сергеевна Уварова.

Члены: гр. П. С. Уварова, Сергій Михайловичъ Шпилевскій, Аркадій Васильевичъ Скульский, Иванъ Николаевичъ

Соболевъ, Иванъ Александровичъ Вахромьевъ (по звалію Казначея Съѣзда), Владіміръ Константиновичъ Трутовскій и Феодоръ Аѳанасьевичъ Бычковъ.

Секретари Съѣзда.

Феодоръ Аѳанасьевичъ Бычковъ и Владіміръ Константиновичъ Трутовскій. Казначей Съѣзда Иванъ Александровичъ Вахромьевъ.

II) *Списокъ и. Депутатовъ отъ ученыхъ обществъ и учреждений на VII Археологическомъ Съѣздѣ *).*

1) Отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета: Иванъ Васильевичъ Помяловскій, Владіміръ Ивановичъ Ламанскій, Орестъ Феодоровичъ Миллеръ, Василій Григорьевичъ Васильевскій и Николай Ивановичъ Веселовскій.

2) Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: графъ Алексѣй Александровичъ Бобринскій, Юлій Богдановичъ Иверсенъ, Владіміръ Шавловичъ Мордвиновъ, Павель Ивановичъ Савваитовъ и графъ Иванъ Ивановичъ Толстой.

3) Отъ Императорской Археологической Комиссии: графъ Алексѣй Александровичъ Бобринскій, Никодимъ Павловичъ Кондаковъ и графъ Иванъ Ивановичъ Толстой.

4) Отъ Археографической Комиссии: Леонидъ Николаевичъ Майковъ и Геннадій Феодоровичъ Карповъ.

5) Отъ Археологического Института: Асканіонъ Николаевичъ Труворовъ, Иванъ Ивановичъ Василевъ, Алексѣй Аѳанасьевичъ Благовѣщенскій, Александръ Логгиновичъ Смирновъ, графъ Николай Степановичъ Ланской, Александръ Феодоровичъ Селивановъ.

6) Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи: Николай Васильевичъ Покровскій.

7) Отъ Императорской Академіи Художествъ: Владіміръ Васильевичъ Сусловъ.

8) Отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества: Ниль Александровичъ Поповъ и Николай Ивановичъ Веселовскій.

9) Отъ Главнаго Артиллерійскаго Управліенія: Николай Евфимовичъ Бранденбургъ.

*) Списокъ составленъ на основаніи заявленій, полученныхъ отъ ученыхъ учрежденій и обществъ какъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, такъ и мѣстнымъ предварительнымъ Комитетомъ Съѣзда.

10) Отъ Православнаго Палестинскаго Общества: Иванъ Георгіевичъ Троицкій.

11) Отъ С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ: Николай Владимировичъ Султановъ.

12) Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: графиня Прасковья Сергеевна Уварова, Дмитрій Николаевичъ Анучинъ, Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, Дмитрій Ивановичъ Иловайскій, Николай Васильевичъ Никитинъ, Михаилъ Васильевичъ Никольскій, Андрей Михайловичъ Павлиновъ, Василій Егоровичъ Румянцовъ и Владиміръ Константиновичъ Трутовскій.

13) Отъ Императорскаго Московскаго Университета: Николай Саввичъ Тихонравовъ, Алексій Степановичъ Павловъ, Василій Осиповичъ Ключевскій, Иванъ Владимировичъ Цвѣтатевъ, Всеволодъ Феодоровичъ Миллеръ, Александръ Николаевичъ Шварцъ и Дмитрій Николаевичъ Анучинъ.

14) Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскому Университетѣ: Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, Елпидифоръ Васильевичъ Барсовъ, Николай Саввичъ Тихонравовъ и Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ.

15) Отъ Исторического Музея въ Москвѣ: Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ.

16) Отъ Московской Духовной Академіи: Евгений Евстаѳиевичъ Голубинскій.

17) Отъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ: Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ, Всеволодъ Феодоровичъ Миллеръ, Дмитрій Петровичъ Лебедевъ и Семенъ Осиповичъ Долговъ.

18) Отъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Владиміръ Константиновичъ Трутовскій и Сергій Алексѣевичъ Бѣлокуровъ.

19) Отъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Москвѣ: архимандритъ Амфилохій.

20) Отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы: Владиміръ Дмитріевичъ Соколовъ.

21) Отъ Демидовскаго Юридическаго Лицея: Сергій Михайловичъ Шпилевскій, Леонидъ Сергеевичъ Бѣлогорицъ-Котляревскій, Иванъ Григорьевичъ Табашниковъ, Владиміръ Георгіевичъ Щегловъ, Маріанъ Александровичъ Липинскій, Александръ Евграфовичъ Минервинъ.

22) Отъ Императорскаго Казанскаго Университета: Дмитрій Александровичъ Корсаковъ и Иванъ Никилаевичъ Смирновъ.

23) Отъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографії при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ: Иліодоръ Александровичъ Износковъ и Дмитрій Александровичъ Корсаковъ.

- 24) Отъ Казанской Духовной Академіи: Николай Фомичъ Красносельцевъ.
- 25) Отъ Императорскаго Университета св. Владимира: Владимиръ Степановичъ Иконниковъ, Феодоръ Яковлевичъ Фортинскій, Александръ Ивановичъ Соболевскій, Иванъ Васильевичъ Лучицкій и Юліанъ Андреевичъ Кулаковскій.
- 26) Отъ Историко-филологического Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ: Михаилъ Николаевичъ Бережковъ и М. И. Соколовъ.
- 27) Отъ Церковно Археологического Общества при Киевской Духовной Академіи: графъ Михаилъ Владимировичъ Толстой и Владимиръ Зинновичъ Завитневичъ.
- 28) Отъ Императорскаго Харьковскаго Университета: Дмитрий Ивановичъ Багалый.
- 29) Отъ Императорскаго Варшавскаго Университета: Дмитрий Яковлевичъ Самоквасовъ и Григорій Эдуардовичъ Зингерь.
- 30) Отъ Императорскаго Деритскаго Университета Павель Александровичъ Висковатовъ.
- 31) Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: Александръ Александровичъ Кочубинскій.
- 32) Отъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей: Иванъ Александровичъ Вахром'евъ и Иванъ Александровичъ Шляковъ.
- 33) Отъ Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Александръ Степановичъ Верещагинъ и Александръ Андреевичъ Спицынъ.
- 34) Отъ Тверской ученой Архивной Коммиссіи: Августъ Казимировичъ Жизневскій.
- 35) Отъ Рязанской ученой Архивной Коммиссіи: Алексей Васильевичъ Саливановъ и священникъ Иванъ Васильевичъ Добролюбовъ.
- 36) Отъ Тамбовской ученой Архивной Коммиссіи: Иванъ Ивановичъ Дубасовъ и Петръ Александровичъ Верещагинъ.

Т. III 512030

ІЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА ВЪ ЯРОСЛАВЛѦ.

Протоколъ втораго засѣданія Совѣта VII Археологическою
Съездомъ въ г. Ярославль 1-го авгуаста 1887 года.

(№ 2).

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ И. Е. Забѣлина, присутствовали члены: С. А. Бѣлокуровъ, Гр. Н. С. Ланской, А. Е. Минервінъ, М. Н. Никольскій, Н. В. Покровскій, И. Н. Соболевъ, А. В. Селивановъ, А. Ф. Селивановъ, В. В. Сусловъ, Гр. И. С. Уварова, С. М. Шпилевскій и секретарь Съезда В. К. Трутовскій.

1) Предсѣдатель, обративъ вниманіе Совѣта Съезда на постоянно оказываемое Его Высокопреосвященствомъ Высоко-преосвященнѣйшимъ Ионаеаномъ Архіепископомъ Ярославскимъ и Ростовскимъ, просвѣщенное содѣйствіе успѣхамъ русской археологии и выдающіяся заслуги въ дѣлѣ сохраненія памятниковъ древности въ предѣлахъ Ярославской епархіи, а также въ виду общеизвѣстныхъ заслугъ г. Ярославскаго губернатора генералъ-маіоръ Фриде въ дѣлѣ открытія и изслѣдованія древнихъ христіанскихъ памятниковъ въ предѣлахъ Семирѣченской области, предложилъ просить Его Высокопреосвященство и Его Превосходительство принять званіе Почетныхъ Членовъ Съезда.

Совѣтъ единогласно опредѣлилъ: просить Его Высокопреосвященство и Его Превосходительство принять званіе Почетныхъ Членовъ Съезда.

2) Доложенъ протоколъ засѣданія Комміссіи V Отдѣленія Съезда по древностямъ церковнымъ объ избранії, вслѣдствіе невозможности прибыть на Съездъ предсѣдателя Отдѣленія профессора Московской Духовной Академіи Е. Е. Голубинскаго, предсѣдателемъ Отдѣленія профессора С.-Петербургской Духовной Академіи И. Е. Троицкаго.

Приложение къ извѣстіямъ № 2.

Списокъ и. членовъ и депутатовъ, прибывшихъ на VII Археологический Съездъ.

1) Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ у Е. И. Якушкина на Дворянской ул. домъ Высоцкаго.

Въ зданіи Лицея.

- 2) Графиня Прасковья Сергеевна Уварова.
- 3) Сергій Алексеевичъ Бѣлокуровъ.
- 4) Александръ Алексеевичъ Дмитревъ.
- 5) Иллюдоръ Александровичъ Извосковъ.
- 6) Дмитрій Александровичъ Корсаковъ.
- 7) Графъ Николай Степановичъ Ланской.
- 8) Михаилъ Васильевичъ Никольский.
- 9) Николай Васильевичъ Покровский.
- 10) Алексѣй Васильевичъ Селивановъ.
- 11) Александръ Федоровичъ Селивановъ.
- 12) Владимиrъ Константиновичъ Трутовскій.
- 13) Михаилъ Николаевичъ Бережковъ.
- 14) Протоіерей Никольский.

Въ Гимназіи.

- 15) Николай Константиновичъ Никольский.
- 16) Николай Фомичъ Красносельцевъ.
- 17) Валерій Павловичъ Овсянниковъ.
- 18) Андрей Михайловичъ Павлиновъ.
- 19) Владимиръ Васильевичъ Сусловъ.
- 20) Николай Ивановичъ Троицкій.

- 21) Павелъ Александровичъ Висковатовъ.
- 22) Марія Павловна Висковатова.
- 23) Григорій Эдуардовичъ Зенгеръ.
- 24) Геннадій Феодоровичъ Карповъ.

- 25) Леонидъ Николаевичъ Майковъ въ домѣ Ив. А. Вахром'єва.

ГІ.ІІІ. 572(13)

ІЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА ВЪ ЯРОСЛАВЛѦ.

№ 3.

10 августа 1887 г.

Наканунѣ открытия VII Археологического Съезда, 5-го сего августа, въ церкви Демидовскаго Юридического Лицей была совершена заупокойная литургія, а постѣ нея панихида по утредителѣ Археологическихъ Съездовъ въ Россіи, предсѣдателѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графѣ А. С. Уваровѣ и по почетномъ предсѣдателѣ Ярославскаго Предварительнаго Комитета VII Археологическаго Съезда, покойномъ Ярославскомъ Губернаторѣ В. Д. Левшинѣ. Панихида совершилась Высокопреосвященныи Іоанаенъ въ сослуженіи архимандрии Владимира и представителей мѣстнаго духовенства. По окончаніи панихиды, всѣ присутствовавшіе въ церкви депутаты отъ высшихъ учрежденій и обществъ, члены Съезда и находившаяся въ церкви нублика перешли въ актовый залъ Лицей, где были произнесены рѣчи, посвященные памяти двухъ названныхъ лицъ Предсѣдателемъ Ученаго Комитета Съезда Директоромъ Демидовскаго Юридическаго Лицей С. М. Шпилевскимъ и депутатомъ отъ Императорскаго Казанскаго Университета профессоромъ этого Университета Д. А. Корсаковымъ.

Рѣчь С. М. Шпилевскаго была слѣдующая: «Наканунѣ открытия VII Археологическаго Съезда—началь свою рѣчь Сергій Михайловичъ—мы вознесли молитву объ упокоеніи души покойнаго гр. А. С. Уварова. Нѣть среди насть нашего руководителя и первого, самаго усерднаго работника всѣхъ бывшихъ Съездовъ, нѣть нашего учителя, который обогащалъ насть не только знаніемъ, но и воодушевляя насть къ труду, потому что училъ отъ всей полноты своей души.... Но люди, подобные графу А. С. Уварову, не умираютъ.... Покойный графъ живъ среди насть своимъ духомъ. Открывающійся завтра Съездъ разъе не устроенъ по намятнымъ для всѣхъ насть указаниямъ покойнаго; не остынъ въ насть огонь, зажженный покойніемъ; не забыты его завѣты. Несительницею послѣднихъ является во-первыхъ та, которая, по собственному признанію покойнаго, постоянно содѣйствовала ему въ его изслѣдованіяхъ;

среди насъ и члены его ученой дружины; всѣ мы вооружены знаніемъ, которое далъ намъ покойный. Предстоящій Съездъ, по завѣту графа, долженъ преимущественно вращаться въ кругу вопросовъ, относящихся къ изученію древностей мѣстного края. А важнѣйшимъ изслѣдователемъ древнѣйшихъ мѣстныхъ памятниковъ нашего края былъ самъ графъ Алексѣй Сергиевичъ: онъ по курганнымъ находкамъ возстановилъ черты до машнаго и общественнаго быта древнѣйшихъ насељниковъ нашего края Мери; онъ представилъ образцовое описание предметовъ, найденныхъ около Уткинской станціи, принадлежащихъ къ эпохѣ, находящейся на рубежѣ каменного и бронзоваго періодовъ; въ славномъ дѣлѣ Ростовскихъ гражданъ—возстановленія древнихъ святынь Ростова—покойный былъ главнымъ руководителемъ. Глубокое впечатлѣніе произвело на мене признаніе одного изъ почтенныхъ дѣятелей по возстановленію Ростовскаго кремля: съ особеннымъ увлеченіемъ, отъ всей полноты души, онъ говорилъ, что покойный графъ открылъ ему цѣлый новый духовный міръ, сдѣлавъ его другимъ человѣкомъ.... Я съ наслажденіемъ слушалъ это признаніе, радуясь за учителя и ученика. Вскорѣ по смерти покойнаго, я еще въ Казани, въ засѣданіи Казанскаго Общества Археологии, Исторіи и Этнографіи, посвященномъ памяти графа, произнесъ рѣчъ, представляющую очеркъ ученой дѣятельности графа Алексѣя Сергиевича. Эту рѣчъ я закончилъ словами: «покойный такъ много оставилъ по себѣ духовнаго наслѣдства, участникомъ котораго и мы можемъ быть, что оно обогатить каждого изъ настъ!» Наступающій Съездъ докажетъ правду мною сказаннаго....

Молитву о покойномъ графѣ я соединилъ—продолжаль ораторъ—съ молитвою о Владимірѣ Дмитріевичѣ Левшинѣ. Предстоящій Съездъ и ему также много обязанъ. Императорское Московское Археологическое Общество, отъ котораго исходитъ инициатива устройства Съезда, основаніемъ къ изображенію Ярославля мѣстомъ Съезда указало на сосѣдство Ярославля съ Ростовомъ, въ которомъ въ послѣднее время возстановлено столько памятниковъ древности, благодаря сочувству и трудамъ Ярославскаго Губернатора В. Д. Левшина и Ростовскихъ археологовъ. Намъ, людямъ, близко знавшимъ Владимира Дмитріевича, хорошо известно то сердечное, искреннее увѣченіе его, съ которымъ онъ относился къ дѣлу возстановленія Ростовскихъ древностей; съ такимъ же непригвормъ увѣченіемъ онъ относился и къ будущему Съезду; я былъ частыемъ свидѣтелемъ его заботъ о послѣднемъ и весело было работать съ такимъ сотрудникомъ. Какъ свѣтлаго, высокоторжественнаго, великаго праздника ждалъ онъ дня открытия Съезда, но по волѣ Божіей не дано ему дождаться этого дня, а намъ суждено потерять самаго полезнаго дѣятеля по устрой-

ству Съезда. Эта потеря вызываетъ въ насъ глубокую скорбь; особенно прискорбно, что не суждено было порадоваться счастливымъ исходомъ дѣла ему, такъ сердечно желавшему этого».

Всльдъ за С. М. Шпилевскимъ, на каѳедру взошелъ профессоръ Д. А. Корсаковъ, который въ пространной рѣчи представилъ обзоръ дѣятельности графа А. С. Уварова на поприщѣ русской археологіи, указавъ на его заслуги по научной ея разработкѣ. По мнѣнію г. Корсакова, графъ А. С. Уваровъ является основателемъ и пропагандистомъ науки русской археологіи, каковой до него, въ строгомъ смыслѣ слова, не было. Основныя черты ума и характера графа Уварова—обобщеніе и способность къ организаціи, благодаря которымъ онъ и могъ только создать науку русской археологіи, особенно полно выразились съ основанія гр. Уваровымъ въ 1864 году, въ Москвѣ, Археологическаго Общества. Съ этого времени научная дѣятельность графа проявилась главнымъ образомъ въ нижеслѣдующемъ: 1) въ стараніи о сохраненіи памятниковъ русской древности и старины; 2) въ изученіи разныхъ вопросовъ по русской археологіи; 3) въ распространеніи археологическихъ свѣдѣній въ публикѣ и возбужденіи въ ней любви къ археологіи путемъ выпуска въ свѣтъ периодического археологического изданія подъ названіемъ «Древности» и посредствомъ публичныхъ чтеній; 4) въ содѣйствіи ученымъ археологическимъ трудамъ частныхъ лицъ; 5) въ поднятіи изученія мѣстныхъ областныхъ русскихъ древностей; 6) въ обобщеніи фактовъ русской археологической науки и систематизаціи ихъ, и наконецъ, 7) въ учрежденіи Русскаго Историческаго Музея въ Москвѣ. Затѣмъ г. Корсаковъ остановился подробнѣе на оцѣнкѣ заслугъ графа Уварова по изученію мѣстныхъ русскихъ древностей и по научной обработкѣ фактовъ русской археологіи, что въ особенности рельефно выразилось въ организованныхъ графомъ Уваровымъ *шести* археологическихъ съѣздахъ (въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Казани, Тифлісѣ и Одесѣ). Д. А. Корсаковъ особенно подчеркнулъ широкое пониманіе графомъ Уваровымъ науки русской археологіи. Эта наука представлялась графу, по словамъ оратора, наукой о древнемъ бытѣ народовъ, когда либо жившихъ въ предѣлахъ теперешняго русского государства, на основаніи не только вещественныхъ памятниковъ, но и другихъ источниковъ—устныхъ и письменныхъ. «Противъ столь обширнаго пониманія археологіи можно спорить—говорилъ г. Корсаковъ,—но нельзя не воздать должной чести графу Уварову за такую ученую постановку задачъ археологической науки. Широта воззрѣнія и обширность пониманія не могутъ никогда служить укоромъ ученному, а напротивъ—всегда говорять въ его пользу: чѣмъ шире представляется ему научный горизонтъ, тѣмъ, значитъ, онъ стоитъ выше другихъ, находится ближе къ вершинѣ знанія,

желанному идеалу каждого научного дѣятеля, но достижимому лишь для весьма немногихъ избранныхъ, богато нацѣленныхъ отъ природы на туръ». Столь же обширно понималъ графъ Уваровъ и задачи Русскаго Историческаго Музея въ Москвѣ, который, по мнѣнію основателя, долженъ быть явиться пантеономъ русскихъ археологическихъ памятниковъ и главнымъ охранителемъ ихъ отъ дальнѣйшаго разрушенія.

«Графъ Уваровъ—такъ закончилъ г. Корсаковъ свою рѣчь—связалъ неразрывно свое славное имя съ русской исторической наукой, которая всегда была, есть и будетъ самымъ полнымъ и самымъ лучшимъ выразителемъ русского национального самопознанія. Въ немъ, въ этомъ самопознаніи, запечатлѣна вѣчная память графу Александру Сергеевичу Уварову».

Списокъ вновь прибывшихъ гг. депутатовъ и членовъ VII Ар- хеологическаго Съѣзда.

Въ гостиницѣ Конуева:

- 79) Владіміръ Иван. Ламанскій.
- 80) Влад. Ник. Поливановъ.
- 81) Иванъ Куз. Смирновъ.
- 82) Вас. Вас. Грязновъ.
- 83) Игнатій Викент. Ягичъ.
- 84) Д-ъ Мурко.
- 85) Д-ъ Пастернакъ.

Въ гостиницѣ Расписной:

- 86) Дмитрій Иван. Иловайскій.

Въ гостиницѣ Анкудинова:

- 87) Ив. Алекс. Голышевъ.

-
- 88) Мих. Вас. Овчинниковъ (Лѣсная площ., д. Мухина).
 - 89) Ник. Вас. Никитинъ (въ Гимназіи).
 - 90) Ник. Ив. Барсовъ (въ Гимназіи).
 - 91) Протоіерей Никифоровъ (тамъ же).
 - 92) Конст. Павс. Гуховскій (тамъ же).
 - 93) Ник. Мих. Благовѣщенскій (въ гостиницѣ Ефимова).

Открытие VII-го Археологического Съезда въ Ярославлѣ.

Торжество открытия VII Археологического Съезда, происходившее въ залѣ Ярославской Городской Думы и привлекшее массу публики, началось молебствіемъ съ водосвятіемъ, совершеннымъ Высокопреосвященнымъ Іонафаномъ.

По окончаніи молебствія, архиепаstryь обратился къ присутствовавшимъ членамъ съ слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ:

„Достопочтенные изслѣдователи русской старины!

Призываю молитвенно на открывающееся нынѣ собраніе ваше благословеніе Божіе, душевно желаю вамъ доброго успѣха въ достижениѣ благой цѣли вашей,—и тѣмъ болѣе сего желаю, что предстоящія вамъ занятія не мало будутъ касаться предметовъ церковныхъ и должны послужить къ поддержанію истиннаго благочестія въ дорожомъ отечествѣ нашемъ.

Стремленіе къ познанію древней жизни человѣческой и всего достопримѣчательнаго въ области прошедшаго—однородное изысканію умомъ человѣческимъ начала всѣхъ вещей и всего существующаго и совершающагося въ мірѣ семъ, конечно, для нась не новость. Пытливый умъ человѣческій издревле искалъ причины явлений современной жизни въ событияхъ давно минувшихъ, по сознанію того закона, что земная жизнь человѣческая и вообще вся міровая жизнь есть непрерывно послѣдовательное восхожденіе отъ одного явленія въ нравственной или физической области къ другому, для кото-раго оно и служить объясненіемъ и причиною. Уже очень давно премудрый Соломонъ высказалъ, и притомъ какъ установившееся уже правило, что желающій себѣ *многоаго искусства*. (т. е. опытнаго знанія) долженъ познать древняя (Премудр. 8, 8). И точно,—кто узнаеть

древнее и беспристрастно оцѣнить свое знаніе, туть необходимо дойдеть и до первопричины всего—Бога, отъ Котораго, какъ Единаго Первоисточника сиѣта, истины, жизни, изошло и исходить всякое бытіе и жизнь и вѣдѣніе, какимъ только причастны всѣ твари. Кто узнаетъ древнее и беспристрастно оцѣнить свое знаніе, туть уразумѣть, что Единъ Богъ всегда *тойже* пребываетъ и *льта Его не оскудыютъ* (Псал. 101, 28), между тѣмъ какъ все въ окружашемъ нась мірѣ и все въ нашей земной жизни, не исключая самыхъ прочныхъ монументальныхъ сооруженій и произведеній нашего искусства, все непремѣнно подлежитъ закону лишь временнаго существованія, все должно въ свое время неизбѣжно разрушиться и миновать, смѣнившись иными проявленіями бытія, и человѣкъ можетъ лишь, по изволенію Божію, задержать нѣсколько уничтоженіе таковыхъ произведеній, дабы, дольше всматриваясь въ нихъ, удобнѣе получилъ чрезъ это нужное ему наученіе; предѣла же, Богомъ положенного для нихъ, ему не перемѣнить. Кто познаетъ древнее и беспристрастно оцѣнить свое знаніе, туть лучше усмотрить пути Божественнаго Провидѣнія, обозрѣвая не только область современнаго бытія, но по возможности и область минувшаго; тогъ, слѣдовательно, болѣе научится благоговѣйно предаваться во всемъ волѣ Божіей.

Итакъ, да благоспѣшитъ Господь усиліямъ вашимъ въ этомъ благотворномъ направлениі, и да оградитъ васъ подобающими при такомъ дѣланіи спокойствіемъ и мирнымъ, терпѣливо-благодарнымъ отношеніемъ къ тѣмъ лицамъ, отъ коихъ зависѣло сохраненіе до нась памятниковъ старины. Съ другой стороны да сохранить васъ Господь отъ самонадѣяннаго и изыскательнаго сужденія о дѣйствіяхъ тѣхъ изъ предковъ, кои, по нашему неизвѣдѣнію всѣхъ условій, среди которыхъ они были поставлены, могутъ казаться намъ не довольно ревностными и мудрыми въ сохраненіи памятниковъ старины, *аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдитъ стрейй*. Чему Господь судиль сохраняться до нась изъ древности, тѣмъ благодарно и удовольствуемся, къ тому приложимъ собственную ревность и разумность дѣланія.—Да управить же Господь предстоящіе труды ваши во благо людей Своихъ.

и во славу Своего Святаго Имені. Буди благословеніе
Божіе на вась и на труды ваши!“.

По окончаніи духовнаго торжества, при всемъ личномъ составѣ Совета Съезда: Предсѣдателѣ Съезда И. Е. Забѣлипѣ, Предсѣдателяхъ Ученаго и Распорядительного Комитетовъ: С. М. Шпилевскому и гр. П. С. Уваровой, Предсѣдателяхъ Отдѣленій Съезда—академикѣ А. Ф. Бычковѣ, Л. Н. Майковѣ, Н. В. Покровскому и Ив. Е. Троицкому и Секретаряхъ Съезда гг. Трутовскому и Бычковѣ, Директоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея г. Шпилевскій, назначенный, по порученію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, быть представителемъ этого М-ва на Съездѣ, объявилъ VII Археологическій Съездъ открытымъ, и вслѣдъ затѣмъ обратился къ членамъ Съезда и къ публикѣ съ вижеломѣщаемою рѣчью: „Рядомъ съ столицами, тремя университетскими городами и Тифлисомъ становится Ярославль: ему достались высокая честь и счастливая доля быть мѣстомъ VII Археологическаго Съезда! Что же выдвинуло и поставило такъ высоко нашъ городъ? При открытии IV Археологическаго Съезда въ Казани было заявлено, что „послѣ Москвы, С.-Петербурга и Кіева, взоры всѣхъ ученыхъ естественно должны были обратиться на Казань, какъ на преддверіе Востока, коего судьбы издавна связаны съ нашою отечественною исторіею“. Основаніемъ къ избранію Одессы мѣстомъ VI Съезда были указаны: „интересъ и любовь къ историко-археологической наукѣ, которые живутъ въ Одессѣ не только между людьми, посвятившими себя наукѣ, но и между самимъ обществомъ, самой публикой“. Императорское Московское Археологическое Общество, избирая мѣстомъ VII Съезда Ярославль, указало на то, что нашъ городъ „имѣть достаточное количество ученыхъ, сочувствующихъ археологіи, и на сосѣдство Ярославля съ Ростовомъ, въ которомъ въ послѣднее время возстановлено столько памятниковъ древности, благодаря сочувству и трудамъ Ярославскаго губернатора Владимира Дмитріевича Левшина и Ростовскихъ археологовъ“. Въ отвѣтъ на это избраніе, изъ Ярославля послѣдовало заявленіе, подписанное нашимъ Архипастыремъ, Губернаторомъ, Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, Директоромъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, Городскимъ Головою и Предсѣдателемъ Губернской Земской

Управы; въ этомъ заявлениі было сказано, что „возбужденные въ нашемъ краѣ интересы къ сохраненію и изученію мѣстныхъ древностей ищутъ дальнѣйшаго себѣ удовлетворенія съ помощью Археологическаго Съѣзда, въ которомъ мѣстные дѣятели соединятся для одного дѣла съ лучшими представителями русской науки и съ ученою дружиною знаменитаго основателя и руководителя Русскихъ Археологическихъ Съѣзовъ, покойнаго графа Алексія Сергеевича Уварова“.

Не намъ самимъ судить насколько дѣйствительно мы достойны той высокой чести и счастливой доли, которыя намъ достаются; но я не Ярославецъ, я здѣсь человѣкъ новый и не причастенъ ни къ какимъ заслугамъ Ярославля и Ростова, поэтому мнѣ можетъ быть позволено сказать, что не только особенные научные интересы, но именно извѣстныя личныя условія оправдываютъ выборъ Ярославля для Съѣзда; остановиться на нашемъ городѣ заставляло не только славное прошедшее нашего края, но и дѣла живыхъ людей настоящаго. Важнѣйшие вопросы отечественной исторіи связаны съ нашимъ краемъ. На самыхъ первыхъ порахъ русской исторіи наша область съ своимъ древнѣйшимъ городомъ Ростовомъ является уже выдающеюся въ военномъ и торговомъ отношеніяхъ, иначе и не могло быть, такъ какъ она прилегаетъ къ великому водному пути, по которому шла торговля съ Востокомъ, изъ Булгара, къ верховьямъ Волги; эта область была сосѣднею съ западными предѣлами Булгарскаго союза, въ составъ котораго входили разныи инородцы финскаго и тюркскаго племенъ. Когда-то и наша область была населена инородцами финскаго происхожденія, что доказывается названіемъ рекъ и озеръ, но названія городовъ славянскія, этимъ наша область противополагаетсясосѣдней восточной, гдѣ и города носятъ не русскія названія; это указываетъ, что въ нашей области инородцы не достигали высшаго развитія, которое приводитъ къ появлению городовъ, какъ центровъ военной и торговой силы. Въ нашей области русская культура не смѣняла культуры инородческой, достигшей высокой степени развитія, какъ было далѣе къ Востоку; здѣсь не было той долгой и упорной борьбы двухъ культуръ, что происходило, напримѣръ, на почвѣ Булгарскаго и потомъ—Казанскаго царства. Въ нашей области нѣть

и тѣхъ слѣдовъ большихъ инородческихъ городовъ, существование которыхъ въ сѣверо-восточной Россіи доказывается городищами весьма значительныхъ размѣровъ: указываемые древнѣйшимъ лѣтописцемъ аборигены нашего края; инородческая Меря, не представляютъ почти ни какихъ признаковъ исторической жизни, на первыхъ же своихъ страницахъ лѣтописецъ о нихъ забываетъ. Мы можемъ сказать, что наша область искони русская, т. е. славянская, и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе другихъ чисто русскихъ областей, напр., Новгородской, Киевской, подвергавшаяся иноземному вліянію запада. Наша область русская по преимуществу! Почти одновременно съ другими исконными русскими областями здѣсь засіялъ свѣтъ христианства—важнѣйшій факторъ культуры православной Руси. Наша область освящена кровью первыхъ мучениковъ за христианство: важнѣйшую святыню Ростова составляютъ мощи св. Леонтия, котораго въ XIII вѣкѣ называли третьимъ гражданиномъ русского міра, вѣнчавшимся отъ Христа вмѣстѣ съ первыми двумя мучениками, Киевскими варягами. Уже въ половинѣ XII вѣка одинъ южный русскій князь называетъ Ростовъ великимъ городомъ, хотя дошедшіе до насъ исторические источники почти ничего не говорятъ о первоначальной судьбѣ Ростова. Это приводить къ необходимости признать положеніе, что недостатокъ источниковъ для истории данного мѣста и времени не можетъ быть доказательствомъ дѣйствительного ничтожества гражданского развитія данного мѣста въ извѣстное время. Къ этому положенію я прибавлю еще, что лѣтописныя данныя представляются не исторію развитія Ростовской области, а исторію постепеннаго ея паденія, отъ чего-то высокаго все ниже и ниже. Область великаго города распадается на части съ своими особыми центрами, изъ которыхъ многіе скоро становятся сильнѣе Ростова. Побѣда другихъ городовъ надъ Великимъ соединяется съ образованіемъ княжескаго самодержавія въ младшихъ городахъ, подчинявшихся прежде водѣ вѣча старшаго города. Такимъ образомъ, наша область представляется мѣстомъ первоначального развитія самодержавія. Настоящая моя рѣчь не можетъ имѣть задачею представить важнѣйшіе моменты мѣстной исторіи; я хотѣлъ только сказать, что исторія нашего края есть исторія области преимущественно

русской. По отношенію къ археологіи, въ смыслѣ изученія вещественныхъ памятниковъ, нашъ край представляется особенно богатымъ памятниками церковной древности, которые должны быть важнѣйшимъ предметомъ занятій Съѣзда.

Истинно русскіе люди нашего края отличаются особенною любовью къ своей старинѣ, къ исторіи роднаго края, къ окружающимъ ихъ памятникамъ древности; особенно этою любовью отличается Ростовъ: тамъ среди народа живутъ пріурочиваемыя къ разнымъ мѣстностямъ преданія изъ славной исторіи Ростовскаго княжества, этими преданіями дорожать и гордятся. Послѣдніе годы доказали, что тамъ находятся и беѧкорысгныя, неутомимые труженики на пользу возстановленія и сохраненія, древнихъ памятниковъ; тамъ находятся и значительныя денежныя средства для этого дѣла. Благодаря такимъ условіямъ, т. е. такимъ людямъ, послѣдовало возстановленіе Ростовскаго Кремля. Исторія этого возстановленія крайне поучительна и, можно сказать, чудесна; невольно при этомъ вспоминаются пророческія слова псалмопѣвца о приближеніи времени возстановленія разрушенного Іерусалимскаго храма въ награду Іудеямъ за то, что они возлюбили камни Сиона и персты его. Какъбы въ награду за высокое нравственное настроеніе Ростовцевъ по отношенію къ своимъ священнымъ памятникамъ, было суждено изъ мерности запустѣнія возстать Ростовскимъ развалинамъ въ красотѣ и величіи, оправдывающихъ слова тропаря службы Владимирской иконѣ Ростовскаго собора: «Днесъ сиѣтло красуется преславный градъ Ростовъ!».

Дожили Ростовцы и Ярославцы и до Археологическаго у нихъ Съѣзда. Преимущество назначеніе каждого Съѣзда—изученіе мѣстныхъ древнихъ памятниковъ и областной исторіи; для этого лучшія ученые силы со всей Россіи соединяются съ мѣстными учеными и знатоками древности. Но благодѣянія Съѣзда для мѣстной исторіи не оканчиваются вмѣстѣ со Съѣздомъ; какъ показываетъ исторія бывшихъ Съѣзовъ, обыкновеннымъ послѣдствиемъ Съѣзда бываютъ оживленіе и новое, болѣе дѣятельное и полезное, направленіе въ изученіи мѣстной исторіи. Можетъ быть, это послѣдуетъ и по отношенію къ нашей мѣстной исторіи и археологіи.

Императорское Московское Археологическое Общество

ство, которому мы обязаны настоящимъ Съездомъ, для устройства его открыло два Предварительныхъ Комитета: одинъ изъ своихъ членовъ въ Москвѣ, другой въ Ярославлѣ. Оба Комитета дружно и согласно шли къ одной цѣли, исполняя одинаковыя функции, помогая другъ другу и пополняя одинъ другаго. Московскій Комитетъ, какъ болѣе богатый учеными силами, давалъ Ярославскому направлениѣ въ его дѣятельности. Общею задачею Комитетовъ было привлеченіе на Съездъ ученыхъ силь и на выставку предметовъ; для этого Комитеты сносились съ губернаторами, епархиальными архіереями, разными учеными учрежденіями и отдѣльными частными лицами. Для добыванія вещей путемъ раскопокъ устраивались экспедиціи. Въ Тургайскую область и Оренбургскую губернію былъ посланъ г. Нefедовъ; въ Пермскую губернію и на Ураль—гг. Анучинъ и Гондатти; на верховья рѣки Сити—г. Гацкій; на Шексну—г. Барсовъ; въ Вологодскую губернію и въ Даниловскій уѣздъ Ярославской губерніи—г. Селивановъ; на дняхъ окончилъ раскопки въ Мышкинскомъ уѣздѣ г. Ушаковъ. Для изслѣдованія христіанскихъ памятниковъ на Кавказѣ были посылаемы: на сѣверный склонъ Кавказа—гг. Миллеръ и Фелицынъ, на восточное побережье Чернаго моря—гг. Никитинъ и Сизовъ.

Разныя учрежденія и лица не всѣ одинаково отнеслись къ Съезду. Во первыхъ мы должны принести сердечную благодарность Высокопреосвященному Архіепископу Ярославскому и Ростовскому Іонаѳану, который постоянно оказывалъ Подготовительному Комитету полное содѣйствіе и помощь, Совѣтъ Съезда, благодарный Высокопреосвященному Іонаѳану, постановилъ просить его принять званіе почетнаго члена Съезда. Съ такою же просьбою Совѣтъ обратился и къ г. Ярославскому губернатору Алексѣю Яковлевичу Фриде, который обогатилъ нашу выставку присылкою вещей изъ Семирѣченской области, бывшей въ его управлениѣ. Особенно помогалъ Съезду доставленіемъ предметовъ древности Вятской Статистической Комитетъ, Антропологическое Отдѣленіе Московскаго Общества любителей естествознанія, Казанское Общество Археологии, Исторіи и Этнографіи и Рязанская Архивная Комиссія. Императорская Публичная Библіотека украсила нашу выставку древнѣйшими руко-

писями, писанными въ предѣлахъ нынѣшней Ярославской губерніи. Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ присыпалъ старинные планы, карты, рукописи и акты, относящіеся къ нашей мѣстной исторіи. Много вкладовъ послѣдовало и отъ частныхъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей и изъ другихъ городовъ разныхъ губерній. Вологодскій Статистическій Комитетъ, специальнно въ интересахъ Съезда, при содѣйствіи Вологодскаго Преосвященнаго, потребовалъ отъ настоителей всѣхъ церквей и монастырей губерніи отвѣтовъ на разные вопросы, касающіеся археологии, по особой программѣ, составленной самимъ Комитетомъ. Требуемые отвѣты получены болѣе чѣмъ отъ 600 церквей и монастырей; всѣ они въ подлинникахъ доставлены на Съездъ. Для изученія памятниковъ церковной древности имѣютъ важное значеніе сотни фотографій, доставленныхъ намъ Костромскою Архивною Комиссіею и Ростовскимъ Музеемъ церковныхъ древностей; фотографические снимки, составляющіе альбомъ ризницы Ярославскаго Спасскаго монастыря; снимки принадлежащіе г. Барщевскому, и т. д. Наша выставка украшена и прекрасными акварельными рисунками гг. Овсяникова, Шлякова и др. На дняхъ ожидается полученіе новыхъ вещей изъ Твери, Вологды и т. д.

Особенную признателность должно принести гравинѣ Прасковьѣ Сергѣевнѣ Уваровой, которой, почти одной, принадлежитъ приведеніе выставки въ порядокъ и составленіе указателя ея. Гравиня выказала при этомъ замѣчательную, неутомимую дѣятельность, рѣдко для кого возможную; подобную способность работать я видѣлъ только при устройствѣ выставки Казанскаго Съезда покойнымъ гравомъ Уваровымъ.

Выставка VII Археологическаго Съезда представляетъ новую попытку собранія провинціальныхъ изданій по губерніямъ. А. С. Гацкій, указавшій на пользу такихъ книжныхъ выставокъ, доставилъ свою богатую коллекцію всѣхъ нижегородскихъ изданій.

Въ интересахъ Съезда предприняты и новые изданія: напечатаны Указатели предметовъ, рукописей и актовъ Ростовскаго Музея; Обозрѣніе церквей г. Ярославля, составленное г. Лѣствицкимъ; Указатель ризницы Ярославскаго Спасскаго монастыря, составленный и изданный графикою П. С. Уваровой; г. Токмаковъ напечаталъ

Сборникъ материаловъ для VII Археологического Съезда; г. Шляковъ—Путевые замѣтки о памятникахъ древнерусскаго церковнаго зодчества; г. Титовъ—Троицкій Желтоводскій монастырь у старого Макарья и Переписная книги Ростова Великаго второй половины XVII вѣка. Приближается къ окончанію и печатаніе изданій, предпринятыхъ И. А. Вахромѣевымъ: Описание рукописей его библиотеки, Акты Ярославской губерніи и Исторія Ярославской губерніи въ послѣднее столѣтіе.

Настоящій отчетъ указываетъ, что мѣстные жители отнеслись къ ожидаемому Съезду не безучастно.

Съездъ открыть и съ нынѣшняго вечера начнутся ученые рефераты.

Гр. представители русской историко-археологической науки, вамъ низко кланяются русскіе люди, граждане Ярославля и Ростова: помогите намъ въ изученіи окружающихъ насть древнихъ священныхъ памятниковъ, пролѣйте новый свѣтъ на дорогую нашему сердцу исторію нашего роднаго края!..

Затѣмъ Ярославскій Городской Голова Ив. Н. Соболевъ произнесъ краткую привѣтственную рѣчь, въ которой, между прочимъ, принесъ отъ имени гражданъ Ярославскихъ благодарность за избраніе роднаго ихъ города мѣстомъ предстоящаго Съезда.

„Позвольте мнѣ отъ лица гражданъ города Ярославля — такъ началъ свою рѣчь г. Соболевъ — выразить вамъ задушевный привѣтъ, по случаю открытія дѣйствій VII Археологического Съезда, и засвидѣтельствовать передъ вами безпредѣльную признательность Ярославцевъ за ту великую честь, какая оказана вами Ярославлю избраніемъ его мѣстомъ настоящаго Археологического Съезда.

Каждый гражданинъ Ярославля, видя васъ — людей науки, въ своемъ родномъ городѣ, безпредѣльно порадуется тому, что покрытые глубокой стариной и составляющіе гордость Ярославля, исторические памятники его удостоются вашего просвѣщенного осмотра, изслѣдованія и изученія и, благодаря этому, можетъ быть, займутъ болѣе видное и вполнѣ подобающее имъ мѣсто въ наукѣ. Отъ души желаю полнаго успѣха въ благородныхъ и просвѣщенныхъ трудахъ Съезда на пользу науки и во славу нашей дорогой Россіи“.

Въ заключеніе засѣданія, Предсѣдателемъ Съезда Ив. Е.

Забѣлинымъ были прочитаны: 1) телеграмма Ярославскаго губернатора генераль-маіора А. Я. Фриде, изъ г. Вѣрнаго, адресованная на имя Предсѣдателя Съѣзда и гласящая слѣдующее: «Глубоко польщенный высокою честью, оказанной мнѣ Совѣтомъ Съѣзда, приношу усерднѣйшую благодарность Вамъ, Милостивый Государь, и всѣмъ членамъ Съѣзда, столь славно трудящимся на пользу науки, за оказанное мнѣ лестное вниманіе»; 2) телеграмма отъ члена Съѣзда А. А. Титова, изъ Нижняго Новгорода, такого содержанія: «Съ пожеланіемъ полнаго успѣха, привѣтствую открытие Археологического Съѣзда, первого въ моемъ родномъ краѣ. Искренно сожалѣю, что служебныя обязанности по ярмаркѣ вынуждаютъ меня отстрочить пріѣздъ въ Ярославль до 16 августа», и, наконецъ 3) письмо отъ депутата Императорской Археологической Комиссии проф. Н. И. Кондакова, находящагося нынѣ въ Лондонѣ, съ выражениемъ сожалѣнія о невозможности лично присутствовать на Съѣзда и глубокаго сочувствія къ научнымъ трудамъ послѣдняго.

Протоколъ 1-го засѣданія Съѣзда, 6 августа вечеромъ, по отдѣленію древностей первобыт- ныхъ, подъ предсѣдательствомъ А. Ф. Бычкова.

1. И. А. Износкоев прочелъ рефератъ: «О курганахъ и городищахъ Казанской губерніи, разрушаемыхъ весеннимъ разливомъ рѣкъ».

Докладчикъ обратилъ вниманіе Съѣзда на некоторые курганы и городища, расположенные по берегамъ рѣкъ Суры и Меши и подвергающіеся постепенному разрушению во время весеннихъ разливовъ. Въ особенности, по словамъ докладчика, страдаетъ въ этомъ отношеніи Рождественскій курганъ и окружающее его городище, расположенные на правомъ берегу р. Меши, въ Лайшевскомъ уѣздѣ. Въ настоящее время надъ обрывомъ рѣки остается уже только небольшая часть кургана. Весною поляя вода подходитъ къ самому обрыву подъ курганъ и разрушаетъ отвесную береговую стѣну, имѣющую отъ 4 до 5 сажень высоты, причемъ обнаруживаются правильныя четырехугольные ямы, заключающія въ себѣ золу, угли, черепки и кости, а также иногда вымываются различные археологическіе предметы. Учителемъ с. Рождествина Т. С. Яковлевымъ 26 мая сего года, при осмотрѣ имѣ означенной береговой осыпи, найдено было у самаго края рѣки нѣсколько чрезвычайно интересныхъ вещей: большое серебряное шейное украшеніе, браслетъ, перстень и большое количество мелкихъ серебряныхъ осколковъ, а также черепъ и другія кости. Сославшись на то, что лѣтъ 50 назадъ Рождественскій курганъ былъ совершенно цѣль, въ настоящее же время ему грозить полное разрушение, докладчикъ указалъ на необходимость позаботиться о сохраненіи такихъ почти бесследно исчезающихъ памятниковъ древности. Въ заключеніе были демонстрированы нѣкоторые предметы, найденные въ упомянутыхъ въ докладѣ городищахъ и курганахъ.

2. Проф. П. А. Висковатовъ сообщилъ о раскопкахъ своихъ въ Тюрсель (Эстляндской губерніи), близь Нарвскаго залива, предпринятыхъ имъ въ 1886 и 87 годахъ, равно какъ и о раскопкахъ корабельной могилы въ Мейерсгофѣ близъ Дерпта и стариннаго кладбища XII вѣка въ селеніи Кальтри (по Петербургско-Дерптскому шоссе). Тюрсельская могила, особенно богатая разнообразiemъ культурныхъ предметовъ, имѣть 55 футовъ длины и 24 фута ширины. По определенію недавно умершаго профессора Гревингка, лучшаго энтомолога доисторической археологии Прибалтійскаго края, 'судившаго впрочемъ лишь по результатамъ раскопокъ 1886 года и не дожившаго до результатовъ таковыхъ къ 1887 году, бронзовые фибулы, найденные въ ней (фибулы самострѣлообразныи и «Т»образныи, равно какъ и перекладинообразныи), всѣ провинциально римского типа. Самострѣлообразныи фибулы находились въ корабельныхъ могилахъ Лифляндіи съ монетами первыхъ трехъ вѣковъ нашей эры, равно какъ съ таковыми же римскими монетами и въ восточной Пруссіи, прирейнскихъ земляхъ, Италии и Эпирѣ. Особенно интересна была находка нѣсколькихъ подковообразныхъ бронзовыхъ украшеній съ инкрустацией весьма отчетливой работы. Проф. Гревингѣ указывалъ на тождественность съ украшеніями на доспѣхахъ римскихъ воиновъ, изображеныхъ на двухъ памятникахъ. Висковатовъ приравнивалъ находки къ подобнымъ же украшеніямъ съ инкрустацией, и безъ оной, во Владимирской и Московской губерніяхъ. Точно также референтъ обратилъ внимание и на подвѣски и перстни спирально-змѣинообразной формы, найденные имъ въ Тюрсель и оказавшіеся и въ раскопкахъ, сдѣланныхъ въ концѣ 70-хъ годовъ Г. Д. Филимоновымъ на Кавказѣ въ Асетіи — Всѣ типы найденныхъ въ 1886 году въ Тюрсельской могилѣ носятъ на себѣ характеръ болѣе совершенной отдѣлки. Профессоръ Висковатовъ, соглашаясь съ г. Гревингомъ въ томъ, что могила могла относиться къ II или III вѣку, тѣмъ болѣе, что Римляне познакомились съ Балтійскимъ моремъ въ правленіе Августа, а при Неронѣ былъ отправленъ туда даже флотъ,— все-таки не соглашается съ тѣмъ, чтобы могила была готскою и что готы владѣли страною и господствовали надъ финами съ II и до IV вѣка. Выводы такие еще преждевременны и вопросъ о томъ, какая была народ-

ность, хоронившая въ могилахъ, едва ли еще можетъ быть рѣшено. Раскопки 1887 года показали, что древняя Тюрсельская могила имѣть продолженіе, но уже позднѣйшей кладки, съ культурными предметами приблизительно X—ХII вѣковъ. Вся могила, хранившая сильно сожженныя кости и предметы, являла и экземпляры неподвергшихся дѣйствію огня предметовъ и несомнѣнно служила мѣстомъ погребенія для пѣтого населенія въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ съ перерывами довольно продолжительныхъ periodовъ. Часть могилы, вскрытая въ 1886 году, сильно отличается отъ обыкновенныхъ встрѣчающихся карабельныхъ могиль внутреннимъ устройствомъ (кладкою) и богатствомъ и разнообразiemъ культурныхъ предметовъ, частью уже описанныхъ теперь въ брошюре, вышедшей какъ отдѣльный оттискъ Трудовъ Эстонского ученаго общества при Дерптскомъ Университетѣ *). Въ непродолжительномъ времени проф. Висковатовъ опубликуетъ тамъ же и прибавленія на основаніи находокъ 1887 года, частью подтверждающія, частью опровергающія выводы, сдѣланніе имъ на основаніи раскопокъ 1886 года.

3. A. B. Селивановъ прочелъ рефератъ: «О находкахъ древностей въ с. Старой Рязани, Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи».

Представивъ краткій историческій очеркъ Старой Рязани, бывшей нѣкогда резиденціей Рязанскихъ князей, и сообщивъ нѣкоторыя географическая и топографическая свѣдѣнія о Старо-Рязанскомъ городишѣ, докладчикъ сдѣлалъ обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ, сдѣланныхъ въ немъ, археологическихъ находокъ и открытій. Начиная съ 1822 года, когда тамъ были найдены знаменитыя золотыя бармы и другія части древняго княжескаго одѣянія, и до самаго настоящаго времени, всѣ подобныя находки отличались характеромъ случаѣніемъ, не смотря на важное значеніе найденныхъ предметовъ въ научномъ отношеніи. При этомъ многія находимыя тамъ вещи, прежде чѣмъ достигали до начальства, пріобрѣтались посторонними лицами

*) Der schiffförmige Grabenfriedhof bei Tüsel in Estland v. prof. Grewingk nebst Bericht über die Aufdeckung desselben von prof. Wiskowatow. Dergat 1887 4. 2. Profes. S. I. Wiskowatow.

и обнаружено расходились неизвестно куда. Только съ
сентябрь въ 1884 году Рязанской Ученой Архивной
Комиссии были принесены мѣры къ тому, чтобы сдѣлан-
ные въ Старой Рязани находки не пропадали безследно,
и поступили въ учрежденный при Комиссии Рязанскій
Музей. Въ 1886 году Комиссіей были приобрѣты отъ
членовъ житейской иѣзуколько несъмѣнно интересныхъ вещей,
и также были выполнены Комиссіей гробъ, высѣченный
изъ цѣл资料 камни, съ обломкомъ каменной плиты и съ
остатками костей. Памятникъ въ маѣ настоящаго года была
однажды профундированъ и обнаруженъ цѣлый кладъ,
второй разъ изъ рязанскихъ древнихъ серебряныхъ пред-
метовъ: привески, бусы, кресты и т. д. По порученію
Комиссіи, золотчикомъ въ томъ же мѣстѣ было про-
вѣрено рязанское и найдено еще несъмѣнно вещей,
и именно: каменные, обѣданные въ серебро, кресты, бусы,
жемчугъ якогодѣ парчевой ткани и остатки иѣзуда та-
къ какъ изображающіи японскихъ фігуры и латинскими надпи-
сами. Иль привеска въ найденномъ кладѣ обращаютъ
вниманіе два пары, инь которыхъ одна имѣть видъ мас-
онскаго фамильной завѣты съ шариками на концахъ
лучей и въ конуобразнымъ выступомъ въ центрѣ, окан-
чивающимъ такоже шарикомъ, а другая пара, принадле-
жащія къ гипсу ушныхъ привесокъ, найденныхъ въ Киевѣ,
около Дорогомиловой церкви, имѣть видъ гладкихъ чечеви-
цекоробчатыхъ съ нѣкоторою на верху листочкой, окаймленныхъ
по окружности панданами шариками, называемыми на тон-
кую прокрашенную къ краю лисковъ провалоку. Съ
одной стороны каждая привеска изображеніе червью
и руку рабочаго, обращенныхъ другъ въ другу головами
и соединенныхъ изогнутымъ ожелѣзениемъ. Большую часть
находокъ въ Старой Рязани предметовъ относятся, по
членамъ золотчика, имъ основаниемъ сходство имъ съ япон-
скими предметами, находившимися въ курганахъ, въ IX и
X веку.

Членами въ золотническій Присовѣтъ № 1 Академіческаго
Собрания 2 марта 1887 года

Присовѣтъ 1887 года № 1. Рязань. 2 марта 1887 года

ІЗВѢСТІЯ
о занятіяхъ
СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЗДА
ВЪ ЯРОСЛАВЛѣ.

№ 5.

14 августа 1887 г.

I.

Протоколъ засѣданія, 7 августа, утромъ, по II отдѣленію древностей историческихъ, географическихъ и этнографическихъ—подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Анутина.

При открытии засѣданія, г. предсѣдатель обратился къ собранію гг. членовъ Създа съ нѣсколькими словами, въ которыхъ выразилъ благодарность Ученому Комитету VII Създа за избраніе его въ почетные предсѣдатели. Затѣмъ онъ указалъ на главныя цѣли, преслѣдуемыя археологіей. Высшая цѣль археологической науки, по словамъ г. Анутина, есть синтетическое обобщеніе всѣхъ данныхъ, добытыхъ дружными усилиями собирателей древностей, пока до конечныхъ, общихъ выводовъ эта наука еще не дошла. Этнографія является помощницей археологии, вмѣстѣ съ исторіей и географіей. Извъ всѣхъ отдѣловъ Създа—древности историческія, географическія и этнографическія составляютъ важнѣйшую часть, достойную особенного вниманія ученыхъ.

Членъ Създа И. А. Износковъ доложилъ собранію рефератъ профессора Казанской духовной академіи г. Некрасова: „Къ вопросу о первоначальномъ обособленіи Славянского племени“. Всѣ заключенія г. Некрасова основаны исключительно на филологическихъ сопоставленіяхъ, не будучи подкрѣпляемы другими данными науками. Отсюда крайняя односторонность во взглядахъ и слишкомъ

смѣлые выводы. Такъ, изъ сопоставленія разныхъ названій населенныхъ мѣстъ и урочищъ, въ которыхъ встрѣчаются корни *ван'*, *кії'*, *кром'*, *кос'*, *истр'* и др., г. Некрасовъ приходитъ къ заключенію, что послѣдняя арійская группа славянъ шла изъ Азіи въ Европу южнымъ, а не съвернымъ берегомъ Чернаго моря. Такимъ образомъ, напр., *Фазисъ* значить честь, слава— тоже, что *ван*— чтить, хвалить, откуда названія венеты, анты, винды, озеро Ванъ, городъ Нахичевань и т. д.; отъ корня *кос*— Косово, городъ Коссея, народъ Коссеяне, Коссовъ митрополитъ Киевскій XVII вѣка, наши Коссовичи и т. д.; или еще Исторія, Истръ (древній Дунай), Истріонъ (древній Одесса) и т. п. Рефератъ Некрасова г. Извносковъ закончилъ замѣчаніемъ, что дальнѣйшія научныя изысканія, можетъ быть, нѣсколько подтверждать выводы Некрасова, или же совершенно ихъ отвергнуть.

M. B. Никольскій высказалъ свои соображенія касательно того, что нельзя отождествлять названія Венеты и Ванъ и считать ихъ и Коссеянъ представителями *арійскоаго племени*, какъ убѣждаютъ въ томъ новѣйшія открытия ассириологовъ. Языки ванскихъ надписей, ключъ къ которымъ найденъ Сейсомъ и Гюяромъ, по общему признанію, не принадлежитъ къ числу арійскихъ, а потому и народъ Ванъ не можетъ быть родственъ славянамъ. Точно также и народъ Коссеевъ, игравшій во второмъ тысячелѣтіи до Р. Хр. весьма важную роль въ исторіи Халдеи, завоевавшій ее и давшій ей династію, судя по недавно открытому Фридрихомъ Деличемъ документу, представляющему лексикологическую таблицу съ объясненіемъ нѣкоторыхъ коссейскихъ словъ по-ассирійски, также не можетъ быть отнесенъ къ семейству арійскихъ. Въ заключеніе г. Никольскій выразилъ желаніе, чтобы ученые, построющіе свои выводы на созвучіи позднѣйшихъ именъ съ именами древнѣйшихъ народностей востока, обращали вниманіе на сдѣланнія въ послѣднее время открытия на востокѣ.

Професоръ *A. A. Кочубинскій* прочиталъ рефератъ: „О русскомъ племени въ Дунайскомъ Залѣсьѣ“. Професоръ началъ съ того, что, если на съверо-востокѣ въ верхнемъ Поволжьѣ, мы—славяне—поработили финновъ, то на далекомъ юго-западѣ, въ Дунайскомъ Залѣсьѣ или Трансильвани, было какъ разъ наоборотъ: когда то

тамъ жили славяне, но они были вытѣснены венграми, а теперь тамъ живутъ румыны и нѣмцы. Основываясь на найденной имъ лично въ 1875 году, въ Пештѣ, въ Национальномъ Музѣѣ, небольшой рукописи съ молитвенными пѣснопѣніями на языке славянскихъ жителей четырехъ селъ въ южной Трансильваниѣ, референтъ призналъ, что главнѣйшая особенности языка этихъ четырехъ любопытныхъ сель съ признаками глубочайшей древности, (каковы носовые звуки) повторяются въ языке славянскихъ географическихъ именъ края. Даѣе референтъ со-сказался на свидѣтельства путешественниковъ XVI вѣка и указалъ, что жители четырехъ славянскихъ сель около Германштадта (Russendorflein, Nagy, Kis Czerged и Bongert) въ половинѣ этого столѣтія составляли особое племя или народъ, близкое къ Валахамъ, но отличное отъ нихъ. Жители четырехъ упомянутыхъ сель—послѣдніе эпигоны племени, отличного отъ румынъ и родственнаго славянамъ. Въ заключеніе проф. Кочубинскій обратилъ вниманіе на то, что соседніе народы мадьяры, румыны и нѣмцы—какъ прежде, такъ и во время составленія рукописи—въ началѣ XIX вѣка, не называли жителей упомянутыхъ сель иначе, какъ *русскими* (Russen, Rutheni).

Я. Ф. Головацкій поддерживалъ мнѣніе проф. Кочубинскаго въ болѣе широкихъ предѣлахъ. Онъ указалъ на то, что самая страна Залѣсья называлась прежде по-славянски Планиной, что въ ней и по сей часъ встрѣчается много славянскихъ географическихъ названій, доказывающихъ присутствіе славянъ на этомъ мѣстѣ съ давнихъ временъ. Если основываться на историческихъ свидѣтельствахъ, то мы должны признать въ Трансильваниѣ и Румыніи присутствіе двухъ славянскихъ элементовъ—*болгарскаго* и *русскаго*, при чёмъ болгарскій элементъ преобладалъ въ Валахіи, а русскій встрѣчался въ Молдавіи. Старинные акты писались здѣсь не иначе, какъ по-славянски и, основываясь на нихъ, мы должны заключить, что русскіе составляли здѣсь все же меньшинство, колонію. Слѣдовательно, можно утверждать, что и въ Дунайскомъ Залѣсьѣ были славяне съ преобладающимъ болгарскимъ элементомъ.

Е. В. Барсовъ прочелъ рефератъ: „О Княжичъ го-родкѣ на Шекснѣ“. По порученію Ярославскаго Предварительного Комитета VII-го Археологическаго Съѣзда,

г. Барсовъ дѣлалъ раскопки на берегахъ р. Шексны, при впаденіи въ нее небольшой рѣчки Моксы, но раскопки эти не сопровождались никакими интересными открытиями. Близъ д. Ольховой на Шекснѣ г. Барсовъ видѣлъ при старѣйшихъ дубовъ, обрѣзъ одного изъ которыхъ онъ и представилъ на выставку Съезда. Такъ какъ поиски за вещественными памятниками вообще были неудачны, то г. Барсовъ обратился къ народному творчеству, и на этой почвѣ ему посчастливилось больше. Въ деревнѣ Ольховѣ г. Барсову указали на крестьянина Михея Васильева Глибина, какъ пѣвца старинныхъ пѣсень. Михей Глибинъ объяснилъ, что покойный отецъ его, Василий Даниловъ и дѣдъ, Даниилъ Ивановъ, въ свою очередь, слышали пѣсни отъ старика Ивана Степанова. Г. Барсовъ цѣликомъ записалъ одну изъ такихъ пѣсень былинного характера, замѣчая о ней, что „этотъ отголосокъ былеваго творчества едва-ли не послѣдній на берегахъ Шексны“. Далѣе г. Барсовъ привезъ свои изысканія о „Княжичъ городкѣ“. Городокъ этотъ находится на правомъ берегу Шексны въ 30 верстахъ отъ города Мологи и въ 75—отъ Рыбинска. На берегу рѣки Андоги, текущей въ Суду, которая впадаетъ въ Шексну (Черепов. уѣз., Новгор. губ.), есть мѣстность съ подобнымъ же названіемъ „Княжее село“. Доказано, что это была столица князей Андогскихъ, упоминаемыхъ въ документахъ. Подобно тому Княжичъ-городокъ, какъ думается г. Барсовъ, служилъ столицею князей Шеконскихъ. До царя Михаила Феодоровича городокъ имѣлъ значеніе села, а съ того времени, по челобитью Попшеконского воеводы Михаила Дурново, возвведенъ на степень города. Г. Барсовъ цѣликомъ привезъ текстъ этой челобитной отъ 14 июля 1620 года. Изъ нея видно, что Княжичъ-городкомъ до этого времени владѣлъ родъ дворянъ Уваровыхъ.

II.

Протоколъ засѣданія, 7 августа, вечеромъ, по открытию древностей церковныхъ, подъ предсѣдательствомъ проф. П. А. Висковатова.

Професоромъ Казанской духовной академіи Н. Ф. Красносельцемъ было доложено: „Описаніе пяти синодиковъ, хранящихся въ древлехранилищѣ при Нижегородской духовной семинаріи“, доставленное В. И. Богословскимъ.

Давъ общее понятіе о синодикахъ, объяснивъ нравы ихъ (синодикъ-сенаторъ), докладчикъ сообщилъ свѣдѣнія о составѣ ихъ. По мнѣнію г. Красносельцева, существуютъ три рода синодиковъ: 1) Синодики первого рода, обыкновенного состава, начинающіеся прямо поминовеніемъ, причемъ въ нихъ сначала поминается по миновеніе общее всѣхъ происшедшіхъ отъ Адама и поизвѣшнихъ Бога; далѣе идетъ болѣе частное поминовеніе: царей, царицъ, патріарховъ, митрополитовъ, архиепископовъ и всего священнааго и иноческаго чина и, наконецъ, еще болѣе частное поминовеніе лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ православнымъ фамиліямъ. Чѣмъ славнѣе были монастыри, тѣмъ обильнѣе именами его синодики. 2) Синодики втораго, болѣе сложнаго рода, въ которыхъ поминовеніе предваряется обыкновенно болѣшимъ или меньшимъ количествомъ статей дополнительныхъ, направленныхъ къ уясненію пользы поминовенія. Въ синодикахъ этого рода встрѣчаются иногда и цовѣсти съ апокрифическимъ отдѣломъ, а потому подобные синодики могутъ имѣть значеніе и въ литературномъ отношеніи, и, наконецъ, 3) Синодики третьаго, посѣдняго рода, по составу своему почти не отличающіеся отъ синодиковъ втораго рода, но предварительныя статьи которыхъ снабжаются обыкновенно множествомъ иллюстрацій, вслѣдствіе чего синодики этого рода могутъ имѣть не малое значеніе, какъ памятники древне-русскаго искусства.

Нижегородскіе синодики, описанные г. Богословскимъ, представляютъ собою образчики всѣхъ трехъ

довъ. Къ первому относятся описанные имъ подъ № 1, 3 и 5. Самый важный изъ нихъ—первый, принадлежавшій Макарьевскому Желтоводскому монастырю противъ с. Лыскова. Въ синодикѣ этого монастыря, послѣ общаго поминовенія, помѣщены многочисленные перечни именъ, принадлежавшихъ усопшимъ роднымъ многихъ русскихъ іерарховъ, многихъ князей и бояръ русскихъ, купцовъ и другихъ лицъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ имена: великихъ князей Нижегородскихъ, митрополитовъ Новгородскихъ и Крутицкихъ, епископовъ Суздальскихъ, Псковскихъ, игуменовъ и братій св. обители (Желтоводской), бояръ Морозовыхъ, Романовыхъ, Салтыковыхъ, князей Сицкихъ-Ярославскихъ, князей Бахтеяровыхъ-Ростовскихъ, Карамзиновыхъ, роды Москвичей, Нижегород. столяра Мелитія Иванова сына, что рѣзалъ иконостасъ въ соборѣ, убитыхъ подъ Псковомъ въ 7159 г., роды жителей разныхъ городовъ, „кои по Волгѣ вверхъ“, Кинешмы, Костромы, Ярославля и др.... Второй подобный же синодикъ принадлежалъ Спасскому монастырю, что на Зеленыхъ горахъ, основанному въ 1653 году, что нынѣ Спасо-Зеленогорская женская община. Въ числѣ родовъ встрѣчаемъ „роды выморные въ моровой годь; адѣже писаны и безплемянные“. Третій синодикъ этого же разряда былъ въ церкви села Чистаго поля, Семеновскаго уѣзда, гдѣ прежде былъ мужской монастырь. Второй видъ синодиковъ представляетъ синодикъ Спасскаго монастыря на Зеленыхъ горахъ. Въ немъ сперва помѣщается „предисловіе синодика, коє ради вины уставися творити память о умершихъ“, въ которомъ предисловіи, между прочимъ, находится „вѣчная повѣсть и дивная о суботѣ мясопустнѣй“, а потомъ слѣдуетъ общее поминовеніе всѣхъ проишедшихъ отъ Адама и Евы и познавшихъ Бога и поминовеніе частное царей и царіцъ и др. лицъ. Третій видъ синодиковъ представляетъ синодикъ церкви с. Болобанова, Сергачскаго уѣзда, Нижегородской губерніи устроенный въ 1683 году. Въ немъ 37 картинъ съ надписями и стихами внизу, а иногда вверху и по бокамъ картинъ. Предисловіе—„увѣщаніе люботщательному православному читателю о предисловіи во книгу синодикъ о пособії мертвымъ“. Послѣ картинъ общее и частное поминовеніе разныхъ лицъ.

Второе сообщеніе В. И. Богословскаго „О деревян-

ныхъ сосудахъ и деревянныхъ вѣнцахъ, хранящихся въ древлехранилищѣ при Нижегородской духовной семинарии" — было доложено *Н. И. Троицкимъ*.

Передавая свѣдѣнія о нихъ на основаніи сообщенія г. Богословскаго и приложенныхъ къ нему рисунковъ, г. Троицкій сообщилъ и о другихъ извѣстныхъ ему деревнихъ св. сосудахъ и вѣнцахъ. Онъ указалъ на деревніе деревянные потиры преп. Сергія, на потиры въ сс. Спась-Тешеловой, Сенкино, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи, и на стеклянныя потиры, находящіеся теперь въ древлехранилищѣ при Тульской духовной семинаріи, съ вылитыми раскрашенными изображеніями. Говоря, затѣмъ, о деревянныхъ вѣнцахъ Нижегородского древлехранилища, г. Троицкій изложилъ свѣдѣнія о постепенномъ развитіи формъ брачныхъ вѣнцовъ изъ простаго деревяннаго обруча, который украшался цветами, а иногда даже просто обвертывался соломой, какъ, наприм., вѣнецъ въ г. Туровѣ,—въ ту форму, которую вѣнцы имѣютъ теперь.

На заявленное г. Ящуринскимъ желаніе имѣть свѣдѣніе о вліяніи свадебныхъ обычаевъ, наблюдаемыхъ въ Малороссіи, на форму вѣнцовъ, проф. *Н. В. Покровскимъ* было отвѣчено, что объ этомъ имѣ уже было говорено въ статьѣ „О брачныхъ вѣнцахъ“.

С. А. Бѣлокуровъ доложилъ свой рефератъ по вопросу „О времени открытия греколatinской школы Арсенія грека въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ“. Приведя свидѣтельство Олеарія объ этой школѣ, г. Бѣлокуровъ изложилъ мнѣніе различныхъ лицъ, касавшихся вопроса о школѣ Арсенія грека. Изъ представленнаго имъ обзора мнѣній оказалось, что почти всѣ лица, касавшіяся этого вопроса, признавали существованіе при патр. Филаретѣ школы Арсенія грека, а учителемъ въ ней одни изъ нихъ считали Арсенія грека, а другіе Арсенія Глухаго, и только митр. Макарій въ своей Исторіи русской церкви (т. XI, соб. 1882 г.) высказалъ мнѣніе, что этой школы Арсенія грека при патр. Филаретѣ не было, а она была открыта при патр. Никонѣ.— Перейдя, затѣмъ, къ разбору самого свидѣтельства Олеарія, г. Бѣлокуровъ пришелъ къ выводу, что во второмъ и послѣдующихъ изданіяхъ, сравнительно съ 1-мъ изданіемъ, находится много различныхъ вставокъ и дополненій, сдѣланныхъ Олеаріемъ въ 1654—1655 годахъ, что къ числу подобныхъ вставокъ относится и свидѣтельство Олеарія о

школѣ Арсенія грека, котораго свидѣтельства въ первомъ изданіи наѣдѣть, какъ то было видно изъ экземпляра этого изданія, хранящагося въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и во время чтенія находившагося въ рукахъ у г. Бѣлокурова.— Иакожи възтѣмъ свѣдѣнія объ Арсениѣ грекѣ и возвращеніи его изъ Соловокъ, г. Бѣлокуровъ пришелъ къ выводу, что никакой греколатинской школы Арсения грека при патріархѣ Филаретѣ въ Москвѣ не было, а что эта школа была открыта приблизительно около 1653 года.

Печатано съ разрешенія Предсѣдателя VII Археологическаго
Съезда, 14 августа 1887 года.

Ярославль. 1887 года Въ Тип. Губ. Прав.

Г.И. 572034

ИЗВѢСТИЯ
о занятіяхъ
СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЗДА
ВЪ ЯРОСЛАВЛѦ.

№ 6.

17 августа 1887 г.

I.

Протоколъ засѣданія, 9 августа, утромъ, по II от-
дѣленію древностей историческихъ, географическихъ и
этнографическихъ—подъ предсѣдательствомъ проф. Ор.
Фед. Миллера.

И. В. Миловидовъ прочелъ рефератъ: „О городѣ Ко-
стромѣ въ историко-археологическомъ отношеніи“. Доклад-
чикъ началъ съ указанія прежнихъ трудовъ по исторії
Костромы, напр. князя Козловскаго, Васыкова,—трудовъ,
отличающихся неполнотою и не чуждыхъ ошибокъ; ука-
зать затѣмъ на общіе труды по исторіи Россіи, напр.
В. Н. Татищева и другихъ, и лѣтописи съверо-восточ-
ной Россіи. Свое изложеніе исторіи Костромы г. Мило-
видовъ началъ съ древнейшей до исторической эпохи,
сопровождая свои объясненія историко-этнографическими
соображеніями. Все верхнее Поволжье изобилуетъ курга-
нами или городищами, изученіемъ которыхъ такъ стара-
тельно занимаются въ послѣднее время наши археологи.
Костромскія же городища изслѣдованы пока мало. Об-
ласть верхняго Поволжья населена была племенемъ Мери,
о курганахъ которой мы имѣемъ превосходное изслѣдо-
ваніе покойнаго гр. Уварова. Присутствіе Мери на мѣс-
тахъ нынѣшней Костромской губерніи доказывается не-
только курганными раскопками, но и письменными па-
мятниками, упоминающими Галичъ Мерскій. Референтъ
думаетъ, что и название нынѣшней Нерехты есть пере-

дѣлка слова „Мерехта“. О глубокой языческой старинѣ лучше всего говорить народный прадникъ „костромы“ и мѣстныя пѣсни, главнымъ мотивомъ койхъ является любовь. Славянская колонизация въ этихъ мѣстахъ началась очень рано, такъ что въ историческую эпоху мы застаемъ адѣсь уже смѣшанное населеніе финско-славянское. Происхожденіе названія Костромы опредѣлить трудно; нѣкоторые считаютъ его славянскимъ. Г. Миловидовъ высказалъ предположеніе, что въ древнѣйшее время поселеніе находилось на правомъ берегу Волги—тамъ, гдѣ нынѣ сельцо Городище; потомъ городъ былъ перенесенъ на лѣвый берегъ, какъ можно думать, къ самому устью рѣки Костромы, и, наконецъ, уже на нынѣшнее его мѣсто. Нынѣшняя Кострома впервые упоминается въ 1213 г. и первоначально входила въ составъ Владимиро-Суздальской, а не Ростовской области. Референтъ думаетъ, что на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ городъ находится со времени Батыева нашествія, причемъ строителемъ его послѣ 1237 г. былъ вел. князь Ярославъ Всеволодовичъ. Такъ какъ христіанское имя его было Феодоръ, то и древнѣйшая соборная церковь города была во имя Феодора Стратилата. Сказавъ нѣсколько словъ о Феодоровской иконѣ Богоматери, г. Миловидовъ вкратцѣ передалъ дальнѣйшую исторію города, закончивъ ее извѣстіями о началѣ Ипатьевскаго монастыря, какъ главнаго хранителя мѣстныхъ письменныхъ документовъ о Костромской области и городѣ Костромѣ.

Проф. Д. А. Корсаковъ указалъ на сходство черемисского языка съ другими финскими. Хотя языкъ Мери исчезъ, но многія географическія названія области ея объясняются изъ языка черемисовъ, которые сами себя называютъ доселѣ *Mara*—человѣкъ-мужина. Изученіемъ языка черемисовъ въ послѣднее время занялся учитель начальной школы при инородческой учительской семинаріи въ Казани г. Семеновъ, самъ родомъ черемисъ Уржумскаго уѣзда, Вятской губ. Изъ числа собранныхъ имъ словъ г. Корсаковъ отмѣтилъ слова „*Каштымы*“, „*Каштыргымы*“, что по-русски означаетъ „открытый вѣтрамъ“. Не отсюда-ли, по предположенію г. Корсакова, произошло название города Костромы, стоявшей первоначально на возвышенномъ правомъ берегу Волги, открытомъ вѣтрамъ? Учитель Семеновъ подобнымъ образомъ объясняетъ

название Кинешмы. „Кү.-нöшмы“ по-черемисски означает каменные зерна, мелкие камешки. Впрочемъ, въ области Костромской, по мнѣнию проф. Корсакова, уже въ древнѣйшія времена рядомъ съ финнами несомнѣнно жили и славяне.

И. А. Износковъ сообщилъ существующее у чувашъ и черемисъ преданіе о происхожденіи кургановъ отъ великановъ. Одинъ изъ нихъ, представляемый въ народной фантазіи какимъ-то богатыремъ, Олыбь-Тупры, шелъ будто бы въ лаптяхъ по глубокой грязи; тамъ, где онъ отряхивалъ свои лапти, образовались насыпи—городища. Вѣроятно, и происхожденіе Костромского городища народъ объясняетъ этою же легендой.

Н. И. Троицкій прочиталъ рефератъ: „Берега рѣки Непрядвы въ историко-археологическомъ отношеніи“. Г. Троицкій неоднократно осматривалъ берега этой исторической рѣки и близко ознакомился съ этой мѣстностью. О древнѣйшихъ обитателяхъ верховьевъ р. Дона онъ высказываетъ предположеніе, что таковыми могли быть въ до-исторической времена финны, во времена же Нестора тутъ жили Вятичи. Слѣдовъ этихъ народовъ и надо искать въ верховыхъ Дона. Г. Троицкій указываетъ на такъ назыв. „конь-камень“ на р. Красивой Мечи, прит. Дона. Такіе же камни есть въ с. Дуннахъ, Чернскаго уѣзда и въ с. Никольскомъ, того же уѣзда. Отсутствіе браковъ и похищеніе женъ ♀ Вятичей сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаяхъ до сихъ порь. Въ Козельскомъ уѣздѣ, на сѣверномъ берегу Непрядвы, близъ села Непрядиваго, доселъ есть урочище „Веселая-Горка“, где бываютъ шумные собрища. Встрѣчаются и вещественные находки—слѣды быта прежнихъ обитателей. Г. Троицкій нашелъ на „Веселой Горкѣ“ одну серыгу, подобная которой есть въ Твери въ Музѣѣ. Бывали также находки, свидѣтельствующія о бывшихъ здѣсь сраженіяхъ; напр. находили бердыши. Такія находки обыкновенно пріурочивали къ извѣстному событию 1380 года. На берегахъ Непрядвы находили иногда татарскія монеты временъ хана Узбека. Рядомъ съ татарскими встрѣчаются и христіанскія древности. Такъ, на Куликовомъ полѣ находили кресты, изъ коихъ особенно любопытенъ по древности крестъ-складень. О вѣнцахъ г. Троицкій сдѣлалъ особый докладъ Съѣзду. Вообще онъ пріурочиваетъ всѣ христіанскія находки по берегамъ Непрядвы ко времени

не раніє XVI століття, коли відсьв существовали монастыри, напр. Рождественський-Богородицький, розрушенний въ 1571 г. (*).

θ. Θ. Чекалинъ заявилъ, что кони—камни встречаются и въ другихъ губерніяхъ. Онъ видавъ ихъ въ мордовскихъ деревняхъ Саратовской губерніи и считаетъ продуктомъ геологического образования, известного подъ наименіемъ валуновъ. Валуны эти бывають разныхъ составовъ. Въ Саратовской губерніи они состоять изъ кремня. Кремень—такое вещество, которое встречается очень часто въ видѣ валуновъ, иногда въ очень затейливыхъ формахъ. Это желваки-кремни наливного происхождения различныхъ размѣровъ. Одинъ изъ такихъ камней въ Кузнецкомъ уѣздѣ, Саратовской губ., имѣетъ форму коня.

Проф. П. А. Висковатовъ сообщилъ, что ему известны подобные камни въ Лифляндской и Эстлинской губерніяхъ. Около Дерпта есть камень—конь съ какими-то углубленіями. Они упоминаются въ финской „Калевалѣ“ и когда-то считались стѣдами Кальви. Народъ связываетъ съ ними воспоминанія о битвахъ и придаетъ имъ священное значеніе: въ углубленія камней, по предавію, собиралась кровь приносимыхъ въ жертву коней.

Л. Н. Майковъ сказалъ, что онъ видѣвъ на островѣ Коневцѣ конь—камень изъ гранита. Углубленій на немъ неѣть, но есть преданіе, что тутъ приносились въ жертву кони.

Н. И. Троицкій замѣтилъ, что кони—камни, имъ видѣнны, состояли изъ жерноваго песчаника. Крестьяне ихъ утилизируютъ. Въ селѣ Башево, Одоевскаго у., Тульской губ., есть два камня, почитавшіеся священными, народъ приносилъ сюда жертвы въ видѣ холста и другихъ домашнихъ издѣлій.

(*) По течеію Непрядвы были поселены монастырскіе крестьяне, на что указываетъ название села Монастырщина. Самая земля принадлежала монастырямъ: по рѣчкѣ Ситкѣ—Тульскому Предтечеву монастырю; ближе къ Дову—дачи митрополитовъ Сарскихъ и Шодонскихъ, где и было село Рождество—Монастырское; вверхъ по Непрядвѣ—земля Ростовскаго митрополита, южнѣе—земля Коломенскаго архіепископа. На сѣверн. берегу Непрядвы—были дворцовая земля съ селомъ Михайловскимъ. Въ XVI—XVII вв. здѣсь возникаютъ крѣпости и укрепленные городки.

А. С Гациский добавилъ, что и ему известны копи — камни въ Нижегородскомъ Заволжѣ, именно въ Семеновскомъ уѣздѣ, гдѣ еще Мурчисонъ указалъ цѣлую гряду валуновъ.

Затѣмъ *А. С. Гациский* сообщилъ рефератъ: „О мѣстѣ погребенія князя Д. М. Пожарскаго“. Въ Нижегородской губерніи давно существуетъ легенда о томъ, что князь Пожарскій погребенъ въ своей балахонской вотчины. Изложивъ литературу предмета, референтъ рассказалъ о предпринятомъ имъ въ маѣ 1887 г. путешествіи по всей бывшей вотчинѣ князя Пожарскаго съ селеніями Пурехомъ, Нериномъ и Бурцевымъ. Экскурсія эта совершена была референтомъ вслѣдствіе дошедшаго до него слуха о томъ, что въ лѣсной болотѣ около с. Бурцева найденъ бытъ надгробный памятникъ князя Пожарскаго. Сообщивъ Съездѣ содержаніе сохранившихся въ народѣ легендъ о князѣ Пожарскомъ какъ въ с. Пурехѣ, такъ и въ сс. Неринѣ и Бурцевѣ, референтъ подробно описалъ самый камень, вызвавшій его поѣзду и оказавшійся простымъ голышомъ съ нацарапанной на немъ безграмотной и нелѣпой надписью. Дающе г. Гацискій указать, какъ возникъ слухъ о томъ, что камень этотъ—надгробный памятникъ съ могилы кн. Пожарскаго. Въ заключеніе референтъ присоединился въ вопросѣ о мѣстѣ погребенія князя къ мнѣнію покойнаго графа А. С. Уварова, который доказалъ, что могила Пожарскаго находится въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ въ г. Суздалѣ.

Професоръ *В. З. Завитневичъ* прочелъ рефератъ: „Существовало-ли племя Суличей?“ Въ начальной лѣтописи, по словамъ референта, подъ 885 годомъ читается: „А со уличи“ (Лаврентьевский списокъ); „а суличи“ (Ипатьевский, Хлѣбниковский); „а съ суличи“ (Радзивилловский, Троицкий). Извѣстіе трехъ чтеній правдоподобнѣйшими слѣдуетъ признать, по мнѣнію г. Завитневича, послѣднее, изъ котораго легко объясняются два предыдущихъ варианта. Существованіе племени суличей подтверждается, по мнѣнію референта, также археологическими раскопками, доказывающими фактъ существованія въ посульскомъ краѣ особаго славянскаго племени, отличаю отъ черниговскихъ сѣверянъ.

Л. Н. Майковъ указалъ референту на свидѣтельство

равеннискаго географа VIII—IX в., у котораго упомянуты уличи (Unlizi). Поэтому „суличи“ лѣтописи есть ошибка писца.

Д. И. Багалль заявилъ по поводу поднятаго г. Завитневичемъ вопроса слѣдующее: „въ раскопкахъ профессора Самоквасова, сказалъ профессоръ Багалль, опредѣлилось время насыпки кургановъ, благодаря находкамъ монетъ; нужно было бы доказать, что курганы, разрытые г. Мазараки, относятся къ тому же времени; но даже и тогда очень возможно, что у сѣверянъ кромѣ тѣхъ погребальныхъ типовъ, которые констатированы проф. Самоквасовымъ, были и другие, которые теперь находить г. Мазараки на р. Сулѣ; на такое предположеніе наводятъ раскопки В. Б. Антоновича, который въ Черниговской же губерніи нашелъ оригинальный погребальный типъ, отличный отъ извѣстныхъ прежде“.

II.

Протоколъ засѣданія 9 августа, вечеромъ, по VI отдѣленію памятниковъ славяно-русскаго языка и письма, подъ предсѣдательствомъ проф. Д. А. Корсакова.

1. *А. И. Кирпичниковъ* изложилъ содержаніе повѣсти подъ наяваніемъ: „Слово ветхаго Алекса, како уби Сиона царя Аморейска“, открытой имъ въ одной изъ рукописей библіотеки Новороссійскаго университета, обратить вниманіе на нѣкоторыя особенности ея языка и высказать мнѣніе, что эта повѣсть, сравнительно поздняго происхожденія, составленная изъ исторіи Троянской войны съ воспоминаніями изъ поэмы о Дигенісѣ, Александріи и др., и что мѣстомъ ея составленія слѣдуетъ считать Византію, а мѣсто перевода (со вставками) Македонію. По мнѣнію референта, открытая имъ повѣсть важна какъ параллель къ позднимъ національнымъ поэмамъ западно-европейскихъ народовъ. По прочтенію этого реферата, А. А. Кочубинскій замѣтилъ, что упоминаемое въ повѣсти имя Гелуда есть, по всей вѣроятности, испорченное Гекуба.

2. *Л. Н. Майковъ* сообщилъ о найденномъ имъ памятникѣ старой русской письменности, до сихъ поръ неизвѣстномъ и содержащемъ въ себѣ описание Цареграда. Описаніе это облечено въ форму бесѣды между царемъ и епископомъ: послѣдній разсказываетъ первому о видѣнныхъ имъ святыняхъ и прочихъ достопамятностяхъ Кон-

стантинопольскихъ. По мнѣнію референта, основанному на нѣкоторыхъ показаніяхъ текста, вновь открытый памятникъ относится къ концу XIII вѣка или началу XIV вѣка и составленъ русскимъ. Кроме свѣдѣній о храмахъ и монастыряхъ Цареграда, о св. мощахъ и чудотворныхъ иконахъ, описание сообщаетъ любопытныя данныя также и о нѣкоторыхъ гражданскихъ памятникахъ столицы Византійскихъ императоровъ. Къ сожалѣнію, это произведеніе сохранилось въ плохомъ спискѣ, безъ заглавія и начальныхъ строкъ и съ нѣкоторыми проблѣмами въ текстѣ, почemu было бы желательно найти его въ болѣе полномъ и удовлетворительномъ видѣ.

3. Е. В. Барсовъ сдѣлалъ описание одной замѣчательной пергаменной рукописи XIV вѣка—Молитвослова особаго состава, приспособленного для отправленія церковныхъ службъ безъ священника. Между другими общезнѣпѣчными молитвами и псалмами, въ этомъ памятнику референтомъ найдены молитвы Кирилла Туровскаго, въ редакціяхъ нѣсколько отличныхъ отъ извѣстныхъ по другимъ рукописямъ. Присутствіе ихъ въ Молитвословѣ, по мнѣнію референта, указываетъ на то, что въ древней Руси они употреблялись при богослуженіи. По прочтѣніи этого реферата, М. И. Соколовъ сообщилъ Съѣзду о томъ, что сочиненія Кирилла Туровскаго были извѣстны въ древности не только въ Россіи, но и въ Сербіи и что между рукописями Бѣлградской народной библіотеки находится сербскій сборникъ XVI—XVII в., содержащій въ себѣ тѣ самыя молитвы Кирилла, о которыхъ было сообщено Е. В. Барсовымъ. Онъ расположены въ немъ всѣ подъ рядъ, по три молитвы на каждый день недѣли; одна „по утрени“, другая „по часахъ“ и третья „по вечерни“. Далѣе М. И. Соколовъ заявилъ, что ему посчастливилось найти въ сербскомъ пергаменномъ сборнике конца XIII вѣка, принадлежащемъ проф. Сречковичу, повѣсть Кирилла Туровскаго о бѣлорицѣ, заключающую въ себѣ, между прочими, и извѣстное упоминаніе о Киево-Печерскомъ монастыре и св. Феодосіи Печерскомъ; этой списокъ повѣсти, по мнѣнію М. И. Соколова, слѣдуетъ считать древнѣйшою рукописью сочиненій Кирилла, наиболѣе близкою ко времени автора изо всѣхъ до сего извѣстныхъ.

4. С. О. Платоновъ обратилъ вниманіе Съѣзда на

русскія сказанія о смутномъ времени XVII вѣка, составляющія въ старой русской письменности весьма замѣтный отдѣлъ историческихъ памятниковъ, и сдѣлать попытку расположить эти сказанія какъ изданныя, такъ и неизданныя, въ порядкѣ ихъ составленія. По мнѣнію референта, смута XVII вѣка, еще до окончанія своего, вызвала нѣсколько литературныхъ произведеній, посвященныхъ или изображенію отдѣльныхъ фактovъ смуты, или обсужденію общаго положенія дѣлъ, созданного смутой. Собственно историческое изображеніе событий смуты во всей ихъ совокупности началось въ царствованіе Михаила Феодоровича, когда появилось много драгоценныхъ и съ литературной, и съ фактической стороны произведеній о смутномъ времени.—Но рядомъ съ ними возникли также компиляціи, иногда весьма низкаго достоинства. Во второй половинѣ XVII в., когда уже сошли со сцены очевидцы смуты, писавшіе о ней по личнымъ воспоминаніямъ, развитіе литературы о смутномъ времени не остановилось и путемъ переработки старого матеріала создались новые сказанія, носящія въ себѣ черты уже легендарныя. Изъ нихъ референтъ остановился только на наиболѣе раннихъ и представилъ краткую характеристику такъ наз. „Иного еканія“, Повѣсти протопопа Герентія, Новгородской повѣсти о видѣніи 1611 года, „Плача о разореніи Московскаго государства“ и „Повѣсти о нѣкоей браніи, належащей на благочестивую Россію“.

5. Секретарь отдѣленія А. И. Соболевскай доложилъ замѣтку Д. И. Прозоровскаго о выраженіи *всямокачно*. Оно, какъ известно, встрѣчается въ Паломникѣ мниха Даніила и обыкновенно въ немъ видѣть два слова *вся* и *мокачно*. По мнѣнію Д. И. Прозоровскаго, надо принять мнѣніе А. И. Тимофеева, что это выраженіе слѣдуетъ считать составленнымъ изъ словъ *всямо* и *окачко* и означающимъ: закругленно со всѣхъ сторонъ. По прочтеніи наложенной замѣтки, докладчикъ заявилъ, что, на его взглядъ, нѣть достаточнаго основанія видѣть въ *всямокачко* два, а не одно слово, и что доводы Д. И. Прозоровскаго не решаютъ вопроса о значеніи данного слова.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго
Съѣзда, 17 августа 1887 года.

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Правл.

Г. III. 512.035

Digitized by Google

ІЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЇЗДИ ВЪ ЯРОСЛАВЛѦ.

№ 7.

Протоколъ засѣданія, 10 августа утромъ, по III отдѣленію памятниковъ древне-русскаго искусства, подъ предсѣдательствомъ проф. Д. И. Багалѣя.

Графъ *И. И. Толстой* обратилъ вниманіе на вышедшій въ свѣтъ въ 1884 году и появившійся въ Россіи послѣдняго Одесскаго Съїзда трудъ французскаго археолога Шлумбергера *Sigillographie de l'empire Byzantin* какъ на примѣрный сборникъ сферагистическаго материала Византіи, по строгой систематизаціи коего въ этомъ изданіи, послѣднее можетъ служить схемой для будущихъ трудовъ въ области сферагистики и другихъ странъ. Указавъ на то, что этотъ трудъ имѣть значеніе для спеціалистовъ и по другимъ отраслямъ археологіи, докладчикъ утилизировалъ иаданный г. Шлумбергеромъ материалъ для уясненія одного темнаго вопроса въ русской нумиатикѣ. Издавая 6 лѣтъ тому назадъ монографію о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ, графу Толстому пришлось, по недостатку данныхъ, оставить открытымъ вопросъ о происхожденіи типа серебряныхъ монетъ Ярослава Мудраго. Трудъ г. Шлумбергера далъ возможность установить фактъ происхожденія этого монетнаго типа отъ типа византійскихъ печатей X—XI вѣка. Въ заключеніе, референтъ выразилъ надежду, что со временемъ русская сферагистика будетъ разработана на столько, чтобы она могла служить под-

спорьемъ для рѣшенія вопросовъ и по другимъ отраслямъ русской археологии.

И. Е. Забѣлинъ высказалъ предположеніе, что «Ярославле сребро», которое графъ Толстой считаетъ монетой, ничто иное, какъ серебряная печать, которыми снабжались русскіе гости въ Царьградѣ.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе графъ Толстой сослался на свою монографію о Кіевскихъ монетахъ, въ коей подробнѣ разобранъ вопросъ о значеніи Ярославля сребра, какъ монеты, указавъ при этомъ, что печати золотыя и серебряныя неизвѣстны въ сфрагистикѣ; дѣлались же та-ковыя изъ воска или свинца и покрывались только тонкой пластинкой золота или серебра.

Затѣмъ академикъ-архитектуры *В. В. Сусловъ* доложилъ рефетатъ: „*О древнихъ деревянныхъ церквяхъ южной полосы Россіи и сравненіе ихъ съ сѣверными*“.
Прежде чѣмъ перейти къ разбору памятниковъ, референтъ далъ бѣглый взглядъ на исторію заселенія юга и указалъ на тѣ обстоятельства, при которыхъ могло получиться извѣстное направление и степень развитія искусства. Приступая затѣмъ къ описанію древнихъ деревянныхъ церквей (XVII—XVIII стол.), земли Войска Донского, г. Суловъ раздѣлилъ ихъ по плану на два типа: первый изъ нихъ представляется со-бою три восьмигранныхъ сруба, примкнутыя одинъ къ другому, по одной главной оси церкви. Къ западному восьмиграннику въ этихъ церквяхъ примыкаль меленький срубъ (притворъ), изъ которого входили въ помѣщеніе—называвшееся «бабникомъ» или женочникомъ, предназна-чавшееся исключительно для женщинъ; здѣсь же ставились покойники для отпѣванія и столы съ лавками для поми-новенія усопшихъ. Изъ бабника входили въ главное по-мѣщеніе—«мужичникъ», имѣвшее съ сѣверной и запад-ной сторонъ по особому входу. Эти помѣщенія иногда дѣлались вытянутыми отъ сѣвера къ югу или отъ запада къ востоку, причемъ формы мужичника, женочника и пресвитерія иногда имѣли видъ двадцатигольниковъ; клиросы, большую частью, ставились вдали отъ иконо-стаса, а иногда у западной стѣны „мужичника“. Третье помѣщеніе „пресвитерія“ отдѣлялась отъ церкви высокимъ иконостасомъ съ „постѣнными“ образами.

Второй типъ Донскихъ церквей—крестовый. Г. Су-

ловымъ была приведена, какъ образчикъ, церковь въ г. Азовѣ (изъ альбома Озюбишина). Церковь эта, по преданію, была возобновлена по фундаменту такой-же церкви X столѣтія. Она имѣть видъ креста, концы котораго—полукруглые. Преданіе о существованіи такой церкви въ X вѣкѣ нѣсколько можетъ подтверждаться тѣми соображеніями, что ковары, населяя мѣста между Окою и Днѣпромъ, имѣли сношеніе съ греками и, по принятіи христіанства, отъ св. Кирилла, вѣроятно, усвоили себѣ типъ тогдашнихъ греческихъ церквей. Подобный типъ дѣйствительно встречается не только въ Греціи но и въ раскопкахъ Херсонеса. Такимъ образомъ, типъ этихъ плановъ, въ видѣ исключенія, могъ удержаться въ XVI столѣтіи—по преданіямъ. Въ станицѣ Богоявленской существуетъ подобная-же деревянная церковь, но только за круглениемъ въ ней по свойству материала замѣнены гранями.

Кромѣ описанныхъ плановъ Донскихъ церквей, былъ приведенъ референтомъ планъ старо-черкасского собора.

Обращаясь къ фасадамъ южныхъ церквей, г. Сусловъ раздѣлилъ ихъ на одноглавыя, трехглавыя и многоглавыя. Рассматривая церковь въ станицѣ Петровской, референт упомянулъ, что на Дону нѣрѣко дѣлались церкви изъ колотаго дуба, т. е. вся обработка стѣнъ производилась исключительно при посредствѣ топора.

„Зрубъ“ или срубъ—, засновывали“ изъ половинчатыхъ или цѣлыхъ бревенъ (пленицъ и пѣвки) на каменномъ фундаментѣ или на толстыхъ бревнахъ—, подвалинахъ“. Углы строенія дѣлались въ уголъ и въ стойку, а съ внутренней стороны схватывались горизонтальными брусками, съ рѣзными украшеніями. Стѣны въ нѣкоторыхъ церквяхъ шли не вертикально, а нѣсколько наклонно къ центровой вертикальной оси церкви. Внутри онѣ выстраивались—, пуговались“, а снаружи обшивались тонкимъ тесомъ—, шелевкою“ въ вертикальномъ направленіи; причемъ церковь раздѣлялась поясками или же обрѣзами самой шелевки, въ видѣ арочекъ или трехугольныхъ городковъ. Карнизы иногда дѣлались съ откосомъ,—для чего въ углахъ строенія бревна, подходя къ карнизу, постепенно удлинялись, а затѣмъ укорачивались, давая направленіе крышѣ; на выпускныя бревна горизонтально наколачивались доски, образуя такимъ образомъ завалъ.

Выше первого сруба (по преимуществу восьмерика) шелъ другой восьмерикъ—меньшаго размѣра. Въ этотъ срубъ врубался третій восьмерикъ, перекрытый пирамидальною крышечкою или сводикомъ „банкай“, и увѣничивался маленькой шейкою съ главкой. Такого-же башен-наго характера были и некочникъ и алтарь. Эти трехглазыя церкви, видимо, получали впослѣдствіи нѣкоторое усложненіе и со временемъ обравовался типъ многоглавыхъ церквей. Такъ, напримѣръ, Троицкій соборъ въ г. Ново-Московскѣ имѣть форму какъ-бы приложенныхъ вмѣстѣ трехъ церквей вышеописанного типа. Внутренность южно-русскихъ церквей возвышалась до втораго и иногда до третьяго восьмерика. Потолокъ состояль изъ балокъ (перерубовъ) обшитыхъ тесомъ въ разбѣжку. Крыши состояли изъ стропильныхъ ногъ (крокль) на которыя настилали подрѣшетникъ и лубокъ, а затѣмъ набивали тесь. Если приходилось перекрывать большія пространства, то стропильныя ноги соединялись горизонтальнымъ брускомъ „подлегеремъ“ и вертикальнымъ „вислякомъ“. Сопроводивъ свой докладъ указаніемъ на рисунки, референтъ обратился затѣмъ къ описанію древне-южныхъ деревянныхъ колоколенъ.

Упомянувъ, затѣмъ, о нѣкоторыхъ деталяхъ Донскихъ церквей, г. Сусловъ перешелъ къ еравненію разсмотрѣнныхъ имъ церквей съ церквами Малороссіи, Галиціи и съверной Россіи. Изъ приведенныхъ имъ рисунковъ малороссійскихъ и галиційскихъ церквей, что типъ ихъ вполнѣ тождественъ съ Донскими, разница только та, что въ первыхъ нѣть такого злоупотребленія формою восьмиугольника.

Нижній срубъ галиційскихъ и малороссійскихъ церквей по большей частию прямоугольный, а восьмерики идутъ въ одинъ и много въ два этажа; церкви обыкновенно кончается усвѣченнымъ въ верху луковицеобразнымъ куполомъ, довольно крупныхъ размѣровъ. Въ общемъ можно было видѣть какъ малороссійскія, такъ и галиційскія церкви, въ большинствѣ случаевъ, трехглазыя и типъ этотъ распространенъ исключительно въ южной Россіи. Онъ развелся у насъ, вѣроятно, со временемъ унії, какъ это отчасти видно изъ описанія путешествія Гакстгаузена, который говоритъ, что „всѣ уніатскія церкви въ Россіи трехглазыя“.

Даль, говоря о происхожденіи типа подобныхъ цер-

ищей — въ видѣ сравненія, приводить церкви въ Мал-феттѣ и въ Троки, но остается въ предположеніи, что подобный типъ церквей занесенъ въ Европу крестонос-цами изъ Сиріи.

Приступая къ сравненію южныхъ церквей съ сѣвер-ными, г. Сусловъ взялъ одинъ изъ распространенныхъ типовъ сѣверныхъ церквей съ восьмиугольнымъ срубомъ и указалъ, что подобный типъ церквей не имѣть общаго характера съ Донскими церквами. Такъ на сѣверѣ основ-ной восьмигранный срубъ церкви всегда возвышался въ одинъ этажъ и покрывался высокимъ шатромъ (только въ концѣ XVII стол., въ видѣ исключенія, попадаются цер-кви въ нѣсколько этажей восьмериковъ, наприм., въ гор. Торжкѣ). Боковые прирубы сѣверного типа церквей были прямоугольные и почти всегда имѣли другое покрытие (на два ската или бочкою), такъ что церкви съ прирубами да-вали впечатлѣніе одного цѣльного строенія; между тѣмъ въ южныхъ церквяхъ, все три части церкви имѣютъ видъ от-дѣльныхъ строеній, соединенныхъ вмѣстѣ. Затѣмъ, трапезная въ сѣверныхъ церквяхъ считалась необходимую принадлеж-ностью теплыхъ храмовъ, между тѣмъ въ южныхъ церквяхъ ихъ почти не строили. Галлерей въ Донскихъ церквяхъ, видимо, были рѣдки и, если въ малороссійскихъ и галицкійскихъ церквяхъ они встрѣчаются, то имѣютъ ту разницу съ сѣвер-ными, что въ первыхъ они дѣлались какъ бы въ два этажа и совершенно сквозными, а во вторыхъ всегда одноэтажными и болѣе глухими. Открытые лѣстницы и бочечныя покры-тия, которыя были такъ приняты въ сѣверной архитек-турѣ, — въ южныхъ церквяхъ, видимо, не встрѣчаются; затѣмъ, сѣверные церкви никогда не обшивались тесомъ, тогда какъ, южные сплошь покрывались шелевкой. Наконецъ, рубка карнизовъ въ сѣверныхъ церквяхъ сущ-ственно разнится отъ южныхъ. Указавъ, затѣмъ, на раз-личіе сѣверной и южной архитектуры въ деталяхъ, ре-ферентъ выяснялся, что первая имѣла художественное самоостоятельное развитіе, а вторая получила вліяніе запада. Въ виду послѣдняго предположенія г. Сусловъ при-велъ рисунокъ деревянной башни на Антверпенскомъ со-борѣ, вполнѣ тождественной съ Донскими церквами и, затѣмъ, указалъ на сходство терминовъ строительного дѣла на Дону и въ Галиціи, совершенно различающихся въ тоже время со строительными терминами сѣверной Россіи.

Кромъ того референтъ выскажалъ, что южные деревянныя церкви по вѣщему виду ихъ не имѣютъ сходства съ греческими церквами и, что всего вѣроятнѣе бѣ недѣткины, шотландцы и ирландцы, славившіеся съ древнихъ временъ своими деревянными сооруженіями, перенесли свои излюбленные мотивы въ Поанань и Германію, откуда и распространилось это вліяніе на Галицію, Малороссію и Донскую область. Оставляя свои предположенія объ образованіи южной архитектуры до болѣе точныхъ научныхъ данныхъ, референтъ сдѣлалъ заключеніе, что разсмотрѣанныя имъ, главнымъ образомъ Донскія церкви, не имѣютъ за собою художественныхъ достоинствъ и представляютъ только оригиналную комбинацію восьмиугольныхъ срубовъ. Это отсутствіе художественного направленія объясняется и самимъ укладомъ жизни этого края. Казакамъ некогда было думать объ искусствѣ, которому нуженъ покой и созерцаніе; они проводили свою жизнь въ какомъ-то непрерывномъ разладѣ и въ беспредѣльной удали. Съ того-же времени, когда у казаковъ сложилась нѣкоторая культура, идти впередъ и развиваться русскому искусству было уже поздно. Съ царствованія Петра оно быстро стало замирать не только въ центрахъ тогдашней общественной жизни, но скоро было подавлено и въ самомъ народѣ.

По прочтениіи реферата г. Суслова, *B. B. Грязновъ* указалъ на древнія деревянныя церкви по рѣкѣ Припети (въ Пинскихъ болотахъ), имѣющія видъ креста и, затѣмъ, выскажалъ мнѣніе, что въ церквяхъ западнаго края, съ появленіемъ уніі, четырехугольные выступы съ сѣверной и южной сторонъ постепенно стали уменьшаться и церкви становились въ видѣ продолговатаго четырехугольника.

Г. Дружининъ далъ нѣкоторыя хронологическія данные о постройкѣ Старо-Черкасскаго собора и другихъ церквей Донской области.

Г. Барсовъ сдѣлалъ нѣкоторыя предположенія о причинахъ видоизмѣненія плановъ южно-русскихъ церквей.

Проф. *H. B. Покровский* прочелъ рефератъ подъ заглавиемъ: „Характеръ иконографіи въ лицевыхъ спискахъ апокрифическихъ сказаний о Страстяхъ Господнихъ“.

Референтъ разсмотрѣлъ болѣе 20 списковъ лицевыхъ

Страстей, XVII—XIX вѣковъ, и на основаніи этого матеріала предложилъ рѣшеніе двухъ важнѣйшихъ вопросовъ: 1) подъ какими вліяніями сложился иконографический циклъ нашихъ лицевыхъ Страстей и каковъ его характеръ; 2) въ какое время появились у насъ лицевыя рукописи Страстей. Первый вопросъ рѣшается на основаніи сопоставленія миніатюръ Страстей съ общимъ направлениемъ русского искусства и иконографіи въ XVII вѣкѣ. Направленіе это представляло прогрессъ съ точки зрѣнія западно-европейскихъ понятій о живописи, но оно не было направленіемъ безусловно западнымъ; начало византійско-русской иконографической традиціи вошло въ соприкосновеніе съ началомъ художественной свободы творчества. Выраженіе этой свободы при нѣкоторомъ сохраненіи ста-ринной традиціи представляютъ лицевыя Страсті. Другую отличительную черту какъ въ общемъ направленіи русского искусства XVII вѣка, такъ и въ лицевыхъ Страстяхъ составляетъ значительная примѣсь западно-европейскихъ иконографическихъ элементовъ; въ нѣкоторыхъ же спискахъ Страстей западно-европейскія формы проходятъ весьма послѣдовательно. Отсюда разрѣшается и второй изъ поставленныхъ вопросовъ, а именно: лицевыя Страсті могли явиться только въ периодъ ослабленія древнихъ иконографическихъ традицій и усилившейся наклонности къ художественной свободѣ и подражанію западнымъ образцамъ, т. е. въ XVII вѣкѣ.

По поводу этого реферата Н. И. Троицкій обратилъ вниманіе на важное значеніе церковныхъ гѣснопѣній въ дѣлѣ истолкованія иконографическихъ сюжетовъ; П. Н. Полевой—на важное значеніе средневѣковыхъ мистерій. И. В. Ягичъ выразилъ желаніе точнѣе опредѣлить время первоначального появленія сказаній о Страстяхъ на славянскомъ языке.

Послѣднимъ рефераторомъ засѣданія былъ рефератъ академика архитектуры А. М. Павлинова: „Объ особенностяхъ Ярославскихъ церквей“.

Церкви Иоанна Предтечи въ Толчковѣ и Иоанна Златоуста въ Коровникахъ вмѣщаются въ себѣ почти всѣ особенности Ярославской архитектуры, въ виду чего референтъ и остановился главнымъ образомъ на этихъ двухъ храмахъ. Средняя масса ихъ кубическая, ведущая свое начало отъ древнихъ церквей Византійскихъ и Суздаль-

скихъ; только послѣднія церкви безъ галлерей и шатровыхъ придалиовъ. Эти шатровыя покрытия ведутъ свое начало отъ построекъ изъ дерева; они съ общую массою невижутся и, вѣроятно, сдѣланы неодновременно съ самими церквами (какъ видно изъ плана г. Ярославля 1731 года). Эти покрытия весьма часто встречаются въ Ярославскихъ церквяхъ и могутъ считаться особенностью ярославской архитектуры. Кромѣ того, референтъ высказалъ мнѣніе, что фронтонное покрытие придалиовъ и входовъ, а также и отдѣлка стѣнъ колонками, обыкновенно поставленными во множествѣ въ перемежку съ квадратами (церковь Иоанна Предтечи въ Толчковѣ и соборъ въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ), принадлежать также къ особенностямъ архитектуры Ярославского края. Отвѣчая на сдѣланный Сѣѣду запросъ не видно ли въ церкви Иоанна Предтечи голландского вліянія, референтъ указалъ, что этого вліянія незамѣтно и высказалъ мнѣніе, что, если эту церковь и строили голландские мастера, то послѣдніе были поставлены въ необходимости строить ее въ русскомъ стилѣ. Все вліяніе голландцевъ могло выражаться только въ живописи и, можетъ быть, въ изразцовомъ дѣлѣ. Придалии церкви Иоанна Предтечи сначала были, по мнѣнию референта, покрыты, вѣроятно, фронтономъ, что отчасти и замѣтно въ самой кладкѣ. Существующая нынѣ 4-хъ скатная крыша сдѣлана позиѣ и, судя по остаткамъ украшений — у оснований барабановъ, которые видны на чердакѣ, крыша была ниже и обходила не существующія нынѣ полуокружія, а другія полуокружія которыхъ соответствовали внутреннему покрытию сводовъ церкви. Кромѣ того г. Павлиновъ обратилъ вниманіе, что какъ въ этой церкви, такъ и во многихъ другихъ, надъ алтаремъ дѣлалось обыкновенно особое помѣщеніе, вѣроятно, для казны. Указавъ на другія особенности Ярославскихъ церквей, референтъ сдѣлалъ разныя поясненія къ своему реферату по рисункамъ.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго
Съѣзда 17 августа 1887 года.

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Прав.

Г. III. 512026

Digitized by Google

ИЗВѢСТИЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА ВЪ ЯРОСЛАВЛѦ.

№ 8.

1) *Послыщеніе членами Съезда Толмскаго монастыря.*
8 августа, въ день празднованія явленія иконы язгской
Божіей Матери, члены VII Археологическаго Съезда, чи-
сломъ болѣе 60 человѣкъ, предприняли поѣздку въ Толг-
скій монастырь, высокимъ хозяиномъ котораго былъ ока-
занъ прибывшимъ посѣтителямъ радушный пріемъ. По
окончаніи Божественной літургіи архипастырь угощалъ
гостей обѣденной трапезой въ своихъ келияхъ. Погулявъ
затѣмъ въ монастырскомъ саду и по ярмаркѣ, устроенной
на берегу Волги около монастыря и кишѣвшей народомъ,
члены Съезда возвратились обратно въ Ярославль по
четырехчасовому пароходу общества „Самолетъ“.

2) *Послыщеніе членами Съезда Ростова-Великаго.*
Древнія святыни Ростова естественно должны были обратить на себя вниманіе собравшихся на Съездѣ въ со-
сѣдній съ Ростовомъ Ярославль археологовъ и послѣдніе,
дѣйствительно, посѣтили этотъ древній городъ 11-го августа
и успѣли, на сколько дозволило время, обозрѣть наиболѣе
достойные вниманія памятники старины, уцѣлѣвшіе
въ Ростовѣ. Члены Съезда, а также и исправлявший

должность Начальника губерніи П. К. Рекъ, прибыли съ утреннимъ поѣздомъ Московско-Ярославской желѣзной до-роги и были встрѣчены на станціи: городскимъ головою О. Л. Кекиннымъ, представителями городского управлениія, мѣстнымъ исправникомъ Крыловымъ, членомъ Комитета Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей Ив. А. Шля-ковымъ и секретаремъ Сѣвѣда, старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при Губернаторѣ и членомъ означен-наго Музея О. А. Бычковымъ. Пріѣхавшимъ дамамъ были поданы гг. Шляковымъ и Бычковымъ букеты изъ живыхъ цвѣтовъ. Съ вокзала желѣзной дороги прибывшіе гости въ экипажахъ, большая часть которыхъ была лю-безно предоставлена въ ихъ распоряженіе мѣстными оби-вательями, поѣхали прямо въ Успенскій соборъ, главнѣй-шую святыню города. На паперти храма гостей привѣт-ствовалъ настоятель собора протоіерей П. Овейскій. По-клонившись святынямъ и св. мощамъ угодниковъ, почи-вающихъ въ соборѣ, члены Сѣвѣда осмотрѣли реставри-рованный въ 1885 году пещерный храмъ св. Леонтия и соборную ризницу, наиболѣе примѣчательные предметы которой были, благодаря вниманію о. П. Овейскаго, разложены на особыхъ столахъ въ соборѣ. Изъ собора посѣтили, сопровождаемые знаменитымъ звономъ собор-ной колоколни; направились черезъ кремль въ Музей Церковныхъ Древностей, обозрѣвъ по пути Спасскую на-святыни церковь. При входѣ въ Музей, иначе сказать въ реставрированную въ 1883 году Бѣлую Палату, гостей привѣтствовалъ Вице-Предсѣдатель Комитета Музея, мѣст-ный Предводитель Дворянства Д. А. Вулатовъ и члены Музея: Шляковъ, Вахромѣевъ, Бычковъ и свящ. Мансве-товъ, причемъ посѣтителямъ раздавался Путеводитель по Музею, составленный О. А. Бычковымъ и изданный на средства Ив. Ал. Вахромѣева. Прежде чѣмъ приступить къ осмотру Музея, гостямъ была предложена г. Шляко-вымъ закуска, сервированная въ сосѣднихъ съ Палатою Теремахъ, въ которыхъ расположены этнографическая и историческая коллекція Музея.

Послѣ осмотра Бѣлой Палаты, въ которой, между прочимъ, члены Сѣвѣда услышали воспроизведеніе со-борнаго звона на камертонахъ извѣстнаго о. А. Израи-лева, посѣтители осматривали почти всѣ кремлевскія церкви, а въ заключеніе прошли въ водянную башню, въ

которой осматривали вновь открытые стёбленные фрески и осмотрели Спасскую ружную, что на площади, церковь, стоящую, какъ известно, въ кремля въ городѣ..

Изъ Спасской церкви одна часть членовъ Съезда предприняла поездку на пароходѣ по озеру Неро, любясь видомъ Ростовскаго кремля, ближайшихъ къ городу монастырей и лежащихъ по берегамъ озера сель и деревни. Затѣмъ всѣ прибывшіе гости отправились въ Спасо-Яковлевскій монастырь, а оттуда въ село Богослово на р. Ишинѣ для осмотра известной деревянной церкви, построенной въ 1687 году и которой, следовательно, въ настоящемъ году исполнилось 200 лѣтъ.

Въ 5 часовъ въ залахъ Земскаго дома членамъ VII Археологического Съезда, удостоившимъ своимъ посвѣніемъ Ростовъ-Великій, была предложена А. А. Титовымъ, однимъ изъ дѣятелей по реставраціи кремля Ростовскаго, обѣденная трапеза. Первый тостъ во время этой трапезы, за отсутствіемъ самого хозяина, былъ провозглашенъ его супругою Н. А. Титовою за здоровье всѣхъ присутствовавшихъ гостей. Затѣмъ Е. В. Барсовъ, по порученію А. А. Титова, предложилъ тостъ за здоровье уроженца Ярославской губерніи, близкаго Ростову-Великому человѣка, Директора Императорской Публичной Библіотеки и Вице-Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, академика А. Ф. Бычкова; тостъ этотъ былъ сочувственно принятъ всѣми присутствовавшими. Были провозглашены также тосты за здоровье всѣхъ членовъ семьи А. А. Титова; дѣятелей по возобновленію Ростовскихъ памятниковъ древности гг. Вахромѣева, Титова и Шлякова; Предсѣдательницы Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графини Уваровой; первого исторіографа Ростова-Великаго графа М. В. Толстаго; историка Д. И. Иловайскаго; Предсѣдателя Ярославскаго Предварительного Комитета VII Археологическаго Съезда С. М. Шпилевскаго, членовъ этого Комитета и секретаря этого Комитета и Съезда Ф. А. Бычкова, и другіе. По окончанію обѣда, некоторые изъ членовъ Съезда, до отхода поѣзда въ Ярославль, воспользовались временемъ для обозрѣнія Петровскаго и Авраамиева-Богоявленскаго монастырей. Вообще всѣ члены VII Археологическаго Съезда, уѣзжая изъ Ростова по 9-ти часовому вечернему поѣзду, видимо увозили съ со-

бой самыя пріятныя впечатлѣнія отъ обозрѣнія достопри-
мѣчательностей этого города.

3) и 4) Попѣзда членовъ Съезда въ дер. Большое Темерево
для производства раскопки кургановъ около этой деревни
и посѣщеніе членами Съезда г. Романова-Борисоглѣбска.
Въ субботу, 15 августа, большая часть членовъ VII Архео-
логического Съезда предприняла поѣздку въ деревню Боль-
шое Темерево, отстоящую въ 12 верстахъ отъ Ярославля,
съ цѣлью произвести раскопку находящихся въ окрестно-
стяхъ этой деревни кургановъ. Подготовительные работы
по раскопкѣ кургановъ были произведены наканунѣ, 14
августа, подъ руководствомъ А. В. Скульского и подъ
наблюдениемъ членовъ Съезда: Ил. А. Ильинского, А. В.
Селиванова, Секретаря Съезда В. К. Трутовскаго и графа
Ѳ. А. Уварова. Несмотря на дождь, раскопка была удачна:
было найдено нѣсколько предметовъ. Во вторникъ, 18 августа,
Ив. А. Вахромѣевымъ и Ив. Н. Соболевымъ былъ пре-
доставленъ въ распоряженіе членовъ Съезда особый па-
роходъ, на которомъ послѣдніе и совершили поѣздку въ
городъ Романовъ-Борисоглѣбскъ, для обозрѣнія достопри-
мѣчательностей этого города.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго
Съезда.

Ярославль, 1887 года. Въ Тип. Губ. Правл.

ИЗВѢСТИЯ
о занятіяхъ
СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА
ВЪ ЯРОСЛАВЛѦ.

№ 9.

I.

Протоколъ засѣданія, 12 августа утромъ, по IV отдѣленію русскаго быта—домашняго и общественнаго, подъ предсѣдательствомъ проф. Ф. Я. Фортинскаго.

Первое сообщеніе прочелъ В. З. Завитневичъ: „Остатки языческой старины на югѣ Россіи (свадебные обряды въ Полтавской губерніи)“. Референтъ указалъ, что нѣкоторые изъ остатковъ языческой старины сохранились на югѣ Россіи съ такою свѣжестью, полны такой силы и жизненности, что, если не исключаются совершенно, то въ значительной степени парализуютъ практическое значеніе соответствующихъ имъ таинствъ и обрядовъ христіанскихъ. Такимъ именно характеромъ, по словамъ г. Завитневича, отличаются, между прочимъ, свадебные обряды въ Роменскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. По господствующему здѣсь народному воззрѣнію, одного церковнаго вѣнчанія недостаточно для признанія брака совершившимся фактомъ; такое значеніе бракъ получаетъ лишь послѣ совершения всѣхъ свадебныхъ обрядовъ, имѣющихъ слѣды глубокой старины. Референтъ, между прочимъ, сообщилъ весьма интересный фактъ, что, если послѣ церковнаго вѣнчанія не будутъ исполнены всѣ домашніе свадебные обряды, то бракъ считается недѣйствительнымъ;

если же домашніе свадебные обряды были совершены раньше церковнаго вѣнчанія, то бракъ признается дѣйствительнымъ и женихъ съ невѣстой живутъ какъ мужъ и жена. Въ случаѣ несовершения вовсе церковнаго брака, жена получаетъ название „гражданки“, и это названіе только присваивается тѣмъ женщинамъ, которыхъ вступили въ бракъ не церковный, а домашній. Женщины, которыхъ живутъ съ мужьями безъ домашнаго или церковнаго брака, называются въ Черниговской губерніи „накрыткой“, т. е. женщиной плохого поведенія. *Е. М. Гаршинъ*, возражая референту, находилъ, что сообщенія отдѣльныхъ фактовъ на Съездѣ, безъ выводовъ, не имѣютъ значенія и что, по его мнѣнію, также и факты, сообщенные *В. З. Завитневичемъ*, могли бы имѣть другую оцѣнку, еслибы референтъ указалъ какой вносять сообщенные имъ факты вкладъ въ науку. При этомъ оппонентъ указалъ на труды о свадебныхъ обрядахъ *Е. В. Барсова* и проф. *Н. Ф. Сумцова*, а также на подобные труды въ иностранной литературѣ.

И. И. Дитятинъ указалъ на интересный свадебный обрядъ въ Калужской губерніи. Обрядъ этотъ заключается въ томъ, что женихъ долженъ выкупить невѣсту у общины молодыхъ людей того села, къ которому невѣста принадлежала. Выкупъ состоить въ угощении молодежи. Обрядъ этотъ называется *пропоемъ*. При этомъ обрядѣ подругами невѣсты поются пѣсни, а женихъ обязанъ платить девушкамъ или гостинцами, или выпивкой. По мнѣнію г. *Дитятина*, этотъ обрядъ языческій и въ началѣ христианства могъ имѣть болѣе значенія, чѣмъ церковное вѣнчаніе. *К. П. Гуковскій* указалъ на важность изученія вопроса о бракѣ по свадебнымъ обрядамъ Литовскаго народа.

Н. Д. Чечулинъ прочелъ рефератъ „Начало въ Россіи переписей и ходъ ихъ до XVII вѣка“. Авторъ доказывалъ, что первыми въ Россіи были переписи, произведенные татарами въ 1246, 1255—56 годахъ, причемъ эти переписи были просто перечисленіемъ людей. Слѣдя далѣе за переписями по разнымъ косвеннымъ указаніямъ актовъ, референтъ указалъ, что въ XV вѣкѣ вместо перечисленія людей явилось описание и оцѣнка доходности земли. Разъяснивъ различіе Новгородской сохи (въ три обжи) отъ большої Московской сохи, фиктивной земель-

ной мѣры (которая впервые упомянута въ лѣтописи подъ 1462 и 1477 годами), референтъ замѣтилъ, что вообще окончательное свое развитіе — въ концѣ XV и XVI вѣковъ — описаніе земель получило въ Московскомъ государствѣ подъ вліяніемъ византійскихъ порядковъ. Обратившись затѣмъ къ разсмотрѣнію памятниковъ описанія городовъ, т. е. книгъ писцовыхъ, переписныхъ, приправочныхъ, дозорныхъ и др., авторъ доказывалъ положеніе, что въ XVI вѣкѣ еще не было установлено точныхъ разграничений этихъ книгъ, что название различали не столько содержаніе книгъ, сколько, скорѣе, поводъ или обстоятельства ихъ составленія, и что для изученія быта, всѣ эти книги даютъ почти совершенно одинаковый материалъ. Иль указанныхъ выше книгъ авторъ выдѣлилъ книги „сошныя“, которые содержать въ себѣ всѣ даныя, относящіяся лишь до одного известнаго сословія или класса, населенія, которому сошна эта выдана. Рефератъ г. Чечулина затронулъ важный вопросъ и вызвалъ оживленныя пренія. Между прочими оппонентами *Д. И. Иловайскій* указалъ на необходимость при разработкѣ вопроса, затронутаго референтомъ, имѣть въ виду материалы западной Руси какъ для аналогіи, такъ и для разясненія способовъ и приемовъ всякаго рода переписей. *Д. И. Багалль* высказалъ желаніе, чтобы этотъ вопросъ былъ разработанъ болѣе подробно и было выяснено вліяніе на писцовое дѣло Московского государства, татарскихъ и византійскихъ переписей. Кромѣ того проф. Багалль указалъ на то, что нельзя опредѣлить значеніе переписныхъ книгъ XVI вѣка, игнорируя книги XVII столѣтія, описание и характеристика которыхъ находится въ прекрасномъ сочиненіи Н. Н. Оглоблина „Обзорѣніе историко-географическихъ материаловъ XVII и начала XVIII вѣковъ, хранящихся въ Разрядномъ Архивѣ“.

Предсѣдатель Съѣзда *И. Е. Забѣлинъ* возбудилъ вопросъ: не объясняетъ-ли самое слово писецъ, которое, можетъ быть, существовало въ глубокой древности, происхожденіе самого дѣла. По мнѣнію г. Забѣлина, первымъ князьямъ для записи доходовъ земли и т. д. нужны были люди пишущіе; не назывались-ли поэтому эти пишущіе люди въ это время писцами, такъ какъ дѣло переписи явилось вмѣстѣ съ понятіемъ о значеніи земли гораздо раньше, именно съ тѣхъ поръ, когда первые

князья начали раздавать землю и требовать плату за это. *И. И. Дитятинъ* высказалъ мнѣніе, что первымъ основаниемъ для составленія писцовыхъ книгъ были дѣла тяжебныя, въ которыхъ указаніе на писцовые книги служило первымъ доказательствомъ. Относительно того, къ какому времени относятся писцовые книги, оппонентъ указалъ на уставъ XII столѣтія, гдѣ прямо говорится, что въ пользу князя съ волостей собирался сборъ. Рефераты Л. С. Бѣлогорицъ-Котляревскаго „Мифологическое значеніе нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ институтовъ Уголовнаго Права“ и А. А. Савельева „О вліяніи мордовы на свадебные обычаи русскихъ крестьянъ въ Нижегородской губерніи“ не были прочитаны, по желанію авторовъ.

II.

Протоколъ засѣданія, 12 августа вечеромъ, по I отдѣленію первобытныхъ древностей, подъ предсѣдательствомъ проф. А. И. Кирпичникова.

В. Н. Поливановъ прочелъ рефератъ: „Слѣды курганной старины въ Симбирской губерніи“. Указавъ на сохранившіяся памятники курганной старины въ уѣздахъ: Сызранскомъ, Сенгилеевскомъ, Симбирскомъ и Буйинскомъ, референтъ поставилъ вопросъ о томъ, къ какой народности должны быть отнесены существующія въ этихъ мѣстностяхъ могильныя насыпи. Для разрѣшенія этого вопроса, по его мнѣнію, необходимы мѣстные раскопки кургановъ и систематическое описание содержанія послѣднихъ. Раскопка одного изъ кургановъ, находящагося въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ, въ дачѣ г. Валуева, была произведена референтомъ 6—8 мая настоящаго года. Описанію производства этихъ раскопокъ и былъ посвященъ рефератъ г. Поливанова. Валуевскій курганъ имѣлъ слѣдующіе размѣры: окружность около 57 саж., диаметръ 19 саж. и вышина 5 арш. Работа производилась посредствомъ прорытія сквозной траншеи. При раскопкахъ были найдены: угли, березовыя доски съ знаками топорныхъ зарубовъ, зола, черепки отъ горшковъ, камни, напоминающіе собою по формѣ каменные орудія, наконечники стрѣль, обожженныя кости и т. п., а также былъ найденъ какой-то желѣзный инструментъ съ костяными

обложками на рукояткѣ. Раскопка кургана показала, что народность, къ которой относится какъ этотъ курганъ, такъ и прилежащая къ нему группа кургановъ, практиковала обычай сожиганія труповъ. Уровень почвы служилъ основаниемъ костра, послѣ чего на образованвшейся пепель, какъ заключавшій въ себѣ остатки праха умершаго, накладывались березовые доски и поверхъ ихъ насыпалась земля.

Въ заключеніе референтъ сообщилъ о происхожденіи представленного имъ на Археологическую выставку литьаго мѣднаго сосуда. Этотъ сосудъ, имѣющій чрезвычайно оригинальную форму, найденъ былъ въ землѣ при добываніи песку около рѣчки Осоки, бл. с. Осоки, Сенгилеевскаго уѣзда. Подобный же сосудъ былъ почти одновременно найденъ въ Вологодской губерніи. Раимѣры, принадлежащаго референту, сосуда слѣдующіе: вышина 12 верш., діаметръ 7 верш. вѣсь 1 п. 3 ф.

H. E. Бранденбургъ прочелъ рефератъ: „О признакахъ могиль языческихъ славянъ въ сѣверной полосѣ Россіи“.

Первая половина реферата г. Бранденбурга была посвящена общему очерку современного положенія вопроса о признакахъ могиль языческихъ славянъ. Референтъ, указывая на неудачу предшествовавшихъ научныхъ попытокъ въ этомъ отношеніи и о сложившемся мнѣніи, будто, вопросъ о славянскихъ могилахъ относится къ числу неразрѣшимыхъ даже и въ будущемъ, объяснялъ, что причина этого кроется впервыхъ, въ неудовлетворительности, относящагося сюда археологического материала и отсутствіи системы въ его собираніи, а вовторыхъ—въ несостоятельности метода, прилагавшагося до сихъ поръ къ разработкѣ самого вопроса о славянскихъ могилахъ. Отрывочность и неполнота материала въ данномъ отношеніи составляютъ причину указанной его неудовлетворительности, неопределенность же историческихъ свидѣтельствъ (показаній арабскихъ писателей и нашей начальной лѣтописи), не дающихъ никакого болѣе или менѣе точнаго критерія для распознаванія могиль языческихъ славянъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, объясняютъ неудачу того аналитического метода, который до сихъ поръ въ данномъ случаѣ практиковался, и не позволяютъ постройки

какой-либо археологической системы въ томъ же отношеніи.

По мнѣнію референта, къ разрѣшенію вопроса о славянскихъ могилахъ необходимо идти путемъ совершенно обратнымъ, т. е. путемъ синтеза; нужно собрать новый обширный матеріалъ, предпринявъ археологическія изслѣдованія въ мѣстностяхъ, ясно указанныхъ въ нашей начальной лѣтоисци, какъ центрахъ поселеній разныхъ племенъ языческихъ славянъ въ территоїи нынѣшней Россіи, и отсюда уже вывести искомые признаки самыхъ могиль. Такому методу слѣдоваль и покойный графъ Уваровъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи могилъ древней мери; и нѣть никакихъ оснований предполагать, что, если этотъ методъ дасть столь блестящіе результаты въ изслѣдованіи быта такого темнаго финскаго племени, какъ мера, извѣстнаго исторіи лишь по одному названію, то, чтобы тотъ же приемъ въ приложеніи къ славянскимъ племенамъ, съ которыми исторія знакома гораздо болѣе, остался бы безъ обильныхъ результатовъ.

Вторая половина реферата составляеть, такъ сказать, приложеніе на практикѣ высказанныхъ выше соображеній. Обладая довольно обширнымъ археологическимъ матеріаломъ, добытымъ при изслѣдованіи кургановъ южнаго Приладожья, референтъ, держась синтетического метода, сдѣлалъ изъ этого матеріала нѣкоторые выводы и по вопросу о языческихъ могилахъ Ильменскихъ славянъ. Собравъ общій обзоръ содержанія и устройства курганныхъ могилъ въ южномъ Приладожье, референтъ особенно остановился на курганахъ, встрѣченныхъ имъ на берегахъ Волхова, и указалъ на ихъ рѣзкія отличія отъ прочихъ вышеупомянутыхъ: впервыхъ, что въ нихъ оказалось совершенно иной способъ погребенія—трупосожженіе съ положеніемъ костей въ сосуды, чего въ другихъ мѣстахъ Приладожья не встрѣчено ни разу; во вторыхъ, что въ погребальныхъ насыпяхъ на Волховѣ постоянно оказывались неизвѣстнаго назначенія каменные сооруженія въ формѣ площадокъ, стѣнокъ, а иногда простыхъ грудъ валуновъ, чего также въ другихъ пунктахъ Приладожья не встрѣчалось; и наконецъ, въ третьихъ, что Волховскіе курганы отличаются крайней бѣдностью своего культурного содержанія. Въ видѣ иллюстраціи было сообщено описание трехъ замѣчательныхъ могильныхъ на-

сыпей, въ которыхъ наиболѣе рельефно выражались типическія особенности Волховскихъ кургановъ и, наконецъ, приведены краткія свѣдѣнія о немногихъ прежнихъ раскопкахъ, сдѣланныхъ въ началѣ прошлаго и нынѣшняго столѣтій евангелическимъ пасторомъ Толле и известнымъ путешественникомъ Ходаковскимъ.

Въ заключеніе референтъ, сдѣлавъ оцѣнку описанаго имъ археологическаго матеріала, раздѣлилъ на основаніи послѣдняго Приладожскіе курганы на двѣ группы: одна изъ нихъ, лежащая къ востоку отъ Волхова, не представляетъ новыхъ бросающихся въ глаза особенностей ни въ культурномъ, ни въ конструктивныхъ отношеніяхъ, и по своей аналогіи съ курганами мери и води должна представлять могилы финской же народности; другую же, лежащую на берегахъ Волхова, референтъ принимаетъ за могилы славянскія. Послѣднее мнѣніе референта опирается какъ на топографическое положеніе кургановъ этой группы, свойственныхъ исключительно лишь Волхову, т. е. рѣки несомнѣнно славянской, такъ и по сходству этихъ же кургановъ съ изслѣдованными близь Ильменя по р. Ловати, т. е. въ мѣстахъ, отводимыхъ славянамъ и нашей начальной лѣтописью; наконецъ, съ свидѣтельствомъ послѣдней о погребальныхъ обычаяхъ въ которыхъ славянскихъ племенъ совпадаютъ и остатки погребенія, встрѣченные въ тѣхъ же Волховскихъ курганахъ, такъ что славянское происхожденіе послѣднихъ можетъ считаться доказаннымъ.

Отсюда референтъ пришелъ къ главному своему выводу, что указанныя имъ конструктивныя своеобразности Волховскихъ кургановъ, именно *присутствие въ могильныхъ насмѣяхъ разнообразныхъ каменныхъ сооружений*, составляютъ одинъ изъ признаковъ, присущихъ могиламъ именно языческихъ славянъ нашего сѣвера, признакъ пока единственный, который возможно попытаться установить при современномъ положеніи курганнаго матеріала.

Д. Н. Анучинъ замѣтилъ, что высушанный референтъ, по своей основательности можетъ считаться образцовымъ. Собрать цѣлый рядъ изслѣдований кургановъ и соответственно съ историческими показаніями прийти къ известнымъ заключеніямъ—это есть путь, по которому должна идти археология, чтобы достичь полезныхъ ре-

зультатовъ. Выводы референта относительно славянскихъ могилъ заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Какъ ни прискорбенъ тотъ фактъ, что могилы финновъ являются многою богатствомъ для познанія ихъ культуры, а могилы славянъ наоборотъ, во надо съ этимъ примириться; хотя есть данныя, которыя позволяютъ предположить, что не у всѣхъ славянскихъ племенъ мы встрѣчаемъ бѣдность: есть могилы, которые даютъ богатый матеріалъ. Таковы славянские курганы, разрытые Самоквасовымъ, а также курганы кривичей въ Смоленской губерніи.

A. A. Кочубинскій высказалъ, что основанія, предложенные высокоуважаемымъ референтомъ, объ пріуроченіи могилъ, богатыхъ содержаніемъ, съ монетами Сасанидовъ VIII—X вѣковъ, специально финскому племени, тогда какъ на долю славянъ Приильменскихъ приходятся могилы, правда, съ каменной кладкой, но крайне бѣдныхъ по находимымъ вещамъ,—кажутся ему недостаточно точными. Правда, на югъ отъ Ладоги жили финны; но великой водный путь былъ и вѣстри извѣстенъ, а въ X столѣтіи край води могъ быть уже густо занятъ славянскими насељниками. Вѣдь и сами славяне Приильменские первоначально заняли финскую землю (финское имя озера „Ильмень“). Затѣмъ, терминъ *Столбъ*, на который указываетъ референтъ, можетъ происходить отъ обще-распространенного корня *ста*. Но терминъ этотъ извѣстенъ и всѣмъ славяnamъ: вспомнимъ у Прибалтійскихъ славянъ городъ *Стопанъ*, и особенно у чеховъ, въ Моравіи, иѣстечко *Слупы* (*Sloupy*), т. е. *Столбы*, и вѣроятно съ общимъ обозначеніемъ возвышающагося предмета, скалы и проч.

H. E. Бранденбургъ, возражая г. Кочубинскому на его замѣчаніе о недостаточности основанія для пріуроченія могилъ съ богатымъ содержаніемъ къ финскому племени, указалъ на то, что этотъ выводъ былъ сдѣланъ имъ по разрытии почти 10.000 кургановъ финского племени и 100 кургановъ бл. Ладоги, въ которыхъ вездѣ аналогія была полная.

D. Иловайскій, по поводу положенія референта о преносходствѣ культуры, находимой въ финскихъ могилахъ, надъ славянскими, обратилъ вниманіе на недостаточно еще уясненный вопросъ, какія могилы считать славянскими. Такъ въ изслѣдованіи покойнаго графа Ува-

рова о мерянахъ отмѣчено два типа могилъ: одинъ собственно мерянскій, а другой, обладающій болѣе развитою культурою, онъ, графъ, считаетъ норманскимъ, но въ этомъ именно пунктѣ его превосходнаго изслѣдованія Д. И. Иловайскій не могъ съ нимъ согласиться и полагаетъ, что эти могилы принадлежали никому другому, какъ славяно-русскимъ колонистамъ въ мерянскомъ (Ростовско-Суздальскомъ) краѣ.

В. З. Засимовский замѣтилъ, что наука о первобытныхъ древностяхъ, будучи неточной, главной своей задачей ставить пока классифицированіе добываемаго путемъ археологическихъ раскопокъ матеріала. Преслѣдуя эту задачу, наши археологи успѣли тѣмъ не менѣе уже намѣтить нѣсколько характеристическихъ признаковъ, которыми славянскіе курганы отличаются, по видимому, отъ кургановъ другихъ народностей. Освѣщая съ точки зрѣнія этихъ признаковъ матеріаль, добытый г. Бранденбургомъ, съ значительной вѣроятностью можно предположить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ типомъ славянскаго погребенія, на которомъ видны слѣды восторонняго вліянія. Разнообразіе находимыхъ въ курганахъ предметовъ можетъ быть объяснено торгово-промышленнымъ духомъ Приильменскаго славянскаго населенія, которое вело торговыя сношенія съ отдаленными странами запада и востока и пользовалось плодами ихъ культуры.

Предсѣдатель выразилъ благодарность г. Бранденбургу какъ за докладъ, такъ и за интересныя пренія, которыя имъ вызваны.

Князь П. А. Путятинъ прочелъ рефератъ: „Нельзя ли сдѣлать антропологические выводы о расѣ, оставившей у насъ костинныя издѣлія и кухонные отбросы (*kjøkken möddinger*) и предметы изъ кости и кухонные отбросы первобытныхъ обитателей Россіи принадлежать ли по формѣ къ переходной эпохѣ между обивными и полированными орудіями, или они входятъ въ районъ смежныхъ эпохъ? Рефератъ представлять собою отвѣтъ на вопросы, предложенные авторомъ для обсужденія на VII Археологическомъ Съездѣ. Въ своемъ вступлении князь Путятинъ, перечисливъ имена русскихъ ученыхъ, занимавшихся изученіемъ первобытной жизни народовъ Россіи, высказавъ при этомъ ту мысль, что всегда при изученіи нашей доисторической жизни приходится пользоваться и выво-

дами ученыхъ другихъ странъ, въ которыхъ первобытная археология гораздо раньше возымѣла свое начало: Но на эти выводы должно смотрѣть, какъ на оболочку, известную рамку, и, сохрания внутреннюю самобытность, продолжать, по мнѣнию референта не стѣсняясь этой рамкой, разрабатывать отечественную старину, пользуясь обильнымъ русскимъ материаломъ. Какъ на образцы, референтъ указалъ назамѣчательную коллекцію первобытныхъ древностей Московскаго Исторического Музея, собранную графомъ А. С. Уваровымъ и его уважаемою супругою, а также на коллекціи выставки VII Археологическаго Съезда. Сущность реферата можетъ быть резюмирована слѣдующими положеніями: 1) Бологовские кухонные отбросы составились при другомъ климатѣ, такъ какъ породы изъ животныхъ не могли бы перенести тѣ условія жизни, которыя нынѣ у насъ существуютъ. 2) Условія отбросовъ, по всей вѣроятности, могли быть современными ледниковому periodу. Одно изъ древнихъ русъ несуществующей рѣки съ быстрымъ теченіемъ въ Бологое, около которой на одинаковомъ слоѣ сохранились кучи отбросовъ, подтверждаетъ это положеніе. 3) Бологовские кухонные отбросы одновременны переходному вѣку отъ обивыхъ къ полированнымъ орудіямъ, которыя ограничиваются древнейшими типами вѣка полированныхъ камней. 4) Кухонные отбросы Бологовские, Приозерскіе и Ярославскіе сходны съ Бельгійскими отбросами вѣка сѣверного оленя, найденными въ гротѣ Chaleux, Review и проч., такъ что, по этимъ признакамъ, наша фауна подходитъ къ Бельгійской. Наконецъ типы орудій какъ костяныхъ, такъ и каменныхъ, сходны съ Бельгійскими. 5) Обивные орудія кухонныхъ отбросовъ соединяются съ Магдаленовскимъ палеолитнымъ periodомъ. 6) Бологовская мѣстность была ранѣе заселена, чѣмъ болѣе сѣверны, и потому какъ бы содержить конгломератъ культуры каменныхъ periodовъ. 7) Между народами Оки, Ярославскими Уткинскими и Бологовскими видна связь въ культурныхъ условіяхъ. Можно полагать, что это были члены одной народности. 8) Остатки человѣка въ Бологовской мѣстности имѣютъ особенности. Бугорки ножныхъ пальцевъ болѣе развиты; такъ что пальцы были довольно широко разставлены одинъ отъ другаго. Головы почти долихокефальная съ приплюснутымъ лбомъ. Челюсти сильно развиты съ прогнатизмомъ. Связи головы,

хотя грубыя, но не плотныя, чрезъ что могла быть наклонность къ переходу оть долихоcefализма къ брахикефализму. Стѣнки черепа толстая къ темени и затылку и слабыя къ вискамъ и лбу, способному къ большему развитію лобной кости. Спинные позвонки и тазовыя кости хорошо развиты; спина какъ будто была болѣе согнута.

Свое чтеніе референтъ сопровождалъ демонстраціей остатковъ первобытной культуры и кухонныхъ отбросовъ.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго
Съезда,

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Прав.

Г. III. 572037

ИЗВѢСТИЯ
о занятіяхъ
СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЗДА
ВЪ ЯРОСЛАВЛѣ.

№ 9.

17 августа 1887 г.

I.

Протоколь засѣданія, 13 августа утромъ, по II отдѣленію древностей историческихъ, географическихъ и этнографическихъ, подъ предсѣдательствомъ Д. И. Иловайскаго (первый рефератъ) и Г. Эд. Зенгера (остальные три реферата).

Предсѣдатель Д. И. Иловайскій открылъ засѣданіе краткимъ словомъ о покойномъ графѣ А. С. Уваровѣ, въ которомъ указалъ на его заслуги для русской археологии. Дѣло и организація бывшихъ Археологическихъ Съездовъ въ Россіи, по словамъ Д. И. Иловайскаго, всецѣло принадлежитъ почину графа Уварова, продолжательницей же дѣла Съездовъ теперь является графиня Н. С. Уварова, къ которой г. Предсѣдатель и обратился съ выраженіемъ глубокой благодарности.

Профессоръ Д. И. Багалпъ прочиталъ рефератъ: „Что желательно для русской исторической географіи?“ Поставленный вопросъ былъ затронутъ первоначально Директоромъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, Н. А. Поповымъ, который выразилъ желаніе обратить на этотъ вопросъ вниманіе членовъ Създа. Русская историческая географія до XV столѣтія обслѣдована болѣе, нежели за послѣдующіе вѣка. Прекрасная работа проф.

Барсова: „Очерки русской исторической географии“ не доведена до конца, а работа Бѣляева „О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Руси“ устарѣла. Вопросъ о колонизации инородческихъ земель занималъ многихъ ученыхъ—и опять въ періодѣ времени до XV вѣка. Поэтому, по мнѣнію референта, много предстоитъ труда въ дѣлѣ разработки исторической географіи Московскаго и Императорскаго періодовъ нашей исторіи, т. е. за время XV—XVIII вѣковъ. И территорія, и этнографія Московскаго государства изучены очень мало. Есть, конечно, хорошія работы и за этотъ періодъ, но ихъ мало. На первомъ мѣстѣ здѣсь нужно поставить сочиненіе проф. Е. Е. Замысловскаго о Герберштейнѣ. Проф. Балагѣй выразилъ желаніе, чтобы и другіе ученые работали въ томъ же направлѣніи. Но одного знакомства съ иностранными писателями о Россіи—по мнѣнію референта—недостаточно, нужно свои отечественные источники изучить сколь возможно старателнѣе и серъезнѣе. Между тѣмъ у насъ до сихъ пора не существуетъ хорошаго изданія главнѣйшаго источника по исторической географіи „Книги Большаго Чертежа“. Прежнее изданіе ея сильно устарѣло, и комментаріи оказываются уже несостоятельными. Необходимо новое изданіе этого источника. У насъ много занимаются исторіей колонизаціи. Таковы труды Фирсова, Скальковскаго, Переятковича, Ядринцева и др. Но несмотря на это, мы всетаки далеки еще отъ решенія вопроса о характерѣ русской колонизаціи вообще. Только тогда удастся намъ решить его во всей полнотѣ, когда мы будемъ имѣть исторію заселенія всѣхъ важнѣйшихъ областей нашего государства. Отсюда вытекаетъ необходимость изученія областнаго научнаго матеріала. Менѣе всего изслѣдованы окраины русскаго государства, какъ въ центрѣ, такъ и на окраинахъ изученіе исторической географіи и этнографіи должны идти рука обь руку. Не одинъ русскій востокъ долженъ занимать изслѣдователя, но и Русь надная, надолго подчинившаяся польской зависимости, при чемъ особенно нуждается въ изслѣдованіи Московско-Литовскій періодъ Русской исторіи. Матеріаловъ для этого у насъ много, но мы ими не пользуемся. Серьезное вниманіе на нихъ обратилъ не такъ давно липпъ г. Оглоблинъ въ своемъ специальному трудѣ обь источникахъ нашей исторической географіи. Г. Багалѣй ука-

залъ на главныя хранилища ихъ—Московскіе Архивы Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи, Архивъ Главнаго Штаба, на библіотеки: Императорскую Шубличную, Русскаго Географическаго Общества и др. и на собранія мѣстныхъ историческихъ документовъ—губернскіе архивы. Чтобы уяснить значение этихъ *местныхъ* архивовъ, референтъ для примѣра указалъ на важные документы Харьковскаго Историческаго Архива. Въ заключеніе онъ свелъ всѣ свои desiderata пока къ двумъ основнымъ: 1) желательно приведеніе въ извѣстность всѣхъ историко-географическихъ материаловъ, хранящихся какъ въ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ древнехранилищахъ, 2) желательно прежде всего изданіе писцовыхъ книгъ при посредствѣ Губернскихъ Статистическихъ Комитетовъ и мѣстныхъ Архивныхъ Комиссій.

Л. Н. Майковъ возразилъ, что въ рукописномъ отдѣленіи Русскаго Географическаго Общества материаловъ по исторической географіи весьма мало. Есть только одинъ замѣчательный списокъ „Книга Большаго Чертежа“. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Майковъ указалъ референту на пропускъ въ его рефератѣ: онъ не упомянулъ о трудѣ Огородникова, хотя и незаконченномъ, но весьма важномъ. Г. Майковъ пришелъ къ тому выводу, что предварительно нужно опредѣлить нѣсколько редакцій „Книги Большаго Чертежа“ и отдѣлить позднѣйшія прибавки отъ первоначального текста и тогда уже издавать вновь этотъ памятникъ.

А. В. Селивановъ сообщилъ о своей работе по исторической географіи Рязанскаго края въ XVII вѣкѣ. Материаломъ для этой работы главнымъ образомъ служать платежныя книги 1628 года, хранящіяся въ Рязанскомъ Историческомъ Архивѣ. На основаніи этихъ книгъ г. Селивановъ предварительно составляетъ списокъ населенныхъ мѣсть Рязанской губерніи въ XVII вѣкѣ по каждому уѣзду отдельно, нанося затѣмъ названія этихъ мѣсть на карту. Г. Селивановъ показалъ образецъ такой карты и форму своей работы по составленію списка населенныхъ мѣсть.

Е. М. Гаршинъ указалъ на богатое собраніе материаловъ по исторической географіи, принадлежащее Академіи Наукъ, которая и начала уже ихъ изданіе въ „Материалахъ для исторіи Академіи Наукъ“. Особенно важ-

ное научное значение имѣетъ переписка Кирилова съ Татищевымъ по составленію первого атласа Россіи.

А. О. Селивановъ указалъ значеніе Археологического Института и мѣстныхъ Архивныхъ Комиссій въ дѣлѣ собирания и изданія историческихъ матеріаловъ вообще, обративъ вниманіе на труды членовъ Архивныхъ Комиссій: Костромской—Миловидова и Херсонскаго, Тверской—Квашнина-Самарина и Рязанской—священника Иоанна Добролюбова.

Д. Н. Анучинъ заявилъ о необходимости параллельного изученія прошлой и современной географіи и составленія историко-географическаго словаря.

Н. И. Троицкій обратилъ вниманіе членовъ Съѣзда на предпринятое имъ изданіе: „Сборникъ матеріаловъ по историко-статистическому описанію Тульской епархіи“ и предложилъ безвозмездно всѣмъ желающимъ этотъ сборникъ.

Н. И. Барсовъ указалъ на изданіе Высочайше учрежденной Комиссіи при Святейшемъ Синодѣ: „Описаніе документовъ и дѣлъ Синодального архива“ въ 8 томахъ, въ которыхъ заключается много полезнѣйшихъ указаній для занимающихся исторической географіей. Затѣмъ г. Барсовъ сказалъ о неудовлетворительности прежнихъ изданій писцовыхъ книгъ, наприм., изданія Неволина.

Л. Н. Майковъ пояснилъ, что Неволинъ издавалъ писцовые книги въ сокращенномъ видѣ. Полное изданіе Новгородскихъ писцовыхъ книгъ начато Археографической Комиссіей по единственному списку Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Д. А. Корсаковъ къ двумъ desiderata г. Багалѣя прибавилъ третье: желательно изданіе подробныхъ историко-географическихъ атласовъ по отдельнымъ областямъ Россіи. Павлищевъ и Замысловскій, по словамъ г. Корсакова, дѣлали только попытки къ изданію такихъ атласовъ. Къ будущему Съѣзду желательно выработать программу для составленія такихъ атласовъ, принявъ во вниманіе работы въ такомъ направленіи, предпринятые г. Селивановымъ въ Рязани. Съ этого цѣллю г. Корсаковъ полагалъ бы полезнымъ образовать комиссию, или же просто обратиться къ специалистамъ, прося ихъ свои мнѣнія по выраженнымъ desiderata Корсаковымъ и Багалѣемъ доставлять въ Московское Археологическое Общество, для разсмотрѣнія на будущемъ Археологическомъ Съѣздѣ.

В. О. Миллеръ обратилъ внимание на методъ историко-географическихъ изслѣдований, которымъ не мало могутъ помочь лингвистическая данныя. Г. Миллеръ пользовался ими при изученіи горной области Осетіи.

П. И. Савваитовъ также указалъ на языки, какъ на главнѣйшій источникъ для этнографическихъ опредѣленій. „А дорога раскопокъ, по словамъ г. Савваитова, скользка и требуетъ чрезвычайной осторожности“.

Д. И. Багалпій, въ заключеніе преній по возбужденному имъ вопросу, благодарили за сдѣланныя указанія и присоединился къ мнѣнью профессора Д. А. Корсакова относительно необходимости составленія и изданія подробныхъ историко-географическихъ атласовъ по отдельнымъ областямъ Русского государства.

И. А. Износковъ прочиталъ рефератъ: „О хорографическихъ инородческихъ названіяхъ“, въ которомъ онъ и положилъ сообщенія: 1) *Т. С. Семенича*: „Алфавитный списокъ населенныхъ мѣсть, рѣкъ, рѣчекъ и озеръ Мерянской стороны, названія которыхъ происходятъ изъ черемисского языка“; сообщеніе это есть отвѣтъ на запросъ VII Археологическому Съезду С. К. Кузнечова: „Возможны ли объясненія названій населенныхъ мѣсть Ярославской губерніи изъ корней Черемисского языка“ (см. списокъ дополнительныхъ вопросовъ и запросовъ VII Археологическому Съезду). 2) *Н. К. Рамзевича*: „Названія рѣкъ Вологодской и Архангельской губерній“ и 3) запросъ г. Суворова: „Преподобный Герасимъ Вологодской, прия въ Вологду въ 1147 году, выстроилъ себѣ келью и церковь на Кайсаровомъ ручье. Что такое это Кайсаръ или кто? Изъ какого языка взято это слово?“

Учитель Казанской инородческой семинаріи, Семеновъ, самъ родомъ изъ черемисъ Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи. Поэтому изученіе Черемисского языка для него не составляетъ большаго труда. Въ представленномъ спискѣ онъ приводить объясненія 264 хорографическихъ названій, употребляющихся въ Ярославской губерніи, 177—въ Костромской, 148—во Владимирской, 136—въ Нижегородской, 67—въ Московской и 48—въ Вологодской—и сходныя названія въ губерніяхъ Вятской, Казанской и Уфимской. Изъ списка легко усмотретьъ, по мнѣнію г. Износкова, что многія, можетъ быть, моринскія названія легко объясняются изъ черемисского языка.

Если бы къ этому списку присоединить сравнительный списокъ названий изъ другихъ инородческихъ языковъ, то этимъ путемъ можно было бы дойти до определенія мѣста языка исчезнувшей Мери въ семье финскихъ народовъ. Г. Извосковъ изъ массы записанныхъ Семеновымъ названий привелъ нѣсколько примеровъ (Абатурово—Костромской и Ярославской губерній, Абатырь—Вятской губерніи, Яранского уѣзда: *аба*=мать, *тур*=сторона); (Илешево—Костромской губерніи, Илешкумарь—Вятской губерніи, Уржумского уѣзда, Илышево—Уфимской губерніи, Бирского уѣзда: *ялеш*, *илмиш*=жизнь).

Переходя къ сообщенію г. Рамзевича, учителя Тотемской учительской семинаріи, г. Извосковъ сказалъ, что оно состоить изъ перечисленія рѣкъ въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ съ одинаковыми окончаніями. Почти всѣ названія состоять изъ нѣсколькихъ слоговъ съ удареніемъ на первомъ и легко могутъ быть раздѣлены на части. Таковы слова съ окончаніемъ *енъга*: Енъга, Шдр-енъ-га, Рам-енъ-га, Ва-енъ-га. Можно думать, что *енъ* имѣть особое смысловое и образовательное значеніе (Іен—Богъ, éп, án, ín—жена), *га*—окончаніе. Другое окончаніе *ана*: Рабанга, Юрманга, Шаранга и друг.; третье—*юга*: Уфтууга, Кондюга, Ханюга и т. п. Нужно предполагать зырянское происхожденіе всѣхъ подобныхъ названий, по словамъ г. Рамзевича. На запросъ г. Суворова г. Извосковъ только указалъ, что слово *кайсарь*, *кансарь*, *береznикъ*—часто встречается на мѣстахъ жительства народовъ тюркского племени. Въ заключеніе г. Извосковъ выразилъ желаніе имѣть общую и опредѣленную программу для всѣхъ собирателей лингвистическихъ данныхъ науки.

Квашнинъ-Самаринъ замѣтилъ, что многія названія происходятъ отъ фамилій владѣльцевъ земли, а не отъ финскихъ и тюркскихъ, исконныхъ корней (напр., также фамилія Кайсаровыхъ, Абатуровыхъ и т. д.).

Х. П. Ящуржинскій прочелъ небольшой рефератъ: „Остатки язычества въ погребальныхъ обрядахъ Малороссіи“. Г. Ящуржинскій сообщилъ свои наблюденія въ Уманскомъ уѣздѣ, Киевской губерніи. Приведя изъ Ибнъ-

Фаддана известное описание похоронъ Русса и сказавъ, что въ основѣ всѣхъ стариныхъ погребальныхъ обрядовъ лежитъ глубокая вѣра, что человѣкъ живеть и по смерти, референтъ привелъ нѣкоторыя свои наблюденія. Еще лѣтъ 50 тому назадъ въ Малороссіи при погребеніи умершаго клали въ гробъ хлѣбъ, горшечъ съ кашей и граfinъ съ водкой. До нашего времени удержался обычай ставить вечеромъ того дня, когда были похоронены, въ переднемъ углу (на покутѣ) стаканъ съ водой и горшечку хлѣба. Покойника везутъ на возу или саняхъ, не премѣнно запряженныхъ волами; въ могилу бросаютъ деньги въ пользу „дидька“, т. е. подземного существа; при погребеніи лѣвушки усопшую одѣваютъ, накъ къ вѣнцу, кладутъ на голову ленту, украшаютъ голову цветами и зеленью, къ похоронамъ пекутъ коровай, подобный свадебному, и кладутъ его на свѣжую могилу. Погребальные плачи всѣ глубоко-поэтичны. Но есть мѣста, гдѣ слезы замѣняются весельемъ, наприм., въ селѣ Подвысокомъ Уманскаго уѣзда, Киевской губерніи.

Д. Н. Амучимъ показалъ присутствующимъ фотографіческій снимокъ похоронъ на саняхъ у Церниковъ.

И. В. Яничъ указалъ на существованіе того же обычая у южныхъ славянъ.

Д. И. Иловайский похоронная увеселенія объясняетъ древними представленіями загробной жизни у славянъ вообще свѣтлыми, не заключавшими въ себѣ чего-либо мрачнаго.

Г. Э. Земеръ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній насательно того, что въ древнемъ классическомъ мірѣ при погребеніи происходило смѣщеніе радости и скорби и указалъ на нѣкоторыя вѣрованія древнихъ въ загробную жизнь.

Н. В. Покровский сдѣлалъ запросъ: не слѣдуетъ ли объяснить употребленіе воды при похоронахъ влияниемъ религіи христіанской, а не язычества?

Н. И. Троицкий призналъ въ этомъ случаѣ влияніе христіанства. Тоже мнѣніе высказалъ и проф. *А. И. Кирпичниковъ*.

П. Н. Полевої видѣть вѣру народа въ загробную жизнь и въ современныхъ погребальныхъ обычаяхъ народа.

Я. О. Ушаковъ сказавъ о почитаніи въ Ярославской губерніи родительской субботы, осенью, въ октябрѣ, пер-

вой субботы послѣ Каянскай Богоматери. По народному вѣрованію, покойники обогрѣваютъ землю своимъ дыханіемъ. Тутъ же г. Ушаковъ указалъ на иѣкоторые похоронные обряды (омовеніе волосъ, оставленіе снопа соломы, горшка и гребня на дорогѣ къ кладбищу), существующіе въ Ярославской губерніи.

О. Ф. Миллеръ сдѣлалъ всесторонній разборъ доклада г. Иванова: „Краткій очеркъ возврѣній крестьянского населенія Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи, на душу и на загробную жизнь, составленный по словамъ стариковъ и старухъ“. Похваливъ г. Иванова за его начитанность въ избранномъ вопросѣ и за умѣніе записывать народныя сказанія, г. Миллеръ сказалъ иѣсколько словъ вообще о народныхъ возврѣніяхъ на загробную жизнь, какъ они выражаются въ произведеніяхъ устной народной словесности, и о книжномъ вліяніи на міросозерцаніе народа. Затѣмъ онъ перешелъ къ изложенію возврѣній купянскихъ крестьянъ, нѣдѣлько весьма оригинальныхъ и доселѣ не подмѣченныхъ въ другихъ мѣстахъ нашего отечества. Онъ выяснилъ представление души въ видимомъ образѣ крылатаго существа—пчелы или въ видѣ пара. Такой образъ душа имѣеть, пока не вселится въ тѣлесную оболочку. Войдя въ тѣло, душа растетъ вмѣстѣ съ нимъ, питаясь паромъ отъ той пищи, какою питается человѣкъ. Хотя душа живеть въ тѣсной свяязи съ тѣломъ, есть, пить, чувствуетъ жаръ, холодъ, наслаждается и страдаетъ, однако, при потерѣ какой-либо части тѣла, человѣкъ не теряетъ соответствующей части души. Родившійся съ какими нибудь физическими недостатками имѣеть и душу не вполнѣ совершенную. Вирочемъ, въ будущей жизни, по возврѣніямъ крестьянского населенія, все органические недостатки будуть восполнены. Оригинально представление крестьянъ о мѣстѣ нахожденія души въ тѣлѣ: одни представляютъ себѣ душу существомъ, проникающимъ и наполняющимъ все тѣло, весь тѣлесный организмъ, другіе считаютъ мѣстомъ пребыванія ея грудь, трети—утробу, иные предполагаютъ ея мѣсто въ горлѣ и, наконецъ, подъ правой рукой. У разбойниковъ и у вѣдьмъ души нѣть, т. е. душа изъ нихъ вышла, ими овладѣль злой духъ. Родившіеся мертвыми или умершіе нѣкрещенными младенцы превра-

щаются въ русалокъ, иначе называемыхъ „лоскотовками“ и представляемыхъ то въ человѣческомъ, то въ животномъ образѣ. Некрещенные младенцы принимаются Богомъ въ особо для нихъ назначенный рай, но отдельно отъ душъ дѣтей, умершихъ крещенными и живущихъ съ ангелами. Интересны обряды купянскихъ крестьянъ, которыми сопровождается смерть и погребеніе человѣка. Они указываютъ на глубокую вѣру крестьянъ въ продолженіе жизни за гробомъ. Умирающаго кладутъ на землю, на которой умирать легче. Умершаго возлагаютъ на лавку, ставя въ головахъ зажженную свѣчу, вѣшая на стѣнѣ возлѣ иконъ рушникъ и ставя на окно воду и разведеній медъ. При смерти вѣдьмы дѣлаютъ отверстіе въ потолкѣ для выхода души. Въ гробъ кладутъ деньги для покупки мѣста на томъ свѣтѣ, въ могилу ставить бутылку съ водкой; ленту, которую были связаны ноги умершаго, хранять, какъ средство отъ боли. На томъ свѣтѣ живутъ мужчины съ мужчинами, женщины—съ женщинами, а, по мнѣнію другихъ,—попарно. Душа покойника посѣщаетъ свой домъ только до 40 дней, пока не совершится надъ нею судъ и она не получить определенного мѣстопребыванія. Впрочемъ, души являются на поминальные обѣды и послѣ 40 дней. Душа скучаго на томъ свѣтѣ алчетъ и жаждетъ, а души праведниковъ имѣютъ во всемъ изобиліе. Есть адъ вѣчный, есть и временный; онъ подъ землею, въ немъ мракъ, души грѣшниковъ питаются тамъ пепломъ. Рай—это зеленый садъ, по которому течетъ рѣка. На томъ свѣтѣ мужъ не узнаетъ жены и наоборотъ, а родичей и знакомыхъ душа узнаетъ. Отецъ и мать не узнаютъ своихъ дѣтей, а крестные—узнаютъ. Тамъ души не разговариваютъ между собою. Весьма интересны разсказы „замиравшихъ“ старухъ, т. е. бывшихъ въ долгомъ обморокѣ, или въ летаргическомъ спѣ. Они приводятся у г. Иванова въ подлинникѣ, равно какъ не менѣе любопытные разсказы крестьянъ о явленіи мертвцевовъ. Всѣ эти разсказы дополняются въ сообщеніи г. Иванова нѣсколькими „плачами“ по покойникахъ, записанными со словъ купянскихъ крестьянъ.

Изложивъ предъ слушателями всѣ сообщенія г. Иванова, Ор. Ф. Миллеръ ввѣсилъ ихъ относительныя научные достоинства, указалъ, что въ этихъ сообщеніяхъ встрѣчается новаго, доселѣ неизвѣстнаго, и, сопоставивъ

это новое съ прежнимъ запасомъ нашихъ свѣдѣній о русскомъ народномъ міросозерцаніи, призналъ вновь собранные г. Ивановыми материалы въ высшей степени любопытными и важными для характеристики южно-русского крестьянства. Свою рѣчь Ор. Ф. Миллеръ закончилъ напоминаніемъ, что духовная природа русского человѣка, его завѣтные, высшіе идеалы нигдѣ, однако, не выражаются такъ полно и ясно, какъ въ былевомъ, богатырскомъ эпосѣ.

II.

Протоколъ засѣданія, 13 августа, вечеромъ, по VI отдѣленію,—памятниковъ славяно-русского языка и письма. подъ предсѣдательствомъ Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго.

1. *А. И. Кирпичниковъ* сообщилъ о своихъ поискахъ въ трехъ библіотекахъ на островѣ Халки. Референту удалось найти въ нихъ нѣсколько греческихъ апокрифовъ (одинъ изъ нихъ—сказание о поставлении въ іереи Христа и два—сказания о жизни Богоматери), πίναξ по дрѣвней исторіи, иллюстрированный множествомъ изображеній, двѣ рукописи романа о Варлаамѣ и Ioасафѣ. Къ сообщенію о содержаніи найденныхъ на островѣ Халки рукописей, А. И. Кирпичниковъ прибавилъ нѣсколько замѣчаній о составѣ греческихъ книгохранилищъ и объ иностранномъ (греческомъ и славянскомъ) элементѣ въ народномъ греческомъ языкѣ Константинополя.

2. *Н. Ф. Красносельцевъ* посвятилъ свой рефератъ одної изъ рукописей Соловецкой библіотеки — Чиновнику Архангельского Спасскаго собора, писанному около 1725 года. По словамъ референта, этотъ Чиновникъ имѣть значительныя изамѣчательныя особенности сравнительно съ извѣстными Чиновниками Московскаго Успенскаго и Новгородскаго Софійскаго соборовъ. Онъ начинается историческимъ повѣствованіемъ объ учрежденіи Холмогорской епархіи и разсказомъ о хиротоніи, встрѣчѣ и первыхъ распоряженіяхъ архиепископа Аѳанасія въ Холмогорахъ. Затѣмъ слѣдуетъ самый Чиновникъ или описание особенностей архиерейскаго служенія въ разные дни церковнаго года съ замѣчаніями о разныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ,

влиявшихъ на то, или иное измѣненіе ихъ. Да же слѣдуютъ „выписки вкратцѣ“—церковная лѣтопись, посвященная описанію обстоятельствъ жизни Аѳанасія и его преемниковъ до 1723 года, причемъ также сообщаются подробности о пребываніи Петра I-го въ Холмогорахъ и Архангельскѣ. Многое какъ въ этой лѣтописи, такъ и въ самомъ Чиновникѣ можетъ имѣть значеніе для исторіи не только церковно-литургической обрядности, но и вообще русской обрядности и быта. Сверхъ того, Архангельскій Чиновникъ имѣеть значеніе какъ памятникъ, хотя и богослужебный, но оригиналный русскій. Содержащіяся въ немъ описанія, будучи сходны по содержанію съ описаніями другихъ Чиновниковъ, отличны отъ нихъ по изложенію. Языкъ его отличается отъ обыкновенного языка богослужебныхъ книгъ и строй его совершенно русскій, такъ что сгруя народной рѣчи пробивается въ немъ сильно, что даетъ возможность наблюдести даже нѣкоторыя особенности мѣстного говора; напримѣръ, свѣча называется въ Чиновникѣ нерѣдко „ослопно“.

3. *М. И. Соколовъ* занялся разсмотрѣніемъ вопроса о тождествѣ болгарского попа Іереміи съ болгарскимъ же попомъ Богомиломъ. Приведя свидѣтельства Погодинскаго Номоканона и позднѣйшихъ списковъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, а также посланія нѣкоего Аѳанасія къ Панку о лживыхъ писаніяхъ Іереміи и указавъ на то, что этотъ послѣдній обыкновенно отождествляется съ распространителемъ богоильтства въ X вѣкѣ попомъ Богомиломъ, референтъ сообщилъ о найденномъ имъ списѣ приписываемыхъ Іереміи сочиненій, это—пергаменный сербскій сборникъ XIII вѣка, принадлежащій проф. Сречковичу и содержащій въ себѣ также нѣсколько произведеній или неизвѣстныхъ доселѣ, или извѣстныхъ въ позднихъ спискахъ и редакціяхъ: суевѣрные молитвы и заговоры, статьи гадательныя („указаніе числене“, „число псалтирино“) и астрологическія (громникъ, колядникъ, добрые и злые дни и т. п.), сказаніе о чудѣ св. Георгія, „Чтеніе св. Варуха“, апокрифическое „Откровеніе 12 апостоловъ“, настаивающіе на почитаніи недѣли, седеды и пятницы, слово Меѳодія Патарскаго, пророчества прор. Даніила и Исайи, говорящія о судьбахъ Константинополя и разныхъ народовъ, извлеченія изъ Патериковъ, изъ сборниковъ въ родѣ Пчелы, поученія, между

прочимъ, Кирилла Туровскаго. По мнѣнію референта, приписываемыя Іереміи произведения не имѣютъ никакой связи съ учениемъ богоиловъ, какъ оно излагается Козмою пресвитеромъ; напротивъ того въ нихъ есть немало противнаго богоильскому вѣроученію, почему вопросъ о тождествѣ Іереміи съ Богоиломъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно. По прочтѣніи этого реферата, И. В. Ягачъ сообщилъ свое согласіе съ мнѣніемъ М. И. Соколова и прибавилъ, что онъ разрѣшалъ поставленный имъ вопросъ отрицательно въ своихъ лекціяхъ въ Петербургскомъ и Вѣнскомъ университетахъ.

4. *A. Соболевский* прочелъ рефератъ о томъ, кто былъ первый русскій библіографъ. Первый русскій библіографіческій трудъ—„Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“, было приписано Ундолльскимъ Сильвестру Медвѣдеву единственно на основаніи сходства въ почеркахъ „Оглавленія“ и черновыхъ писемъ Медвѣдева, но, по мнѣнію референта, сходство между этими двумя почерками мнимое. То обстоятельство, что „Оглавленіе“ должно быть относимо ко времени не позже 1666 года (въ немъ не упоминается печатныхъ книгъ этого года и послѣдующихъ) и что въ немъ нѣть упоминанія о Симеонѣ Полоцкомъ, препятствуетъ считать это произведеніе принадлежащимъ перу Медвѣдева. Употребленіе таکъ называемыхъ „белорусскихъ“ словъ въ родѣ *друкъ, предмова*, греческія слова въ родѣ *сивлія, аменсій*, новыя слова *Ромъ вм. Римъ, ромскій вм. римскій*, особенное обилие подробностей объ Епифаніи Славинецкомъ, наконецъ сходство почерка „Оглавленія“ съ почеркомъ Епифанія показываютъ, что составителемъ „Оглавленія“ былъ не кто иной, какъ Епифаній.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго
Съезда, 17 августа 1887 года.

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Прав.

Г.І.ІІІ 574038

ІЗВѢСТІЯ
о занятіяхъ
СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГІЧЕСКОГО СЪВІДДЯ
ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

№ 10.

I.

Протоколъ засѣданія, 14 августа угромъ, по VIII отдѣленію древностей восточныхъ, подъ предсѣдательствомъ М. Н. Бережкова.

1. Секретарь отдѣленія *M. B. Никольскій*, въ своемъ докладѣ: „О средствахъ къ поднятію археологіи архаическаго востока въ Россіи“, указалъ прежде всего на то печальное явленіе, что изъ всѣхъ отраслей археологіи только археологія архаическаго востока совсѣмъ не получила развитія; какъ въ учебникахъ, такъ и литературѣ почти совсѣмъ игнорируются послѣднія открытія въ Египтѣ, Холусѣ, Ассиріи и другихъ странахъ древняго востока и древностей этого рода въ нашихъ музеяхъ совсѣмъ нѣть. Изложивъ затѣмъ результаты послѣднихъ открытій, измѣнившіе вполнѣ прежнее представление о востокѣ и его исторіи, референтъ указалъ на то, что западная наука обязана этими успѣхами прежде всего и главнѣе всего дипломатическимъ агентамъ на востокѣ. Переходя затѣмъ къ вопросу о причинахъ слабаго развитія у насъ интересовъ къ этому дѣлу, онъ выразилъ мнѣніе, что этихъ причинъ надоѣно искать въ слабомъ развитіи у насъ тѣхъ архаическихъ наукъ, которыя входятъ въ составъ такъ называемой *біблейской археологіи*, тогда какъ на

западѣ широкое научное изученіе Библіи Ветхаго Завѣта и семитскихъ литературъ вызывало и поддерживало эти интересы. Находя, что и русская наука, по тѣсной связи Россіи съ востокомъ, должна вступить въ конкуренцію съ западною въ дѣлѣ добыванія и изслѣдованія древностей архаического востока, референтъ считаетъ желательнымъ—кромѣ болѣе широкой постановки языковъ я литературы архаического востока въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—привлеченіе русскихъ дипломатическихъ агентовъ на востокѣ къ дѣлу пріобрѣтенія древностей и покровительство имъ въ этомъ дѣлѣ нашего правительства.

E. M. Гаршинъ сообщилъ по поводу сего, что Императорское Русское Археологическое Общество обращалось съ подобнымъ приглашеніемъ къ дипломатическимъ агентамъ на востокѣ, на которое, насколько ему известно, они уже откликнулись. Что же касается до учебниковъ по исторіи древняго востока, то онъ считалъ бы обязанностью специалистовъ по изслѣдованію памятниковъ древняго востока сдѣлать опытъ ихъ составленія.

Предсѣдатель отдѣленія *H. I. Веселовскій* замѣтилъ, что наши дипломаты старой школы, какъ Ханыковъ, баронъ Боде, Жаба, Базили и другіе пользуются за свои сочиненія и излѣдованія громкою известностію въ учено мірѣ, какъ у насъ, такъ и за границей; но преемники ихъ въ западной Азіи дѣйствительно обнаруживаютъ какое-то равнодушіе къ интересамъ русской науки и только въ самое послѣднее время замѣчается поворотъ къ лучшему и надо надѣяться, что наши дипломаты снова проявятъ свою дѣятельность въ сферѣ науки.

Почетный Предсѣдатель *H. M. Бережкост* въ заключеніе выразилъ надежду, что библейская археология въ связи съ ассириологіей, египтологіей и другими науками, тѣсно съ нею связанными, получить въ недалекомъ будущемъ широкое развитіе въ нашемъ отечествѣ и подниметь интересъ и къ памятникамъ архаического востока.

2. *B. Ø. Миллеръ* сообщилъ рефератъ: „*O происхожденіи и языке кавказскихъ евреевъ*“. Въ началѣ сообщенія референтъ сдѣлалъ оговорку, что имѣть въ виду не всѣхъ евреевъ вообще, живущихъ на Кавказѣ, а евреевъ горцевъ, называемыхъ по татарски Дагъ (гора) Чуфутъ (еврей), говорящихъ иранскимъ языкомъ и живущихъ

главнымъ образомъ въ Дагестанѣ, въ Елисаветпольской и Бакинской губерніяхъ и въ вѣсколькихъ аулахъ областей Терской и Кубанской. Сообщивъ затѣмъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ евреями на Кавказѣ въ 1883 году, о своихъ изслѣдованіяхъ по ихъ языку въ 1886 году, референтъ привелъ рядъ указаній, свидѣтельствующихъ о томъ, что чїсло евреевъ на восточномъ Кавказѣ, не превышающее въ настоящее время 15 или 16 тысячъ душъ, было гораздо значительнѣе еще 200, 300 лѣтъ тому назадъ. О послѣднемъ фактѣ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, свѣдѣніе, сообщаемое въ 1690 году Витсеномъ, что въ селеніи Бойнакѣ (въ 40 верстахъ отъ Тарху въ Темирь-ханъ-шуринаскомъ округѣ), въ которомъ въ настоящее время считается 15 дымовъ евреевъ, евреи въ его время жили тысячами. Объ этомъ говорятъ и многочисленныя топографическія названія въ Дагестанѣ, сохранившія воспоминаніе объ евреяхъ, нѣкогда здѣсь жившихъ (Чуфутъ-тебѣ—еврейскій холмъ, Чуфутъ-кабуръ—еврейское кладбище и т. п.). Доказательствомъ тому, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дагестана Исламъ вытѣснилъ религію Моисея, можетъ служить и то, что въ нѣкоторыхъ мусульманскихъ аулахъ, производящихъ себя отъ евреевъ, до сихъ поръ хранятся еврейскія книги, какъ святыни, и даже въ мечетяхъ.

Восходя къ болѣе древнимъ временамъ, референтъ привелъ затѣмъ рядъ указаній восточныхъ писателей, свидѣтельствующихъ о томъ, что религія Моисея пользовалась на восточномъ Кавказѣ значительнымъ распространениемъ и существовала въ этой области раньше первого появленія арабовъ, т. е. начала VIII столѣтія. Таковы свидѣтельства Дербендъ-Намѣ, Масуди, Ибнъ-Хаукала и друг. Есть основаніе думать, что именно въ Дагестанѣ рано укоренившееся іудейство повлияло на покорившихъ Дагестанъ хазаръ и вызвало принятіе религіи Моисея Каганомъ и высшимъ классомъ хазарского царства. Впослѣдствіи чїсло евреевъ въ хазарскихъ городахъ умножалось не только выходцами съ Кавказа, но и изъ многихъ другихъ странъ, особенно вслѣдствіе гоненій, воодвигнутыхъ на нихъ нѣкоторыми византійскими императорами (Левъ Исаврійскій, Романъ).

Переходя къ вопросу откуда явились евреи на восточномъ Кавказѣ, референтъ привелъ распространенное

среди кавказскихъ евреевъ убѣжденіе, что они потомки израильянъ, выведенныхъ ассирийскими царями изъ родины. Въ IV книгѣ царствъ дѣйствительно говорится о поселеніи евреевъ въ горахъ *Мидіи* ассирийскимъ царемъ Салманассаромъ, а Мидія (именно область Адербейджанъ) является родиной Кавказскихъ евреевъ. О существованіи евреевъ, именно колѣна Исахарова, въ этихъ мѣстахъ говорить, между прочимъ, еврейскій путешественникъ IX вѣка Эльдадъ га-Дани, причемъ упоминаетъ, что это ко-лѣнно говорить, кромѣ священнаго языка, еще на язы-кахъ Персидскомъ и Кедарскомъ (туркскомъ, по объясне-ніи г. Гаркави).

Переходя затѣмъ къ характеристикѣ современного языка горскихъ евреевъ, референтъ указалъ на то, что въ строеніи и типѣ этотъ языкъ содержитъ яркіе слѣды той области, въ которой былъ въ употребленіи, именно Адербейджана. Языкъ кавказскихъ евреевъ, по словамъ референта, могъ возникнуть именно въ странѣ, гдѣ смы-шиваются этнические элементы: иранскій, семитскій и тюркскій. Это—иранское нарѣчіе, произносимое семитскимъ горломъ и построенное отчасти фонетически, отчасти син-тактически на тюркскій ладъ. Для доказательства этой мысли, референтъ коснулся фонетики иаслѣдуемаго языка, опредѣлилъ его отношеніе къ ново-персидскому и указалъ на отразившееся на немъ семитское и тюркское вліяніе. Въ заключеніе референтъ сообщилъ, что этотъ языкъ весьма близокъ къ иранскому нарѣчію *tati*, распространенному доселѣ въ области Баку, на Апшеронскомъ полуостровѣ, въ Табасарапскомъ округѣ и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сѣверной Персіи.

M. B. Никольский, по поводу выраженного В. О. Миллеромъ мнѣнія, что кавказские евреи потомки тѣхъ, которые были отведены въ плѣнъ Салманассаромъ, замѣтилъ, что для рѣшенія этого вопроса важно знать, на- сколько присуще имъ то сознаніе обособленности племян- ной и религіозной, какимъ всегда были проникнуты осталь- ные евреи въ разсѣяніи, такъ какъ эта обособленность могла получить форму позднѣйшаго юдаизма только по возвращеніи евреевъ изъ плѣна въ Палестину, равно так- же важно было бы знать, какія библейскія книги они употребляютъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ явились также послѣ плѣна. На это референтъ отвѣчалъ, что они

не чужды обособленности не только по отношению къ другимъ народамъ, но даже и къ европейскимъ евреямъ, къ которымъ они относятся непріязненно, хотя употребляютъ тѣ же библейскія книги, какія и остальные евреи. Референтъ находитъ возможнымъ, что они могли въ послѣдствіи путемъ сношеній усвоить позднѣйшіе взгляды іудейства и воспользоваться позднѣйшими плодами его развитія.

3. Предсѣдатель отдѣленія *Н. И. Веселовскій* въ рефератѣ своемъ „О надгробномъ памятнику Тимура (Тамерлана) въ г. Самаркандѣ“ сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о самарканскихъ мечетяхъ, воздвигнутыхъ, какъ самимъ Тимуромъ, такъ и внукомъ его Улугъ-Бекомъ: Шахъзинде, Ширъ-дарь, Бибиханымъ, Тиллякари и Гуръ-эміръ. Въ послѣдней и похороненъ Тимуръ. Памятниковъ его два: одинъ въ нижнемъ склепѣ надъ могилою, другой въ мечети, нефритовый, поставленный мирвой Улугъ-Бекомъ въ его царствованіе. На обоихъ указанъ годъ смерти Тимура, 14 шаабана 807 (1405) года, и приведена его родословная отъ Чингизъ-хана. Послѣднее обстоятельство референтъ и опровергалъ цѣлымъ рядомъ соображеній. Тимуръ постоянно носилъ титулъ „зятя“ (гуреканъ), т. е. породнившагося путемъ брака съ царскимъ домомъ, въ чемъ ему не представлялось бы надобности, если бы онъ былъ дѣйствительно Чингизидъ. Не было бы ему надобности и укрываться за Чингизидовъ, Сююргатмыша и Махмуда, которыхъ возводилъ онъ на престолъ лишь только для виду. Измышенія въ этой родословной идутъ такъ далеко, что нѣкоторые предки Чингизъ-хана имѣютъ титулъ эмировъ, тотъ титулъ, который носили халифы. Референтъ высказалъ предположеніе, что эта родословная сочинена при участіи самого Тимура, который очень заботился о своей репутаціи въ потомствѣ и для которого такая громкая генеалогія могла имѣть важное значеніе, чтобы упрочиться на престолѣ и передать его своимъ дѣтямъ. Къ этому заключенію даетъ поводъ и памятникъ надъ могилою сына Тимурова Миранъ-шаха, умершаго раньше отца. На этомъ памятнику помѣщена, не безъ вѣдома Тимура, конечно, также самая генеалогія и она представлялась составителямъ такою важною, что они забыли даже упомянуть самое существенное: годъ смерти Миранъ-шаха.

На вопросъ М. В. Никольского, быть ли Тимуръ монголъ по происхождению, Н. И. Веселовскій отвѣчалъ, что у историковъ нѣтъ объ этомъ определенныхъ свѣдѣній, такъ какъ Тимуръ является выскочкой и происхожденіе его неизвѣстно.

4. Докладъ С. С. Слуцкаго „О надгробныхъ семирѣченскихъ надписяхъ“, за отсутствиемъ референта, былъ прочтенъ М. В. Никольскимъ. Авторъ представилъ краткій выводъ своихъ изслѣдований принадлежащаго Московскому Археологическому Обществу матеріала, состоящаго изъ 5 надгробныхъ камней и 305 снимковъ съ надписей съ подобныхъ камней, найденныхъ на двухъ несторіанскихъ кладбищахъ въ Семирѣченской области, близъ г. Пичинска и селенія Токмака. Сообщивъ краткія свѣдѣнія о несторіанахъ въ Средней Азіи по хроникѣ Баргебреуса (Абульфараджъ) и по описаніямъ Плано Карпини, Марко Поло и Рубруквиса (XIII вѣка) и указавъ на то, что въ эпоху Чингизидовъ они благоденствовали и только со временеми водворенія въ тѣхъ мѣстахъ господства магометанства и буддизма прекратили свое существованіе, г. Слуцкій указалъ на важность разбираемыхъ надписей, какъ единственнаго вещественнаго и литературнаго источника той эпохи, начиная съ которой мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія, т. е. конца XIII и начала XIV вѣковъ по Р. Х. Указавъ затѣмъ на заслуги лицъ, участвовавшихъ въ открытии и разработкѣ этихъ памятниковъ, г. Слуцкій переступаетъ къ описанію самыхъ памятниковъ. Особенное вниманіе онъ обращаетъ на положеніе надписи въ отношеніи къ кресту: судя по тому, что многія надписи имѣютъ исключительно вертикальное направленіе, а также по надписи № 160, где изображены два креста, г. Слуцкій приходитъ къ заключенію, что эти надписи подтверждаютъ древнія свидѣтельства, что сирійцы писали въ древности вертикально, а не горизонтально. По мнѣнію докладчика М. В. Никольского, этотъ выводъ подтверждается полученными во время Съѣзда новыми снимками съ Токмакскихъ надписей. Обративъ затѣмъ вниманіе на точную классификацію г. Слуцкаго надгробій и упоминаемыхъ въ нихъ лица по именамъ, возрасту, полу, общественному положенію и т. п., М. В. Никольский указалъ далѣе на совершенно новыя наблюденія г. Слуцкаго относительно языка и шрифта надписей, исправляющія частью ошибки

проф. Хвольсона; въ особенности же обратилъ вниманіе г. Никольскій на составленную референтомъ таблицу шрифта Семирѣченскихъ надписей, которая можетъ быть превосходнымъ руководствомъ для послѣдующихъ излѣдователей этихъ памятниковъ.

Н. И. Барсогъ, основываясь на высказанномъ ему проф. Хвольсономъ въ засѣданіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества мнѣніи, что въ надписяхъ нѣть прямаго указанія на то, что они принадлежать несторіанамъ, выразилъ свое сомнѣніе въ несторіанскомъ ихъ происхожденіи, на что М. В. Никольскій отвѣчалъ, что, хотя несторіане и не названы въ надписяхъ и въ послѣднихъ нѣть указанія на ихъ вѣроученіе, тѣмъ не менѣе несомнѣнныя признаки несторіанства имѣются и въ содержаніи надписей (въ особенности указаніе на то, что епископы надгробій могли вступать въ бракъ), каковыя указанія въ связи съ свидѣтельствомъ путешественниковъ того времени, которые находили въ средней Азіи только несторіанъ, какъ представителей восточнаго христіанства, исключаютъ всякое сомнѣніе въ принадлежности Семирѣченскихъ надписей несторіанамъ. Къ этому г. Никольскій присовокупилъ замѣчаніе, что христіанство и не могло проникнуть въ среднюю Азію въ формѣ чистаго православія, такъ какъ въ эпоху Сассанидовъ въ Персіи, чрезъ которую только и могло достигнуть туда христіанство, греческое православіе преодолѣвалось и не имѣло послѣдователей, между тѣмъ какъ несторіанство процвѣтало.

II.

Протоколъ засѣданія, 14 августа вечеромъ, по III отдѣленію памятниковъ древняго русскаго искусства, подъ предсѣдательствомъ Н. О. Красносельцева.

В. В. Грязновъ прочиталъ рефератъ: „О древнихъ церквяхъ сѣверо-западнаго края“. Первые христіанскія церкви въ сѣверо-западномъ краѣ, по словамъ референта, ничѣмъ не отличались отъ прочихъ церквей древней Россіи; такъ было, по крайней мѣрѣ, до опустошительного татарскаго нашествія 1240 г., послѣ котораго Польша заполоняетъ этотъ разворенный край. Одной изъ древній-

шихъ церквей въ сѣверо-западномъ краѣ является *Коложанская* близь Гродно, на берегу Нѣмана. Она претерпѣла на своемъ вѣку страшныя бѣдствія отъ татаръ, литвы, ливонцевъ и поляковъ. Между прочимъ, Иванъ Грозный устроилъ на ней батарею, когда громилъ Гродно; тоже сдѣлалъ Карлъ XII. Этотъ храмъ, уцѣлѣвшій до нашего времени, несмотря на вѣковыя бѣдствія,—рухнулъ въ Нѣманъ въ недавнее время.

По своему стилю и плану Коложанская церковь сходна съ Киевскими церквами: Кирилловской и Михайловско-Златоверхой. Та-же кладка и такіе-же точно кирпичи, какъ въ Васильевской. Стѣны Коложанской церкви имѣютъ 1 арш. 14 верш. толщины, ширина внутреннихъ проходовъ, ведущихъ на хоры и въ надалтарные тайники, 9 $\frac{1}{2}$, верш. Стѣны церкви убрани снаружи разноцвѣтными изразцами: синими, зелеными, желтыми и линючими (вѣроятно, красными); расположеными въ видѣ крестовъ; кромѣ того, какъ снаружи, такъ и изнутри, имѣются пилиастры, закругленные ребра которыхъ сдѣланы изъ лекального кирпича; пилиастры эти переложены плитнякомъ. Церковь была въ древности покрыта черепицей, судя по найденнымъ въ срединѣ церкви, на глубинѣ одного метра, образчикамъ.

Внутреннее пространство церкви, безъ алтаря, около 310 кв. арш., ширина 15 $\frac{1}{2}$, арш.

Внутри церкви въ стѣнахъ множество голосниковъ, расположенныхъ горизонтальными рядами въ шахматномъ порядке, на расстояніи одинъ отъ другаго на 7 верш., горизонтальные же ряды отстоять одинъ отъ другаго на 8 верш.

Столбовъ въ храмѣ четыре; два изъ нихъ четырехгранной формы находятся у алтаря и отчасти поддерживаютъ его своды; другіе два, по срединѣ храма, цилиндрической формы. На цилиндрической части столба находится толстая плита съ срѣзанными углами, въ видѣ неправильно-сторонняго многогранника, на плиту опирается четырехгранныя часть столба, образующая пяту подпружныхъ арокъ. Диаметръ столбовъ 1 $\frac{3}{4}$, аршина; кладка изъ кирпича—„тычкомъ“. Стѣны были покрыты фресками, часть которыхъ, а именно два ангела, луна и солнце были случайно открыты въ 1870 годахъ.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ слѣдуетъ заклю-

чить, что Коложанскій храмъ построенъ не позже ХІІ столѣтія, а можетъ быть и раньше. Отъ ХІІІ столѣтія не осталось ничего въ строительномъ отношеніи, если не считать башни въ Каменецъ-Литовскомъ, близь города Берестя (Бреста), построенной Великомъ Княземъ Владіміромъ Васильковичемъ (1272—1283 годахъ Владіміръ Волынск.). Первая половина XIV вѣка счастливѣе въ этомъ отношеніи. Въ г. Вильнѣ воздвигнуто было многъ кирпичныхъ церквей, первою изъ нихъ была церковь Пятницкая. Изъ надписи на плитѣ, уцѣлѣвшей на стѣнѣ видно, что церковь построена въ 1345 году. По свидѣтельствѣ, пословъ отъ крестоносцевъ, прибывшихъ къ Ольгерду ву 1587 году, она была сходна съ другими русскими церьквами Киевскими и Новгородскими и имѣла палаты или хоры для помѣщенія женщинъ; въ то время она была придворною. Въ 1864 году отъ нея оставалась только одна стѣна. Способъ кладки Пятницкой церкви иной, нежели въ Коложанской, а именно: изъ одного только крупнаго кирпича, длиною каждый 9 верш., шириной $4\frac{1}{2}$ верш., а толщиной $1\frac{1}{2}$ верш., при толщинѣ швовъ въ $\frac{1}{3}$ верш. Планъ ея напоминаетъ планъ церкви св. Лазаря въ Новгородѣ.

Вторымъ каменнымъ храмомъ въ Вильнѣ былъ Успенскій соборъ, построенный въ 1348 году Ольгердомъ, былъ сооруженъ, по преданию, Киевскими мастерами по образцу св. Софіи Киевской. Храмъ этотъ былъ раскопанъ и восстановленъ въ 1864 году, причемъ оказалось, что планъ его представлялъ собою квадратъ 16 саж. 2 арш. въ сторонѣ съ тремя алтарями, выступающими на 4 саж.; внутри его, немного ближе къ алтарю, помѣщались четыре громадныхъ крестообразныхъ въ планѣ пилона, поддерживавшіе средній куполь. На юго-восточномъ углу зданія уцѣлѣла башня для хода на верхъ съ древними кирпичными узорами на фасадѣ.

Затѣмъ въ XIV вѣкѣ является новый видъ церквей. Храмы крѣпости: таковы, напр., Малосюжайновская церковь, которая представляетъ квадратъ въ планѣ, съ четырьмя пилонами по срединѣ и одной алтарной абсидой; по угламъ ея расположены четыре башни, по верху ея идетъ карнизъ съ бойницами, а входъ въ нее замыкался не только деревянными дверьми, но даже желѣзными дверными щитомъ, который опускался на цѣпяхъ. Толщина стѣнъ отъ 2 арш. 12 верш. до 3 арш. 8 верш.

Наконецъ къ началу того-же XIV вѣка (1503 г.) относится храмъ Супральского монастыря, основанного митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ съ помощью князей Ходкевичей. Стѣны этой церкви, за исключениемъ купола, гдѣ было видно изображеніе Иисуса Христа со славянскою надписью во кругъ, были заштука туры. Изображеніе Христа въ куполѣ прямо указываетъ на то, что стѣны храма были вѣкогда расписаны фресками и развѣдки предпринятыя докладчикомъ подтвердили справедливость этого предположенія; имъ было открыто нѣсколько фресокъ византійского стиля и, между прочимъ. Вознесеніе Господне дословно сходное съ такимъ же изображеніемъ на миніатюрѣ Гелатскаго евангелія, изданнаго недавно г Покровскимъ.

Кромѣ того въ соборѣ уцѣлѣлъ еще рядъ старинныхъ образовъ, писанныхъ на мѣдныхъ доскахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ до 3 аршинъ длины.

Что касается до щипцовъ на лицевомъ фасадѣ и вѣничанія башенъ въ церквяхъ-крѣпостяхъ, то все это позднѣйшія католическая передѣлки: одно древнее изображеніе показываетъ, что церкви эти имѣли по пяти куполовъ шлемообразной (не луковичной) формы, изъ коихъ одинъ былъ по срединѣ, а угловые—на башняхъ.

Въ заключеніе докладчикъ объяснилъ, почему, къ счастью, наши православныя церкви дошли до настѣ въ такомъ неизмѣнномъ видѣ, тогда какъ католическая недошли. Причиной этого является указъ, изданный въ XV вѣкѣ королемъ Казиміромъ Ягайловичемъ, воспрещавшій не только вновь строить, но даже поправлять и передѣлывать православные храмы безъ личнаго королевскаго разрѣшенія, а чтобы добиться этого разрѣшенія, надо было сперва уплатить канцлеру 200—300 червонцевъ, сумму не мыслимую для тогдашихъ бѣдныхъ православныхъ храмовъ съверо-западнаго края.

Послѣ г. Грязнова, А. А. Гатцукъ читалъ рефератъ: „Иконы св. Николая, Можайского типа“. Указавъ, что въ Россіи существуетъ два типа изображеній св. Николая епископа Миръ-ликийскаго: типъ византійскій (корсунскій)—изображающій святителя по поясъ, съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и съ благословляющею правой рукой и типъ, такъ называемый, можайскій, совершенно отличный отъ первого, референтъ выяснилъ отличитель-

ные черты послѣдняго типа. Можайскій типъ изображаетъ Святителя во весь ростъ, въ простой фелони, или подрясникѣ, съ немногими признаками святительского одѣянія. Въ лицѣ—ни малѣйшаго сходства съ корсунскимъ: борода клинообразная, волосы подстрижены въ скобку. Въ правой руцѣ Святителя мечъ, въ лѣвой храмъ. Выраженіе лица строгое, даже суровое. По мнѣнію референта, типъ этотъ есть произведеніе чисто русскаго творчества, безъ всякаго вліянія Византіи. Такое изображеніе св. Николая появилось въ средней Россіи, въ странѣ древнихъ Вятичей, въ XII—XIII вѣкахъ, т. е. во время проникновенія сюда христіанства, значительно послѣ мученической кончины здѣсь апостола Вятичей преподобнаго Кукши съ ученикомъ. Изображенія этого типа почти одновременно появились во многихъ мѣстахъ средней Россіи, а не въ одномъ Можайскѣ; название же „Можайскій“ усвоено этому типу потому лишь, что съ такими изображеніями въ Можайскѣ раньше ознакомилась Москва, къ которой Можайское княжество присоединилось въ 1303 году.

Почитаніе иконы Можайскаго типа особенно распространено около Москвы и, вообще, всюду, гдѣ живо еще чувствуются начала древней Московской Руси, въ основаніе которой легло именно племя Вятичей.

Говоря вообще о степени почитанія въ средней Россіи св. Николая, референтъ сообщилъ признаки обожанія его и сдѣлалъ предположеніе что типъ Можайскаго Николая есть простое перерожденіе главнаго древнаго божества Вятичей, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, но свойства котораго легко возстановляются изъ остатковъ древняго народнаго эпоса. Это, вѣроятно, былъ тотъ же Сварожичъ балтійскихъ славянъ, или Даждьбогъ русскихъ, или неизвѣстный Макошь.

До-христіанскій типъ этого образа легко возстановить (даже, вѣроятно, можно еще найти почти цѣликомъ сохранившійся), равно какъ и прослѣдить перерожденія его подъ вліяніемъ корсунскаго типа и требованій христіанства.

Иконы св. Николая Можайскаго типа до конца XVII вѣка были исключительно рѣзные изъ дерева, сначала *въ видѣ статуй*, потомъ въ видѣ высокихъ горельефовъ и простыхъ рельефовъ. Только съ XVIII вѣка начинаютъ появляться изображенія Можайскаго типа живописныя.

Рефератъ г. Гатцуха вызвалъ замѣчанія Н. Д. Квашнин-Самарина, Н. В. Покровскаго и А. И. Кирпичникова, которые указали референту на то, что его утверждения не находятъ достаточной опоры въ соотвѣтственныхъ историческихъ данныхъ, и что вообще вопросъ, поднятый референтомъ, не разработанъ имъ съ надлежащей полнотой.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съѣзда.

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Прав.

Г. III. № 20139

ІЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА ВЪ ЯРОСЛАВЛѦ.

№ 11.

I.

Протоколъ засѣданія, 16 августа утромъ, по VIII отдѣленію древностей восточныхъ—подъ предсѣдательствомъ А. Л. Смирнова за отсутствіемъ почетнаго предсѣдателя—академика И. В. Ягича.

A. A. Титовъ, прибывшій въ Ярославль на весьма короткое время, съ согласія предсѣдателя отдѣленія Н. И. Веселовскаго, прочелъ рефератъ: „О раскопкахъ кургановъ въ Ростовскомъ уѣздѣ въ маѣ 1887 года“, не вошедший въ программу засѣданія отдѣленія. Мѣстность, где производилась г. Титонымъ раскопка, находится около большихъ Любилковскихъ кургановъ, называемыхъ „Любилковскими городищами“, при дер. Колыновѣ, Перовской волости, въ 8 вер. отъ г. Петровска. Референтомъ было разрыто 4 кургана, изъ коихъ въ двухъ находились костяки. Изъ вѣщей были найдены черепки отъ горшковъ, ножикъ, кольце, привѣска, наконечникъ копья и пр.

A. B. Селивановъ доложилъ: „О раскопкахъ внутри текій Шахъ-Али-Хана и Авганъ-Мухаммѣдъ-Султана въ г. Касимовѣ и о реставраціи означенныхъ памятниковъ“. Сообщивъ кратко о всѣхъ сохранившихся въ г. Касимовѣ магометанскихъ памятникахъ древности и упомянувъ о капитальномъ изслѣдованіи академика Вельяминова-Зернова

о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, докладчикъ сдѣлъ подробное описаніе двухъ изъ этихъ памятниковъ: мавзолея Шахъ-Али-Хана, построеніе котораго относится къ 1555 году, и текіи Авгантъ-Мухаммедъ-Султана, построенной въ 1649 году. Въ первомъ изъ этихъ зданій находятся гробницы Касимовскаго царя Шахъ-Али-Хана и его семейства, а второе поставлено въ честь сына Ургенджскаго хана Арабъ-Мухаммеда, Авгантъ-Мухамедъ-Султана, прибывшаго въ 1622 году въ Москву и состоявшаго на службѣ у царя Михаила Феодоровича.

Перейдя, затѣмъ, къ вопросу о предпринятой въ настоящее время реставраціи означенныхъ памятниковъ, на что по Высочайшему повелѣнію ассигновано 1803 руб., докладчикъ познакомилъ Съездъ съ исторіей этого вопроса, возникшаго по ходатайству мѣстнаго Ахуна Касимовской соборной мечети Девлекамова въ 1883 году и при участіи Рязанской Ученой Архивной Комиссіи.

Въ заключеніе своего реферата, докладчикъ сообщилъ о произведенныхъ имъ внутри текій Авгана и Шахъ-Алі раскопкахъ, которыя привели къ интереснымъ открытиямъ, а именно—въ первой изъ этихъ текій были найдены три надгробныхъ камня, покрытыкъ красивыми арабесками и надписями на татарскомъ языке. Эти надписи, прочитанныя профессоромъ Московскаго Университета Ф. Е. Коршемъ, бросаютъ свѣтъ на генеологію лицъ, погребенныхъ внутри текіи и сообщаютъ интересные указанія о времени построенія памятниковъ и стойности ихъ. Что же касается текіи Шахъ-Али-Хана, то при раскопкахъ въ подвальномъ помѣщеніи ея найдены были кости, сложенные въ одну яму, и значительное количество уцѣлѣвшихъ лоскутовъ разного рода тканей.

A. M. Паслиновъ, представивъ свои соображенія относительно реставраціи обоихъ памятниковъ, лично имъ виденныхъ года 4 тому назадъ, замѣтилъ, что эти татарскія постройки имѣютъ типъ русскій и напоминаютъ нижнюю часть церкви Николая Чудотворца въ Столпахъ.

H. И. Веселовскій, указавъ не то, что по тѣсной связи Россіи съ востокомъ нѣкоторые изъ восточныхъ памятниковъ дороги намъ также, какъ свои родные, напоминая печальное, но благополучно пережитое время татаршины, выразилъ мысль о необходимости сохранить для потомства немногіе оставшіеся татарскіе памятники,

какъ, наприм., Касимовскіе. Лица, подавшія пригѣръ этой заботливости, какъ А. В. Селивановъ, заслуживаютъ признательности. По мнѣнію Н. И. Веселовскаго, эти по-слѣдніе памятники имѣютъ особенное значеніе потому, что Касимовское царство является результатомъ мудрой политики Московскихъ царей, основавшихъ удѣльное татарское царство, чтобы привлечь къ себѣ на службу татарскихъ выходцевъ. Послѣдніе, отдѣленные отъ центра мусульманского фанатизма, принимали даже христіанство. И многіе, очень многіе изъ нашихъ вельможъ и бояръ прошли черезъ Касимовъ.

Въ заключеніе Н. И. Веселовскій предложилъ при реставраціи обоихъ памятниковъ оставить уцѣлѣвшую облицовку и не замѣнять недостающіе кирпичи новыми.

И. А. Износкоевъ предложилъ докладъ: „О болгарскихъ раскопкахъ“. Сообщивъ, что о развалинахъ, находящихся близъ с. Болгаръ, Казанской губерніи, докладывалось уже на 1-мъ Археологическомъ Съездѣ, при разсмотрѣніи вопроса о сохраненіи памятниковъ древности въ Россіи, референтъ замѣтилъ, что подробное историческое описание ихъ находится въ сочиненіи С. М. Шпилевскаго „Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“ и въ Трудахъ IV Археологическаго Съезда. На этомъ Съездѣ былъ выработанъ проектъ ходатайства о мѣрахъ къ сохраненію развалинъ и по ходатайству Съезда наиболѣе сохранившіяся развалины переданы въ 1880 году Казанскому Обществу Археологии, Исторіи и Этнографіи, причемъ на Общество возложено охраненіе ихъ. Остальные развалины, существовавшія еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, были вполнѣ разрушены мѣстными крестьянами и искателями кладовъ. Осенью прошедшаго года въ мѣстахъ, где находились эти развалины, производились раскопки г. Раsterиевъ. Узнавъ объ этихъ раскопкахъ, Казанское Общество въ нынѣшнемъ году поручило одному изъ своихъ членовъ вести наблюденіе за производимыми раскопками. Подъ руководствомъ этого члена Общества архитекторомъ Ващукомъ (довѣреннымъ г. Раsterиева) расчищенъ былъ сохранившійся отъ одного изъ разрушенного памятника „Бѣлой Палаты“ фундаментъ и подъ каменнымъ поломъ были обнаружены тѣ параллельные каналы, о которыхъ въ своемъ описаніи этой Палаты упоминаетъ Эрдманъ. Референтомъ, вѣдь

съ членомъ Казанского Общества Археологии, Истории и Этнографии Н. А. Толмачевымъ, раскопка этого памятника была подробно разсмотрѣна, причемъ г. Толмачевымъ сняты надписи съ надгробныхъ камней, заложенныхъ въ стѣнахъ и найденныхъ въ проходахъ. Раскопка Палаты производилась по заявлению референта весьма тщательно и по окончанію ея были сдѣланы фотографические снимки и начертанъ планъ руководившимъ раскопкою членомъ Общества г. Казариновымъ.

Затѣмъ референтъ демонстрировалъ планъ раскопки, фотографические снимки съ нея и остальныхъ болгарскихъ развалинъ.

Проф. Н. И. Толмачевъ заявилъ, что онъ, при посѣщеніи села Болгаръ, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи, 15 июня текущаго года, совмѣстно съ И. А. Извинскимъ нашелъ 18 обломковъ надгробныхъ камней съ остатками письменъ арабскими буквами и 2 обломка камней, принадлежавшихъ, повидимому, карнизамъ зданія, также съ арабскими письменами. Референтъ снялъ съ нихъ сперва снимки типографскимъ способомъ, а затѣмъ, воспроизвелъ посредствомъ фотографіи и передалъ для прочтенія и перевода профессору И. О. Готвальду; тѣ и другие снимки были референтомъ демонстрированы.

Секретарь Съѣзда В. К. Трутовскій доложилъ краткое дополненіе къ реферату Н. А. Толмачева, присланное бывшимъ ординарнымъ профессоромъ Казанского Университета, извѣстнымъ арабистомъ И. О. Готвальдомъ. Указавъ на важное значение татарскихъ надписей на камняхъ и каменныхъ плитахъ изъ Болгаръ, И. О. Готвальдъ обратилъ вниманіе гг. членовъ Съѣзда на крайне неутомимую и плодотворную дѣятельность Н. А. Толмачева, результатомъ которой явились совершенно новыя и неизданныя надписи, доселѣ неизвѣстныя ученымъ, занимавшимся этимъ вопросомъ. Несмотря на трудность собирания этихъ данныхъ, осложненныхъ еще невѣжествомъ вирада и стихийными явленіями, уничтожающими эти рѣдкіе памятники, Н. А. Толмачеву удалось собрать изъ-сколько памятниковъ, снять съ нихъ копіи и представить на усмотрѣніе гг. членовъ Съѣзда. Въ своемъ краткомъ сообщеніи г. Готвальдъ даетъ копію съ надписей и переводъ ихъ, съ которымъ г. Трутовскій и познакомилъ вѣрагрѣцѣ слушателей. Кроме выражений изъ Корана, свой-

ственныхъ всемъ мусульманскимъ могильнымъ памятникамъ, и въ этихъ надписяхъ встречаются еще обозначение званія умершаго и даты. Къ сожалѣнію, эти послѣднія очень не полны.

И. И. Ващукъ въ дополненіе къ реферату И. А. Извинского, сообщилъ о размѣрахъ подвального этажа разрушенаго зданія и высказалъ противъ мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, что это зданіе есть баня. По мнѣнію И. И. Ващука тепловые проводы средней части можно отнести къ XIII или XIV вѣкамъ, пристройки же съ сѣверной и южной стороны не раньше XVI вѣка. Въ средней комнатѣ, въ формѣ креста, И. И. Ващукомъ найдены были черепъ, заложенный въ стѣнѣ на 1 арш. высоты отъ пола и прикрытый четырехугольной плиточкой; вѣроятно онъ принадлежитъ лицу, погибшему насильственной смертію, такъ какъ на черепѣ есть 2 трещины.

С. М. Шпилевскій указалъ на важное значение открытыхъ Н. А. Толмачевымъ надписей, какъ единственныхъ письменныхъ памятниковъ знаменитаго Болгарского царства. Въ нихъ къ отрывкамъ изъ Корана присоединяется хронологическая дата, которая, по объясненію Клапрота, читается 623 и соответствуетъ 1216 году по Р. Х., но въ настоящее время, по объясненію одного муллы эта дата читается иначе (джити юзъ), т. е. 700 и означаетъ 1301 годъ по Р. Х. По мнѣнію С. М. Шпилевского чувашско-туркское выражение „джити юзъ“ есть единственный памятникъ письменности Болгаръ, причемъ онъ сослался на мнѣніе известнаго знатока тюркскихъ нарѣчій Н. И. Ильминскаго, что эти два слова показываютъ, что болгары говорили на языке, представлявшемъ переходную ступень отъ финского нарѣчія къ тюркскому. Указавъ затѣмъ, что на эти два слова обращали вниманіе и западные писатели (наприм. Ванбери), С. М. Шпилевскій сообщилъ, что ему удалось открыть что въ 1301 году была моровая язва, чѣмъ и объясняется множество смертей, о которыхъ свидѣтельствуютъ надписи.

Ѳ. Ѳ. Чекалинъ, по поводу реферата Н. А. Толмачева, сообщилъ о существованіи одного изъ древнихъ болгарскихъ городищъ, находящагося въ Сызранскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи. Узнавъ о немъ изъ географического словаря Семенова, Ѳ. Ѳ. Чекалинъ поручилъ

сдѣлать описание его одному мѣстному учителю; изъ описанія видно, что стѣнъ въ городищѣ нѣть, но фундаментъ сохранился.

M. B. Никольский доложилъ Съезду обозрѣніе и отзывыъ о сдѣланныхъ въ недавнее время открытияхъ французского консула въ Багдадѣ де Сарзека въ Телло, на мѣстѣ древней Халдеи, причемъ демонстрировалъ снимки найденныхъ памятниковъ, заключающіеся въ 3-хъ вышедшихъ въ свѣтъ выпускахъ французского изданія *Decouvertes en Chaldee par Ernest de Sarzec*. Описавъ подробно остатки найденного г. де Сарзекомъ зданія, составляющаго дворецъ *патеси* или намѣстника города *Сирпурлы* по имени Гудса, референтъ остановился на вопросѣ о городѣ, заключавшемъ найденные развалины, и о времени, когда жилъ Гудса, причемъ выразилъ мнѣніе, что найденный г. де Сарзекомъ городъ былъ не *Сирпурла*, а другой упоминаемый въ надписяхъ, именно *Гирсу*, эпоху же его можно отнести къ 4-му тысячелѣтію до Р. Х.

Затѣмъ референтъ перешелъ къ произведеніямъ пластики и многочисленнымъ надписямъ, открытыхъ де Сарзекомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ не менѣе чѣмъ на тысяче лѣтіе древнѣѣ эпохи Гудса, судя по состоянію искусства и письменъ надписей; другія представляютъ переходную стадію къ эпохѣ Гудса. Послѣдняя представлена главнымъ образомъ 9 діоритовыми статуями бѣзъ головъ и двумя отбитыми головами, принадлежавшими этимъ статуямъ; по мнѣнію референта, искусство находится здѣсь на такой высотѣ, до которой оно никогда не достигало ни въ Халдеи, ни въ Ассирии Далѣе, референтъ охарактеризовалъ надписи, представилъ транскрипціи и переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и указалъ на то значеніе, какое они имѣютъ для исторіи языка и литературы Халдеевъ.

Въ заключеніе референтъ коснулся вопроса о томъ, къ какой народности принадлежать тѣ халдеи, которые представлены настоящими памятниками. Изложивъ коротко нынѣшнее положеніе вопроса о языкахъ древнихъ халдеевъ, онъ выразилъ свое мнѣніе, что древнѣйшіе изъ этихъ памятниковъ написаны на несемитскомъ языкѣ, такъ называемомъ сумеро-аккадійскомъ. Но послѣдній не принадлежитъ къ урало-алтайскимъ, къ семейству которыхъ его относили, а слѣдовательно и самый народъ халдеевъ нѣть оснований относить къ урало-алтайскимъ. Объ

этомъ свидѣтельствуютъ, по словамъ г. Никольского, кромѣ языка и изображенія ихъ на произведеніяхъ искусства, которыя представляютъ типы, не имѣющіе никакихъ характеристическихъ чертъ туранской расы. Точное решеніе этого вопроса, по мнѣнію референта, принадлежитъ будущему.

Н. А. Толмачевъ представилъ алфавитный списокъ именъ некрещеныхъ чувашъ, составленный по ревизскимъ сказкамъ нѣкоторыхъ селеній Казанской губерніи конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ. По его мнѣнію, напечатаніе списка является достаточнымъ для выясненія какъ этнографическихъ особенностей чувашъ, такъ и мѣста, которое послѣдніе занимали среди народностей древняго болгарскаго царства.

II.

Протоколъ засѣданія 16 августа вечеромъ, по отдѣленію первобытныхъ древностей, подъ предсѣдательствомъ проф. А. А. Кочубинскаго.

Д. Н. Анучинъ представилъ нѣсколько замѣчаній объ устроенной при Съездѣ выставкѣ. Упомянувъ о коллекціяхъ книгъ и рисунковъ, референтъ обратилъ особенное вниманіе Съезду на коллекцію фотографическихъ снимковъ съ тверскихъ древностей, представленную А. К. Жазневскимъ, устроителемъ Тверскаго Музея и неутомимымъ исследователемъ мѣстной старины, и на коллекцію фотографій И. О. Барщевскаго, заключающую въ себѣ около 1500 снимковъ съ памятниковъ древности въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, и предложилъ Съезду выразить этимъ лицамъ искреннюю благодарность за ихъ труды на пользу русской археологии. (Громкія рукоплесканія). Затѣмъ референтъ перешелъ къ обзору коллекцій по доисторической археологіи, не касаясь тѣхъ, которыя уже были предметомъ рефератовъ и тѣхъ, которыя были собраны для Съезда Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Прежде всего референтъ остановился на коллекціяхъ, доставленныхъ Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, и именно на коллекціяхъ, собранныхъ г. Лыжинымъ (курганы Московскаго уѣзда), г. Горбачевымъ (курганы Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи), г. Нефедовымъ (кур-

таны Владими́рской губерніи, Муромскаго и др. уѣзда, издѣлья каменного вѣка Ветлужскаго уѣзда, Костромской губерніи, и курганы Тургайской области), и Гондатти (старинныя могилы ногуловъ Тобольской губерніи) и др. Даље г. Анучинъ указа́лъ на коллекцію графа А. С. Уварова (курганы Муромскаго уѣзда, Владими́рской губерніи и Касимовскаго уѣзда, Рязанской губерніи), на коллекцію г. Теплоухова (чудскія древности Пермской губерніи) и остановился подробнѣ на коллекціи г. Мазараки (предметы изъ скиескихъ кургановъ Полтавской губерніи, Роменскаго уѣзда, по пр. Суль и Ромнѣ), причемъ указа́лъ на нѣкоторыя черты сходства съ сибирскими чудскими издѣльями (изображенія горного козла, барса и т. д.). Въ заключеніе референтъ сообщи́лъ о коллекціяхъ, доставленныхъ г. Адріановымъ изъ древнаго городища близъ г. Томска и изъ Минусинскаго края, представилъ рисунки многихъ предметовъ и указа́лъ особенно на любопытныя гипсовые, раскрашенныя маски изъ одного Минусинскаго кургана.

Рефератъ г. Анучина выявалъ нѣсколько замѣчаній со стороны А. В. Селиванова, В. З. Завитневича и князя П. А. Путятинна.

Я. А. Ушаковъ сообщилъ о произведенныхъ имъ близъ г. Мышкина, въ концѣ іюля сего года, раскопкахъ кургановъ (до 50), случайно открытыхъ въ дачѣ села Криквичъ, принадлежащей А. Д. Кожину. Всѣ курганы составляютъ четыре группы, расположенные на одной квадратной верстѣ. Ихъ вещи найдены въ курганахъ слѣдующія: ножики, топорики, горшки, гвозди, бусы, кольца, браслеты, изображенія птицъ и разныя другія мѣдные уврашенія. По способу погребенія и по найденнымъ предметамъ курганы эти отнесены референтомъ къ X или XI вѣку.

А. С. Гацискій доложи́лъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ на р. Сити съ цѣлью определенія мѣста битвы 4 марта 1238 года. Прежде, однако, чѣмъ приступить къ главному предмету своего сообщенія, референтъ вкратцѣ доложи́лъ о раскопанномъ имъ, въ маѣ мѣсяцѣ, Колычовскомъ городищѣ на р. Сундовикѣ Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи; раскопка эта была произведена, по желанію предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой, и показала, что Колычовский холмъ на $\frac{2}{3}$ геологического происхожденія, а

затѣмъ насыпанъ рукою человѣческою и долженъ быть, по своему содержимому, причислѣнъ не къ курганамъ, а къ городищамъ. Обращаясь къ изложенію результатовъ поѣздки своей на р. Сить, предпринятой на счетъ Археологического Съѣзда, въ теченіе іюля мѣсяца, референтъ сначала представилъ вѣшній очеркъ своей поѣздки, съ упоминаніемъ важнѣйшихъ ея моментовъ и съ детальными, гдѣ это требовалось, географическими и топографическими указаніями. Курганныя раскопки, произведенныя референтомъ по р. Сити до линіи встрѣчи съ раскопками 1876 года профессора Л. К. Ивановскаго, у д. Лопатиной, противъ с. Краснаго, доказываютъ, что въ ситскихъ курганахъ нѣть никакихъ слѣдовъ боевыхъ событій 1238 года, что они принадлежать къ числу кургановъ національныхъ, съ признаками, въ нѣкоторыхъ, трупосожженія. Никакихъ вещественныхъ, а тѣмъ болѣе письменныхъ, документальныхъ данныхъ о мѣстѣ битвы великаго князя Георгія Всеволодовича съ татарами референтъ не нашелъ, да и найти не надѣялся, такъ какъ найти ихъ невозможно, и не смотря на это, онъ вынесъ полную увѣренность, что мѣсто этой битвы должно быть пріурочено именно къ окрестностямъ села Боженки нынѣшняго Кашинскаго уѣзда, Тверской губерніи. Увѣренность эту референтъ черпаетъ, главнымъ образомъ, изъ слѣдующаго. Еще до сихъ поръ находять здѣсь боевые и бытовые остатки XIII вѣка, въ видѣ кольчугъ, шлемовъ, стрѣль, крестиковъ, монетъ (попадаются при раскопкѣ полей и вымываются въ берегахъ р. Сити предметы и другихъ эпохъ, но они принадлежать преимущественно и несомнѣнно временамъ Смуты, когда, какъ известно, бродили въ предѣлахъ Кашина, Бѣжецка многочисленныя шайки разбушевавшихся элементовъ); если до сихъ поръ находять эти остатки XIII вѣка, если, по увѣреніямъ старожиловъ, находили ихъ въ несравненно большемъ количествѣ и разнообразіи лѣтъ 40—50 тому назадъ, то можно себѣ представить число ихъ 100, 300, наконецъ 648 лѣтъ тому назадъ. Откуда они могли попасть сюда, если не отъ битвы 4 марта? Кромѣ того народъ положительно указывалъ на село Боженку, какъ на мѣсто битвы и не только народъ въ Боженкѣ, но и во всѣхъ ближайшихъ и отдаленныхъ отъ нея окрестностей, всѣ въ одинъ голосъ указываютъ на Боженки, нигдѣ не

присвоивается слава Боженки. Рассказывают не только о главныхъ моментахъ битвы, пускаются въ подробностия; указываютъ не только на мѣсто битвы вообще, показываютъ мѣсто погибели Георгія Всеволодовича, мѣсто, гдѣ трупъ его найденъ былъ впослѣдствіи, и именно—у Сидоровскаго ручья. Почему именно Сидоровскаго, а не другого—Воловика, Попова, Глубоконькаго, Тѣбовца и др. (ихъ всего 10 въ районѣ Сидоровскаго ручья, на протяженіи 4—5 верстъ)? Очевидно потому, что событие было слишкомъ крупно, и потому память народная его такъ хорошо сохранила. Этой-то народной памяти мы и не имѣемъ никакихъ основаній, никакого права не довѣрять. Въ заключеніе референтъ добавилъ, что считаетъ себя счастливымъ, выполнивши, такъ сказать, завѣщаюше покойнаго графа А. С. Уварова, рѣшившаго командировку на Сити еще въ 1869 году. Командировка эта не могла тогда состояться за болѣзнью также покойнаго извѣстнаго Владимірскаго археолога К. Н. Тихонравова.

Референту возражалъ Х. П Ящуржинскій, находившій опаснымъ довѣряться памяти народной, иначе пришлось бы, по словамъ оппонента, вѣрить въ мѣсто пребыванія Змѣя Горынича и т. п.

Предсѣдатель Съезда И. Е. Забѣлинъ поддерживалъ доводы референта, указыван на самое название села Боженки; боженкой, какъ извѣстно, въ древности называлась часовня надъ мѣстомъ упокоенія усопшихъ.

А. С. Гацкій подтвердилъ замѣчаніе И. Е. Забѣлины тѣмъ, что и народъ на Сити такъ же объяснялъ происхожденіе названія села Боженки. Что же касается возраженія Х. П. Ящуржинскаго, то референтъ и не настаивалъ на достовѣрности всякихъ народныхъ преданій (тогда пришлось бы вѣрить въ существованіе Кіевскихъ вѣдѣмъ, существующихъ на помелахъ), но указалъ на то, что, если же память народная разсказываетъ намъ о событияхъ совершенно согласно съ лѣтописными извѣстіями, и никакъ не оспаривается (битва 4 марта происходила на берегахъ р. Сити¹), то иѣть никакого основанія не довѣрять этому.

А. Ф. Селивановъ прочелъ отчетъ о произведенныхъ имъ, по порученію Ярославскаго Предварительного Комитета VII Археологическаго Съезда, изслѣдованіяхъ городищъ въ Кокшеньги Тотемскаго уѣзда, Вологод-

ской губерніи, и кургановъ въ имѣніи инженера Н. Ф. Грунера въ Даниловскомъ уѣздѣ. Въ Кокшеньги г. Селивановыемъ изслѣдовано 4 укрѣпленныхъ городка, находящихся въ разныхъ мѣстахъ. При изслѣдованіи найдены остатки жилищъ, какъ-то: срубы, кирпичъ и т. д. Въ одномъ изъ городковъ крестьяне нашли вещи бронзоваго вѣка, монеты и оружіе. Г. Селивановъ указалъ на обиліе укрѣпленныхъ городковъ въ Вологодской губерніи и на важность ихъ изслѣдованія. О каждомъ городкѣ г. Селивановыемъ собраны преданія, сохранившіяся въ памяти народа. Въ Даниловскомъ уѣздѣ референтомъ, въ имѣніи Н. Ф. Грунера, найдено 47 кургановъ. Раэрто было 4 кургана и, кромѣ костяковъ, другихъ вещей не найдено. Около этихъ кургановъ найдена крестьяниномъ старинная сѣкира, представленная г. Селивановыемъ на выставку Съезда.

Н. А. Толмачевъ прочелъ рефератъ: „О посѣщеніи Ананьевского могильника въ 1879 году“. Сообщивъ объ осмотрѣ въ іюль 1879 года Ананьевского могильника и о пріобрѣтеніи нѣсколькихъ добытыхъ изъ него древнихъ вещей, референтъ демонстрировалъ рисунки нѣкоторыхъ изъ пріобрѣтенныхъ имъ вещей. Въ ряду обстоятельствъ, могущихъ характеризовать погребенныхъ въ некрополѣ людей, референтъ приводилъ: 1) нахожденіе при остаткахъ ихъ оружія; 2) признаки трупосожженія; 3) нахожденіе, кромѣ оружія изъ желѣза, еще и каменныхъ стрѣлъ, а также бронзовыхъ вещей. Первое изъ обстоятельствъ ведеть къ предположенію о принадлежности части погребенныхъ къ военному сословію; второе—къ заключенію, что обитаніе въ Прикамье людей, остатки которыхъ похоронены въ некрополѣ, должно быть относимо ко времени, предшествовавшему введенію въ краѣ какъ христіанства, такъ и мусульманства; а третье обстоятельство заставляѣтъ отнести это обитаніе къ первой половинѣ желѣзного вѣка Прикамья. Лицъ погребенныхъ надобно на основаніи сказанного съ значительной долею вѣроятности причислять къ представителямъ котораго-либо изъ народовъ, властивавшихъ наѣмъ мѣстными дикими аборигенами во время прохожденія по Прикамью съ востока или запада. Дѣлая попытку поименовать для примѣра такие народы, референтъ обращалъ вниманіе слушателей на мадьяръ, скандинавовъ, болгаръ, хазаръ, яссовъ (осетинъ), гунновъ и другихъ, а также на народы, проходившіе чрезъ

Прикамье изъ глубины Азіи во время такъ называемаго великаго переселенія. Говоря о мадьярахъ, референтъ приводилъ показаніе историковъ, утверждавшихъ, что онишли въ мѣста нынѣшняго обитанія отъ уральскихъ горъ чрезъ Суздаль, и что, слѣдовательно, путь ихъ могъ лежать чрезъ Прикамье. Въ предѣлахъ Казанской губерніи существуютъ селенія съ названіями Мадьяры, Чалли и названіемъ, кончающимся на „варъ“. Название Мадьяры есть самое имя народа, о которомъ идетъ рѣчь. Название Чалли доселѣ не объяснено изъ мѣстныхъ языковъ, но ему аналогичныя названія встрѣчаются въ Венгрии. Слово „варъ“ по венгерски означаетъ тоже, что по нѣмецки „Burg“ и есть въ Венгрии городъ „Темешваръ“. Филологамъ предстоить заняться обсужденіемъ вопроса, могутъ ли приведенные обстоятельства быть приняты за слѣды, оставленные въ Казанской губерніи предполагаемымъ прохожденiemъ по Прикамью мадьяръ въ доисторическія времена. Говоря о скандинавахъ, референтъ указалъ на то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ названій поселеній въ Россіи могутъ быть объясняемы изъ корней скандинавскихъ языковъ; напримѣръ, „Тверь“ по датски—„поперечный“, „Москва“, или „Москаль“—„мшистый“ и пр. Если бы приведенное было подтверждено филологами-специалистами, то могло бы быть приведено, въ пользу гипотезы, что въ нѣкоторыя мѣстности теперешней Россіи, до переселенія въ нее славянъ, въ доисторическія времена приходили скандинавы и основывали поселенія для властнованія надъ обитавшими въ ней финнами. Если будетъ допущено, что скандинавскія женщины въ первой половинѣ желѣзного вѣка могли проникнуть до Суздаля, то нельзя считать невозможнымъ постановку и такого предположенія, что тѣ же скандинавы могли проникнуть для времененнаго господствованія надъ туземцами и въ Прикамье. Окончательное решеніе вопроса о национальности лицъ, погребенныхъ въ Ананьевскомъ могильнике, принадлежитъ, конечно, къ числу вопросовъ наиболѣе труднѣйшихъ въ области археологии, и если разрешеніе его было бы возможнымъ когда-либо, то развѣ только путемъ сличенія найденныхъ въ могильникахъ вещей съ подобными вещами другихъ странъ, особенно найденныхъ въ курганахъ Скандинавии, Венгрии, Осетиніи, Алтая и д., и путемъ изученія извлеченныхъ изъ могильника

скелетовъ человѣческихъ, особенно череповъ. Такъ какъ изученіе подобное доселѣ было производимо не полно и требуются новые находки, то референтъ заключилъ до-кладъ пожеланіемъ, чтобы были приняты мѣры къ охраненію кургановъ Ананьинскихъ отъ расхищенія для того, чтобы послѣдніе, можетъ быть, еще кроющіеся въ немъ человѣческие скелеты, были извлечены людьми, вполнѣ зна-комыми съ задачами и методами подобныхъ изслѣдованій.

Печатано съ разрешенія Предсѣдателя VII Археологического
Съза.

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Правл.

Г.И. Страна

ІЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪВІДДЯ ВЪ ЯРОСЛАВЛѦ.

№ 11.

I.

Протоколь засѣданія, 17 августа утромъ, по III отдѣленію русскихъ памятниковъ художествъ, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Никитина.

Первый рефератъ подъ заглавиемъ: „Храмъ въ Кальдахварѣ“ былъ прочитанъ на этомъ засѣданіи почетнымъ предсѣдателемъ *Н. В. Никитинымъ*. Въ прошедшемъ году, по ініціативѣ графини П. С Уваровой, началъ свое соображеніе г. Никитинъ,-Императорское Московское Археологическое Общество назначило экспедицію на восточный берегъ Чернаго моря для изслѣдованія древнихъ памятниковъ края. Въ этой экспедиціи принималъ участіе и референтъ, по изслѣдованію архитектурныхъ памятниковъ. Экспедиція прошла часть берега отъ Новороссійска до Кадора, поднимаясь въ горы по рѣкамъ и ущельямъ. Подъ непосредственнымъ руководствомъ Предсѣдателя Императорского Московского Археологического Общества графини П. С. Уваровой экспедицію изслѣдовано 30 памятниковъ, преимущественно церквей, принадлежащихъ ко времени отъ V до X вѣка, и нѣсколько замковъ и древнихъ крѣпостей.

Кальдахварскій храмъ, принадлежащий къ типичнымъ постройкамъ Абхазіи, находится на правомъ берегу Бзыби,

въ 15 верстахъ отъ ея устья. Храмъ этотъ принадлежитъ къ купольнымъ церквамъ съ тремя выступающими абсидами; въ немъ уцѣлѣли стѣны до карниза, своды алтаря и ризницы, пяты арокъ и остальныхъ сводовъ. Кладка его отличается правильностю и тщательностю, всѣ углы прямые, постели горизонтальная, на помостѣ храма, между прочимъ, лежать огромные куски сферической кладки, которые могутъ принадлежать ничему другому, какъ парусамъ, поддерживавшимъ куполъ; въ нихъ видны слѣды задѣланныхъ некрупныхъ амфоръ. Существование купола подтверждается примѣрами въ другихъ церквяхъ Абхазіи и рельефомъ найденныхъ въ одной изъ церквей Цебельды. Кальдахварскій храмъ сохранился болѣе чѣмъ другіе горные храмы, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр., въ Учъ-Яре, лежать нынѣ на землѣ въ крупныхъ кускахъ стѣнъ. Разрушеніе храмовъ слѣдуетъ приписать землетрясеніямъ. Остатки ихъ сохранились туземцами какъ святыня, теперь-же, по словамъ референта, при населеніи Кавказа различными инородцами, началось уничтоженіе этихъ древнѣйшихъ у настъ памятниковъ. Камни разбираются на постройку домовъ и хижинъ, а тѣ изъ нихъ, которые возобновляются для богослуженія, теряютъ при этомъ свой древній характеръ: возобновители, желая привести ихъ въ порядокъ, передѣлываютъ ихъ по современнымъ понятіямъ, искажаютъ ихъ древнія формы, а каменные престолы и иконостасы замѣняютъ деревянными. По мнѣнію Н. В. Никитина недостаточно записать существующій памятникъ и снять видъ его остатковъ, но слѣдуетъ, кромѣ того, сдѣлать его реставрацію, которая могла бы служить руководствомъ при возобновленіи остальныхъ памятниковъ церковнаго зодчества нынѣ изслѣдованныго экспедиціею края.

A. M. Павлиновъ сдѣлалъ сообщеніе „О Ростовскихъ церквяхъ“. Говоря о Ростовскихъ церквяхъ, референтъ указалъ на связь церковныхъ сооруженій этого города съ военными, какъ на особенность Ростовскихъ построекъ. Эта связь рождаетъ совершенно особую комбинацію массъ, примѣромъ которой могутъ служить церкви Иоанна Богослова и постройки въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Всѣ церкви такого типа обыкновенно стоять на воротахъ; съ главнаго фасада, по сторонамъ воротъ, стоять военные башни, которыми и оканчиваются кремлевскія стѣны. Подъ воротами между башнями обыкновенно идетъ гал-

лерея, состоящая изъ ряда оконъ или аркадъ. Оконные перемычки дѣлаются одноцентровыми и трехцентровыми. Галлерей всегда имѣеть съ внутренней стороны входную наружную лѣстницу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить и входомъ въ самую церковь. Церковь имѣеть массу кубического типа и, возвышаясь между высокими башнями, царить надъ всѣмъ сооруженiemъ, вѣнчаясь пятью главами. Далѣе референтъ указалъ на произведенное имъ изслѣдованіе чердаковъ церквей Иоанна Богослова и Воскресенія, а также и чердаковъ Ростовскаго Успенскаго собора. Изслѣдованіе это, произведенное самимъ референтомъ съ гг. В. В. Сусловымъ и Н. В. Никитинымъ, обнаружило, что покрытие этихъ церквей первоначально было по сводамъ съ заостреннымъ подвышеніемъ (со щипцомъ) и что въ настоящее время крыша поднята и подъ ней на главахъ видны древнія украшенія. Вслѣдствіе поднятія, крыши главы съ фасада укоротились и пропорціи нарушились, а отъ этого явилась потребность удлинить главы. Это удлиненіе главъ, какъ показываютъ верхнія тяги главъ, вѣроятно и сдѣлано въ то время, когда была устроена эта новая желѣзная крыша—много лѣтъ тому назадъ.

Далѣе референтъ, перейдя къ Ростовскому собору, который обыкновенно относятъ къ XIII вѣку, выразилъ сомнѣніе въ такой его древности и въ справедливости того преданія, что онъ построенъ по типу Владимира-Суздальскаго Собора, и для доказательства своего мнѣнія привезъ слѣдующія параллели:

1) Древнія церкви обыкновенно отличаются сравнительно малыми размѣрами, Ростовскій же соборъ напротивъ великъ по размѣрамъ;

2) Владимиро-Суздальскія церкви имѣютъ въ западной части каменные хоры, а въ Ростовскомъ соборѣ подобныхъ хоръ нѣтъ;

3) Ростовскій соборъ не имѣеть тѣхъ украшеній, которыми такъ богаты почти всѣ Владимиро-Суздальскія церкви, и, наконецъ,

4) Детали собора и покрытие его совершенно тождественны съ другими церквами Ростовскаго кремля, постройка коихъ относится не ранѣе XVII вѣка.

Далѣе референтъ указалъ на имѣющіяся въ стѣнахъ многихъ церквей Ростовскаго кремля особаго рода вруглые отверстія для голоса. Эти отверстія соединяются съ

довольно просторными помѣщеніями внутри стѣнъ, перекрытыми коробовыми сводами. Эти столь своеобразныя отверстія, цѣль устройства которыхъ состояла въ усиленіи голоса, референтъ называлъ резонаторами чтобы отличить ихъ отъ обыкновеннымъ голосниковъ кувшинчатой формы.

Въ дополненіе къ реферату г. Павлинова академикъ В. В. Сусловъ далъ нѣкоторыя объясненія относительно устройства чердака и покрытія церкви Спаса на сѣняхъ въ Ростовскомъ кремлѣ.

На основаніи очертанія сводовъ и нѣкоторыхъ остатковъ особенностей покрытія послѣднихъ на чердакѣ Спасской церкви, В. В. Суловъ пришелъ къ выводу, что вмѣсто существующей нынѣ четырехскатной крыши въ прежнія времена существовало на Спасской церкви покрытіе по-арочное. При этомъ покрытіи съ угловъ крыша шла по полудугамъ, а надъ средней частью, отвѣчая внутреннимъ располнубкамъ, по полуокругамъ въ видѣ креста. Фасадъ каждой стороны церкви представлялся трехломастной аркой съ 4-мя пилистрами. Церкви такого типа, хотя и не сохранились, но, тѣмъ не менѣе, существованіе ихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ подтверждается нѣкоторыми указаніями въ древнихъ рукописяхъ (житіе Зосима и Савватія, митрополита Алексія и др.) и существующими понынѣ остатками древнихъ храмовъ. Такое покрытіе ясно показано на образѣ св. Трифона въ церкви во имя этого святого въ Москвѣ. Кроме того верхнія очертанія стѣнъ церкви св. Трифона ясно показываютъ и теперь, что покрытіе ея было по трех-лопастнымъ аркамъ.

Далѣе г. Суловъ указалъ на другіе слѣды такихъ покрытій въ предылахъ соборовъ Никитского монастыря въ г. Переяславлѣ Залѣскомъ и Савво-Звенигородскаго Московской губерніи. Подобное покрытіе церквей, какъ сообщилъ референтъ, перешло даже на утварь (сіонъ въ патріаршій ризницѣ въ Москвѣ). Первоначальная формы указанныхъ покрытій встречаются въ Новгородско-Псковской архитектурѣ (церковь Успенія на Волотовомъ полѣ). Въ XVI же и XVII столѣтіяхъ эти покрытія только усложняются, т. е. боковая закругленія вверху и внизу у основанія стали соединяться карнизами, а въ вертикальномъ направлѣніи раздѣляться пилистрами.

B. E. Румянцев прочел свое сообщение по вопросу: „Что означают выражения въ нашихъ письменныхъ памятникахъ о церквяхъ „древена“ или „камена въ верхъ“ и „древена“ или „камена о кльтицѣ и кльтицкой“. Въ древнихъ сказанияхъ о церквяхъ эти выражения встречаются очень часто, особенно въ писцовыхъ книгахъ. Проф. Е. Е. Голубинскій въ своей Исторіи Русской церкви полагаетъ, что, „кромъ способы устройства стѣнъ посредствомъ горизонтальной кладки бревенъ, что называется технически о кльтицѣ и кльтици, въ старое время, въ приложеніи къстройкѣ церквей, былъ у насъ еще другой способъ—черезъ постановленіе бревенъ стояками, какъ забираются остроги (ограды вокругъ тюремъ) и на подобіе остроговъ заборы, каковой способъ стройки технически называется „въ верхъ“. Этотъ способъ былъ преимущественнымъ способомъ постройки церквей въ Скандинавіи, но у насъ, по крайней мѣрѣ въ Великой Руси,—не находится никакихъ остатковъ и слѣдовъ построекъ церквей по скандинавски изъ стояковъ; нѣть ни письменныхъ свидѣтельствъ, ни даже преданій о подобныхъ постройкахъ. Что касается выражений—„о кльтицѣ, кльтицы“, то они употребляются безразлично и о церквяхъ деревянныхъ и о церквяхъ каменныхъ. Еще преподобный Несторъ и Іаковъ черноризецъ (въ сказанияхъ объ убиеніи Бориса и Глѣба) говорятъ, что при Ярославѣ построена была для помѣщенія мощей этихъ святыхъ церковь о кльтицѣ съ 5-ю верхами или главами, причемъ на рисункѣ показана постройка четырехугольной деревянной церкви изъ горизонтально положенныхъ бревенъ или брусьевъ. Тоже самое выражение: *церковь создана кльтицами* употребляется и игуменъ Даніиль, путешествовавший въ Палестину въ началѣ XII вѣка о каменной Виелеемской церкви Рождества Христова, показывая тѣмъ, что эта церковь есть продолговатый четырехугольникъ или базилика, уцѣлѣвшая и до нашего времени. Такимъ образомъ все эти выражения о кльтицѣ, кльтици, т. е. на подобіе кльтки, въ приложеніи къ церквамъ не только деревяннымъ, но и каменнымъ, означаютъ равносторонній или продолговатый четырехугольникъ въ окладѣ. На конецъ, что означаютъ выражения: церковь (камена или древена) въ верхъ?. Изъ описанія Н. В. Султанова о церкви въ селѣ Городкѣ видно, что церковь эта каменная, на подклѣтѣ, о восьми стѣнахъ и съ высокимъ восьми-

границы верхомъ, съуживающимся въ высоту и завершающимся небольшою главкою. Храмъ этот построенъ по одному замыслу съ среднею главкою церкви Василия Блаженного. Въ писцовыхъ книгахъ 1577 — 1578 годахъ обѣ этой церкви значится: село Городня, а въ селѣ церковь Воскресенія Христова камена въ верхъ. На западной сторонѣ этой церкви колокольня и на южной придѣль, обѣ эти постройки — четырехугольныя, съ осмиграннымъ верхомъ и обѣ могли бы быть названы: *клиптицы въ верхѣ*, какъ и названа въ книгу Неволина о Пятинахъ Новгородскихъ (деревянная церковь въ Посолотинѣ монастыря Николая Чудотворца). Подобная же церковь, деревянная „въ верхѣ“, представлена на одномъ рисункѣ (въ 31 № Нивы 1884 года) В. В. Сусловымъ. Это церковь Владимицкой Божией Матери (Сольвычегодского уѣзда, Вологодской губерніи), построенная въ 1642 году. Зданіе это, сооруженное на подобіе упомянутой выше Городненской церкви, замѣчательно по своимъ громаднымъ размѣрамъ и архитектурнымъ формамъ.

Професоръ университета Св. Владимира Ю. А. Кулаковскій прочелъ рефератъ: „О такъ называемой стѣнѣ Ромула на Палатинѣ“. Преданіе о началѣ Рима свидѣтельствуетъ единогласно о томъ, что Римъ начался какъ *городъ* на Палатинскомъ холмѣ. Въ свидѣтельствѣ о чертѣ древнѣйшаго *померія* дана намъ предѣльная черта городской территории. Современное критическое изученіе римской исторіи признаетъ достовѣрность обоихъ свидѣтельствъ, но со временеми Нибура эти два свидѣтельства признаны находящимися въ противорѣчіи. Историческая аналогія заставляетъ предположить, что древнѣйший латинскій городъ на Палатинѣ долженъ быть ограничиваться поверхностью холма, не простираясь на его скаты и окружающія холмъ низменности, между тѣмъ черта *померія* идетъ по этимъ послѣднимъ. Раскопки, произведенныя на Палатинѣ въ началѣ 60-хъ годовъ нашего столѣтія, обнаружили по скату холма въ нѣсколькихъ мѣстахъ остатки квадровыхъ сооруженій, которымъ было усвоено археологами и топографами Рима наименованіе — *стѣны Ромула*. Такимъ образомъ, вопросъ о предѣлахъ древнѣйшаго Рима считался решеннымъ въ сторону гипотезы Нибура противъ Тацитова свидѣтельства о чертѣ *померія*. Въ современной литературѣ по археологии, топогра-

фіи и исторії древнійшаго Рима существоаніе остатковъ Ромуловой стѣны на Палатинѣ является общепринятымъ и общепризнаннымъ актомъ Но ближайшее разсмотрѣніе и изслѣдованіе развалинъ, носящихъ имя Ромуловой стѣны, должно убѣдить всякаго, что, во 1-хъ) ошибочно принимать расположенные въ разныхъ мѣстахъ по склону Палатина остатки квадровыхъ сооруженій за остатки *одного цѣлааго* и во 2-хъ) техника этихъ сооруженій такова, что за ними можно признать въ крайнемъ случаѣ одновременность съ Сервіевою стѣной и никакимъ образомъ нельзя видѣть остатковъ сооруженія древнійшаго города Римской исторіи, когда въ Римѣ еще не знали этруссаго зодчества. Остатковъ Ромуловой стѣны на Палатинѣ не найдено и они не могли быть найдены тамъ. Археологія не владѣеть въ настоящее время материаломъ, который могъ бы разъяснить намъ противорѣчіе, которое представляютъ, при сопоставленіи, свидѣтельства Тацита о чертѣ померія и историческая аналогія. Отдѣльные остатки сооруженія, которые можно именовать однимъ именемъ Ромуловой стѣны, могутъ быть— что до своего значенія— изъяснены весьма просто, какъ контфорсы въ однихъ мѣстахъ и какъ квадровыя постройки въ бетанныхъ сооруженіяхъ—въ другихъ.

Въ заключеніе Ф. Д. Нефедовъ доложилъ Съѣзу о результатахъ совершенной имъ въ нынѣшнемъ году археологической экспедиціи на Ураль. Г. Нефедовъ изслѣдовалъ на Уралѣ (т. е. въ Тургайской области, и въ губерніяхъ Оренбургской и Самарской) семьдесятъ шесть кургановъ и два городища. Между курганами безъименными, т. е. неизвѣстно какой народности принадлежащими, г. Нефедовъ обратилъ главное вниманіе Съѣзда на курганы чудскіе. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, возбудилось сомнѣніе,—есть ли чудь особое племя или название, общее всѣмъ финскимъ племенамъ, жившимъ когда-то въ Россіи? На основаніи данныхъ, добытыхъ курганными раскопками въ 1878, 1884 и текущемъ году, г. Нефедовъ выяснилъ, что чудь была народъ малорослый, по черепу рѣзко отличный отъ другихъ курганныхъ народовъ, но что, однако, чудь была осѣдлою и еще въ древности умѣла добывать руду въ горахъ Урала, плавить металлы и дѣлать изъ нихъ разныя подѣлки; умѣла добывать камennуя соль и занималась хлѣбопашествомъ;

однимъ словомъ, что ко времени сооруженія изогъдованныхъ нынѣ кургановъ, племя это, по мнѣнію г. Нефедова, стояло въ культурномъ отношеніи довольно высоко.

II.

Протоколъ засѣданія, 17 августа вечеромъ, по II отданію древностей историческихъ, географическихъ и этнографическихъ, подъ предсѣдательствомъ И. Е. Забѣлина.

А. С. Верещагинъ сообщилъ два реферата: 1) „Доказано-ли несомнѣнно, что Вятка заселена была новгородскими выходцами въ XII вѣкѣ?“ и «2) Насколько достовѣрны вообще показанія Вятского лѣтописца, извѣстнаго подъ именемъ „Повѣсти о градѣ Вяткѣ?».

Референтъ началъ съ подробнаго и послѣдовательнаго указанія мнѣній о началѣ Вятки въ XII вѣкѣ русскихъ ученыхъ, писавшихъ по этому вопросу до настоящаго времени. Онъ привелъ мнѣнія Рычкова, Карамзина, Калайдовича, Погодина, Соловьева, Костомарова и Бестужева-Рюмина, присоединивъ сюда же мнѣніе церковнаго историка Филарета Черниговскаго. Обстоятельно разобравъ доводы всѣхъ этихъ ученыхъ, особенно Карамзина, референтъ пришелъ къ заключенію, что они всѣ основаны на свидѣтельствѣ Вятского лѣтописца, причемъ некоторые позднѣйшіе писатели ссылаются не на рукописный оригиналъ этого лѣтописца, и на авторитетное заявленіе Карамзина. Между тѣмъ свидѣтельство Вятской лѣтописи является одинокимъ и не заключается въ другихъ русскихъ лѣтописяхъ, даже древнѣйшихъ Новгородскихъ, которые, повидимому, не могли бы игнорировать столь немаловажного факта, совершившагося въ предѣлахъ бывшихъ владѣній Новгорода Великаго. Это всеобщее молчаніе о Вяткѣ нашихъ лѣтописей и другихъ источниковъ продолжается од 1374 года, въ которомъ году Воскресенская лѣтопись упоминается, наконецъ, о Вяткѣ. Референтъ привелъ цѣликомъ изъ лѣтописи событие 1374 года и сдѣлалъ къ нему комментарій. Соображенія референта сводятся къ тому, что до XIV вѣка на устьяхъ Камы и Вятки ле-

жало сильное Болгарское царство, которое не могло допустить въ XII вѣкѣ образованія особаго государства почти на самой границѣ своихъ владѣній—тѣмъ болѣе, что время, къ которому принято пріурочивать начало Вятки (1174 года), было временемъ упорной борьбы русскихъ князей съ Болгарами, временемъ особенно сильной вражды между двумя народами. Имѣя въ виду это обстоятельство, некоторые ученые изыскивали объясненія съ цѣлью примирить свидѣтельство Вятской лѣтописи объ основаніи города съ одновременными фактами, занесенными въ другія лѣтописи. Такъ, местный Вятскій историкъ Вечтомовъ еще въ 1824 году высказалъ предположеніе, что Новгородцы сначала выдавали себя за купцовъ, которыхъ и пропустили Болгары чрезъ свои земли. С. М. Шпилевскій въ своей монографіи о Булгарѣ также высказываетъ, что новгородцы могли остановиться на Камѣ и Вяткѣ не иначе, какъ съ согласія Болгаръ. Но референтъ не соглашается съ этими предположеніями. Въ лѣтописи говорится, что основатели Вятки были устюжане, а Устюгъ основанъ послѣ XII вѣка. Какимъ же образомъ устюжане могли основать Вятку въ 1174 году? Референтъ утверждаетъ, что пришельцы на Вятку явились не съ юга, а съ сѣвера и не въ XII вѣкѣ, а въ XIV. Въ 1218 году Болгары взяли Устюгъ; если бы тогда существовала Вятка, то какимъ образомъ могли они двинуться на Устюгъ, оставивъ въ тылу Вятку? Сопоставивъ всѣ историческія данныя, референтъ пришелъ къ заключенію, что въ Вятской лѣтописи 1174 годъ поставленъ ошибочно вместо 1374 года, откуда и произошла такая путаница въ исторіи Вятки. Изъ всего сказанного сами собой опредѣлисъ и достоинства Вятского лѣтописца, какъ исторического источника, который возникъ не раньше второй половины XVI вѣка и дошелъ въ позднѣйшихъ спискахъ XVIII вѣка, гдѣ онъ въ большинствѣ случаевъ и называется не лѣтописцемъ, а „повѣстью“.

B. О. Миллеръ прочиталъ рефератъ: „Къ вопросу о происхожденіи Скиѳовъ“. Референтъ держится иранской гипотезы вѣдѣстъ съ Цейсомъ, Мюлленгофомъ, Шпигелемъ, Эдуардомъ Мейеромъ и другими учеными. Среди скиѳовъ Геродота въ числѣ другихъ этническихъ элементовъ несомнѣнно есть элементъ иранскій. Разобравъ мнѣніе Киевскаго ученаго *О. Г. Мищенко*, занимавшагося тѣмъ

же вопросомъ, г. Миллеръ обратился къ уясненію текста Геродота и записанныхъ имъ двухъ легендъ о происхождении скиевъ, а потомъ разсмотрѣлъ этимологический составъ дошедшихъ до насъ скиескихъ словъ. Отъ Геродота референтъ перешелъ къ тому времени, которое оставило намъ греческія надписи въ Ольвії. Общее заключеніе, къ которому пришелъ г. Миллеръ изъ сопоставленія всѣхъ научныхъ данныхъ, какими онъ могъ располагать, сводится къ слѣдующему:

1) Въ противоположность тѣмъ, кои видятъ въ Геродотовыхъ скияхъ урало-алтайцевъ, и тѣмъ, кои считаютъ ихъ иранцами, онъ (вместѣ съ г. Мищенко) предполагаетъ этническое различие между скиеами восточными — кочевниками и царскими,—и скиеами западными — земледѣльцами.

2) Считая послѣднихъ болѣе древнимъ населеніемъ и болѣе культурнымъ, онъ считаетъ первыхъ болѣе поздними пришельцами изъ Азіи, болѣе дикими и воинственными, подчинившими себѣ *Древнюю Скиею*.

3) Сообщаемыя Геродотомъ двѣ легенды о происхождении скиевъ относятся къ скиеамъ осѣдлымъ и пріурочиваются къ Приднѣпровью. Обѣ легенды содержатъ черты, напоминающія легенды и религіозныя представленія Ирана.

4) Нѣкоторыя названія скиескихъ божествъ, а также нѣкоторыя занесенные Геродотомъ личные и нарицательные имена находятъ объясненіе въ иранскомъ.

5) Значительный процентъ личныхъ „варварскихъ“ именъ Ольвійскихъ надписей носитъ яркіе признаки иранской національности.

6) Въ виду того, что Ольвія была въ сосѣдствѣ и общеніи съ скиеами земледѣльцами, можно, на основаніи „варварскихъ“ именъ въ надписяхъ этого города, съ вѣроятностью предположить, что среди сосѣднихъ скиевъ однимъ изъ этническихъ элементовъ (и вѣроятно господствующимъ) былъ иранскій.

Въ заключеніе засѣданія *Н. Д. Удалыцова* прочиталъ краткій рефератъ, посвященный памяти патріарха Никона. Напомнивъ Собранию, что 17 августа — день кончины по-

именованного патріарха, умершаго въ Ярославлѣ (на пути изъ Кирилло-Бѣлозерскаго въ Воскресенскій монастырь) въ 1681 году, референтъ привелъ интересное описание обстоятельствъ этого печального события, оставленное очевидцемъ послѣдняго, Шушериннымъ. Затѣмъ, съ цѣлью показать, насколько память Никона должна быть драгоценна для всѣхъ друзей русской старины, референтъ обратилъ вниманіе на то, что, если смотрѣть на Никона съ точки зренія древне-русской (до-Петровской) жизни, то его взгляды и стремленія оказываются не иными чѣмъ, какъ послѣднимъ шагомъ развитія, завершенiemъ началъ церковно-государственной жизни древней Руси. Рядомъ нѣсколькихъ, наиболѣе вѣскихъ доказательствъ референтъ старался утвердить то положеніе, что Никонъ бралъ свои идеалы изъ прошлаго и хотѣлъ, такъ сказать возвратить жизнь къ давно-минувшей старины. Если широкія начинанія Никона не удались или повлекли за собой печальные послѣдствія, то, по мнѣнію референта, это объясняется отчасти, можетъ быть, крутымъ и непреклоннымъ характеромъ патріарха, но главнымъ образомъ зависѣло отъ того, что стремленія Никона не соотвѣтствовали новымъ, устанавливавшимся въ то время въ жизни, началамъ, при которыхъ для церковно религиозной сферы немогло быть такой широты и такого положенія, какъ этого желалъ Никонъ. Въ заключеніе, въ виду имѣвшаго слѣдоватъ за засѣданіемъ концерта древнеперковнаго пѣнія, г. Удальцовъ сдѣлалъ замѣченіе о томъ, что Никонъ особенно содѣйствовалъ улучшенію современаго ему церковнаго пѣнія.

Послѣ чтенія г. Уральцева засѣданіе было закрыто и все собраніе перешло въ церковь Лицея, где было исполнено нѣсколько священныхъ пѣснопѣній древне-церковнаго напѣва, въ присутствії Высокопреосвященнаго Іонаѳана, архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго.

Печатано съ разрѣшенія Предсѣдателя VII Археологическаго
Създа.

Ярославль. 1887 года Въ Тип. Губ. Правл.

Г. III. 57204/

ИЗВѢСТИЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА ВЪ ЯРОСЛАВЛѦ.

№ 12.

Протоколъ засѣданія, 18 августа вечеромъ, по I отдѣленію *древностей первобытныхъ*, подъ предсѣдательствомъ Иллодора Александровича Износина.

• Открывая засѣданіе, И. А. Износовъ, избранный на это засѣданіе почетнымъ предсѣдателемъ, принесъ благодарность Ученому Комитету Съезда отъ имени Казанского Общества археологіи, исторіи и этнографіи, представителемъ коего онъ явился на Съездъ, и выразилъ желаніе, чтобы послѣдствіемъ VII Археологического Съезда было бы учрежденіе въ Ярославлѣ, какъ и въ Казани, Общества для изученія и изслѣдованія Ярославской старины.

Первымъ читалъ Д. Н. Анучинъ, именно отчетъ объ экспедиціи въ Приуральскій край, снаряженной нынѣшнимъ лѣтомъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Въ этой экспедиціи принимали участіе: 1) Н. Г. Первухинъ, занимавшійся археологическими изслѣдованіями въ Глазовскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, откуда имъ было доставлено на выставку при Съездѣ три ящика съ каменными и костяными издѣліями, подробный списокъ добытыхъ предметовъ и отчетъ о раскопкахъ. Кромѣ того г. Первухинымъ добыто при раскопкахъ еще нѣсколько серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ

предметовъ, и нѣсколькою череповъ, 2) А. А. Спицынъ, объѣхавшій значительную часть Вятской губерніи, собравшій богатыя коллекціи вещей изъ „костеносныхъ“ и другихъ городищъ этой губерніи и представившій обстоятельное обозрѣніе первобытныхъ древностей Вятскаго края; 3) Ф. Д. Недедовъ, который раскопалъ 76 кургановъ въ Оренбургской губерніи, Тургайской области и Самарской губерніи и доставилъ на Съездъ найденныя при раскопкахъ вещи и черепа, а равно и предварительный отчетъ о своей поѣздкѣ; 4) Н. Л. Гондатти, занимавшійся изслѣдованіями въ Верхноторскомъ, Соликамскомъ и Чердынскомъ уѣдахъ, Пермской губерніи, причемъ имъ добыты разныя чудскія издѣлія и сняты фотографическіе снимки съ писаницъ по р. Тагилю и съ нѣсколькоихъ сосудовъ въ частныхъ коллекціяхъ, и 5) Д. Н. Анучинъ, котораго сопровождалъ въ его поѣздкѣ графъ О. А. Уваровъ. Референтъ осмотрѣвъ коллекціи по до-исторической археологіи въ Казани (коллекціи университета, Общества археологіи, Общества естествоиспытателей, гг. Лихачева, Высоцкаго, Заумилова, Толмачева), въ Екатеринбургѣ и въ с. Ильинскомъ (коллекція г. Теплоухова), произвелъ раскопки городищъ и древнихъ стоянокъ по р. Камѣ и за Ураломъ (въ округахъ Верхъ-Исетскаго, Нижне-Тагильскаго, Верхъ-Невинскаго, Сысертскихъ и Киштымскихъ заводовъ), и собралъ коллекцію предметовъ изъ золотыхъ пріисковъ; графъ же О. А. Уваровъ занимался раскопкою кургановъ въ Шадринскомъ уѣздѣ.

Послѣ г. Анучина доцентъ Московской Духовной Академіи А. В. Бѣляевъ прочиталъ рефератъ: „Значеніе книги Бытія для археологіи“.

Сказавши предварительно о томъ, что археологія и исторія должны идти рука обь руку и помогать другъ другу, г. Бѣляевъ кратко охарактеризовалъ значеніе книги Бытія, какъ историческаго документа, для археологіи, въ особенности для археологіи до-исторической и при этомъ замѣтилъ, что русскіе археологи доселѣ обращали, по его мнѣнію, слишкомъ мало вниманія на книгу Бытія.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній г. Бѣляевъ указалъ археологическій матеріалъ, заключающійся въ книгѣ Бытія.

Прежде всего референтъ обратилъ вниманіе на разсказъ книги Бытія, о томъ, что Тувалъ-Кайнъ былъ ко-

вачемъ всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза; выяснилъ достовѣрность разсказа, опредѣлилъ время жизни Туваль-Кaina, на основаніи библейской хронології, сдѣлалъ предположенія о томъ, какъ нужно понимать это мѣсто въ связи съ данными до-исторической археології, и пришелъ къ двумъ результатамъ: 1) книга Бытія, согласно съ археологіей, молчаливо предполагаетъ существованіе каменной эпохи раньше бронзовой и желѣзной; 2) тоже книга возбраняетъ считать каменную эпому слишкомъ продолжительной.

Послѣ этого г. Бѣляевъ перешелъ къ анализу разсказа книги Бытія объ исполненіяхъ. Показавъ, что подтвержденіе этого разсказа можно находить въ миѳологіяхъ и эпосѣ, что въ пользу его молчаливо говорятъ дошедшія до наскъ отъ древнихъ временъ огромныя сооруженія, архитектурныя и ваятельныя (пирамиды, Баміанская статуя, камни и плиты на островахъ Пасхи и Каролинскихъ и проч.), которыя едва-ли могли быть воздвигнуты людьми обыкновенными, причемъ особенное вниманіе референтъ обратилъ на ковчегъ Ноевъ и Вавилонскую башню, какъ на грандіозныя сооруженія, о которыхъ свидѣтельствуетъ книга Бытія, А. В. Бѣляевъ въ заключеніе высказалъ предположеніе, что, быть можетъ, и теперь уже есть въ музеяхъ черепа, крупнѣе обыкновенныхъ, или по крайней мѣрѣ подобные черепа будутъ найдены съ теченіемъ времени, когда произведены будутъ раскопки въ Азіи—колыбели человѣческаго рода.

Вторая часть реферата, въ которой были выяснены сказанія книги Бытія о первобытныхъ домашнихъ животныхъ, о жилищахъ и одеждахъ, объ утвари и украшеніяхъ, о музыкальныхъ и воинскихъ орудіяхъ, о мѣстахъ погребенія, объ идолахъ, о металлахъ, объ употребленіи огня, о кровавыхъ и безкровныхъ жертвахъ и проч., по недостатку времени, не была прочитана. Референтъ кратко сказалъ только, что заключающаяся въ этихъ сказаніяхъ характеристика культуры допотопнаго человѣка, культуры египетской, халдейско-авилонской, ханаанской и еврейской, весьма важна какъ сама по себѣ, такъ и для уясненія вопроса о культурѣ первобытнаго индо-европейскаго племени, относительно котораго не дошло до наскъ другихъ историческихъ свѣдѣній, кроме тѣхъ, которыя мы имѣемъ въ книгѣ Бытія относительно первобытнаго человѣчества и первобытныхъ семитовъ.

Рефератъ г. Быляева вызвать оживленный пренія.
Референту возражали Д. Н. Анучинъ, Н. В. Султановъ
и князь П. А. Путятинъ.

Печатано съ разрѣшения Предсѣдателя VII Археологическаго
Съѣзда.

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Правл.

Г. III. № 2042

ІЗВѢСТІЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА ВЪ ЯРОСЛАВЛѦ.

№ 14.

I.

Протоколь засѣданія, 19 августа утромъ, по III отдѣленію *русскихъ памятниковъ художества*, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Султанова.

Первымъ рефератомъ на этомъ засѣданіи былъ рефератъ почетнаго предсѣдателя *Н. В. Султанова*: „Памятники древняго зодчества въ Толгскомъ монастырѣ“. Помимо своей главной задачи — служить показателемъ уровня археологической науки въ Россіи въ данное время, всякий Археологический Съездъ, по мнѣнію референта, долженъ имѣть цѣлью научное освѣщеніе памятниковъ мѣстной старины. Вслѣдствіе этого Н. В. Султановъ представилъ въ своеемъ докладѣ обзоръ памятниковъ Толгскаго монастыря, куда была предпринята Съездомъ поѣздка 8 августа. Толгскій монастырь, какъ извѣстно, основанъ въ началѣ XIV вѣка, но всѣ уцѣлѣвшіе въ немъ памятники относятся лишь къ XVII и къ слѣдующимъ столѣтіямъ. Соборъ монастыря построенъ на „подклѣтѣ“, т. е. нижнемъ сводчатомъ этажѣ; онъ имѣеть обычный Ярославскій планъ, въ видѣ прямоугольника съ четырьмя столбами внутри и съ тремя абсидами съ востока; эту основ-

ную часть окружаетъ со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ восточной, широкая паперть, которая въ южномъ концѣ оканчивается приделомъ, а въ съверномъ—лѣстницей. Затѣмъ внутри храма замѣчательны слѣдующія особенности: во 1-хъ, въ восточной части, надъ алтарное пространство наглухо отдѣлено отъ остальной церкви высокимъ иконостасомъ (такое отдѣленіе алтаря отъ прочей церкви нигдѣ, кромѣ Ярославскихъ церквей, не встрѣчается), во 2-хъ, особое устройство сводовъ надъ куполами, подобное тому устройству, которое предлагалось русскимъ архитекторамъ, какъ новый приемъ, знаменитымъ Виоле-ле-Дюкомъ, предупрежденное, впрочемъ, какъ это доказываетъ Толгскій соборъ, на цѣлыхъ двѣсти лѣта старо-русскими строителями.

Описавъ затѣмъ фасадъ собора, референтъ разсмотрѣлъ устройство его четырехскатной крыши и доказалъ, что она не представляетъ собою позднѣйшей передѣлки, а что соборъ уже строился подъ такую крышу, что даетъ возможность утвердительно сказать о появленіи подобныхъ крышъ уже въ XVII столѣтіи.

Колокольница собора въ видѣ высокой прямоугольной 4-хъ ярусной башни представляетъ собой конечное развитіе типа колокольницъ съверного поволжья и благодаря своей поздней датѣ можетъ служить доказательствомъ, что развитіе колокольницъ шло у насъ параллельно развитію колоколенъ, а не предшествовало ему, какъ это обыкновенно предполагается.

Трапезная церковь монастыря относится къ послѣднему періоду русского зодчества, въ которомъ наши мастера начинаютъ облѣплять русское, по своимъ общимъ приемамъ, зданіе деталями стиля возрожденія; стиль этого періода, не получившій еще наименія въ нашей историко-архитектурной науцѣ, по мнѣнію г. Султанова, можетъ быть названъ «рускимъ барокъ». Церковь трапезная крайне оригинальна по своему внѣшнему виду; средняя глава ея окружена у своего основанія—восьмью нижними; это расположение столь рѣдкое, что въ параллель ему можно привести развѣ только одну церковь Василія Блаженнаго. Ограда и башня монастыря, хотя и относятся къ самому концу XVII вѣка, когда монастыри уже окончательно потеряли значеніе крѣпостей, тѣмъ не менѣе, сохранили въ цѣлости всѣ особенности нашихъ древнихъ обо-

ронительных сооружений, какъ наприм., два ряда отверстій для стрѣльбы или, такъ называемый, «верхній и нижній бой» и наклонные отверстія или осадные стоки, чрезъ которые лили на приступающаго врага кипятокъ и смолу.

Выводы, сдѣланные изъ этого обзора референтомъ, состоять въ томъ, что, во 1-хъ, на памятникахъ Толги встрѣчаются такія исключительныя особенности, которыя въ другихъ мѣстностяхъ не встрѣчаются, а слѣдовательно свидѣтельствуютъ о самостоятельномъ самобытномъ направлении Ярославскаго зодчества, а во 2-хъ, въ томъ, что, на основаніи тѣхъ же памятниковъ, можно дать отвѣтъ на вѣкоторые вопросы, хотя и поставленные нашей историко-архитектурной наукой, но еще ею не разрѣшенные. Что же касается до того значенія, которое могутъ имѣть для насъ, современниковъ, всѣ эти особенности, то референтъ указалъ на начавшееся у насъ возрожденіе нашего роднаго зодчества, въ которомъ Ярославль, съ его самобытными художественными памятниками, долженъ занять одно изъ первыхъ мѣсть.

A. M. Павлиновъ прочелъ рефератъ «Русское искусство по памятникамъ съ древнѣйшихъ временъ». Въ древней Руси искусство, по заявлению референта, было деревянное, а его начала уходить въ доисторическую даль. Въ VI вѣкѣ, когда впервые является имя славянъ, они уже извѣстны, какъ искусственные рѣзчики и мастера деревяннаго дѣла. Далѣе референтъ указалъ, что и еще ранѣе въ исторіи гунновъ деревянное зодчество было на значительной степени развитія, а историческія данныя заставляютъ придти къ заключенію, что исторія гуннского искусства вошла въ исторію искусства славянъ. Славяне жили вмѣстѣ съ гуннами и были въ этомъ дѣлѣ искусны, а гунны, какъ дикая орда, занятая войной, своего искусства не имѣли и поэтому пробовалиись искусствомъ окружавшаго ихъ осѣдлого народа—славянъ. Стиль того времени, конечно, долженъ быть отличаться въ подробностяхъ отъ сооруженій позднѣйшаго времени, потому-что тогда славяне были еще чужды тѣхъ вліяній, которыя имъ пришлось испытать въ послѣдующую пору. Пользуясь историческими сказаніями, референтъ указалъ на то, что въ древнѣе времена многія формы русского стиля XV—XVII вѣковъ уже существовали, съ VII—XII вѣковъ, въ искус-

ствъ арабскомъ, сирійскомъ и армянскомъ, которые могли непосредственно войти въ искусство славянъ вслѣдствие цѣлаго ряда переселенія этихъ народностей въ среду южныхъ славянъ. Указавъ на описание языческихъ храмовъ славянъ и проведя параллель между описаниемъ построекъ гунновъ, сравнивъ послѣднія съ изображеніемъ миниатюръ на нашихъ церковныхъ книгахъ, референтъ пришелъ къ выводу, что все эти изображенія имѣютъ одно общее происхожденіе и тѣсно связаны съ религіозными миѳами доисторического времени, какъ на это указывали не разъ ученые, напр., Буслаевъ. Слѣдя далѣе по рукописямъ, начиная съ XI вѣка, референтъ пришелъ къ заключенію, что миниатюры рукописей, подражая архитектурнымъ формамъ, вполнѣ соответствуютъ современнымъ имъ памятникамъ зодчества. Съ введеніемъ христианства на Руси является византійская архитектура; формы этой архитектуры видимъ и въ миниатюрахъ, напр., Остромирова евангелія, сборника Святослава и друг. Далѣе, съ перенесеніемъ великоокняжеской столицы изъ Кіева во Владиміръ вліяніе Константинополя уменьшается; начинаютъ появляться старыя исконныя русскія формы: въ это время является фантастический звѣриный стиль (какъ миниатюры, такъ и современныя имъ Владиміро-Суздальскія церкви бываютъ иногда сплошь покрыты такого рода изображеніями, какъ это видимъ на церквяхъ св. Георгія въ Юрьевѣ Польскомъ, Дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ и друг.). Съ этого же времени въ миниатюрахъ являются такія архитектурныя формы, которые болѣе всего напоминаютъ формы русской архитектуры XV—XVII вѣковъ, т. е. золотаго вѣка русскаго искусства. Сопровождая свой рефератъ демонстраціей рисунковъ по изданіямъ гг. Прохорова, Стасова, Голышева, фотографіямъ Барщевскаго и по имѣвшимся предметамъ на выставкѣ Съѣзда, референтъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: *у южныхъ славянъ въ историческую пору былъ свой собственный деревянный стиль, въ который входили: луковичные главы или маковицы¹⁾, закомары²⁾, кокошники³⁾, бочки⁴⁾, арочки*

1) *Луковича*, имѣющая полину.

2) Форма похожая на кокошникъ, когда внутри ей отвѣчаетъ комара.

3) *Закомара*, которой внутри не отвѣчаетъ комара.

4) Кокошникъ, но изъ дерева.

съ подсъсками на рѣзныхъ столбахъ съ орнаментами, и проч. Этотъ стиль очень сходенъ съ русскимъ XV—XVII вѣковъ и мало имѣетъ сходства съ византійскимъ, именемъ котораго его часто неправильно называютъ. Его начало уходитъ въ доисторическую пору деревянного языческаго славянскаго искусства. Выводъ этотъ вполнѣ подтверждается какъ описаніемъ древнихъ деревянныхъ церквей, такъ и существующими памятниками деревянными и каменными, имѣющими свое происхожденіе отъ деревянныхъ построекъ, и не имѣющими ничего общаго съ византійскими церквами, наприм., церкви Олонецкой губерніи, церковь Вознесенія въ с. Коломенскомъ, близъ Москвы, и множество другихъ.

Перейдя къ золотому вѣку русского искусства, референтъ указалъ на его мѣстное отличіе, разнообразія и разнородность въ способѣ уѣкрашеній. Кроме того г. Павлиновъ указалъ на необходимость раздѣлить его на сили по областямъ или даже по городамъ и прослѣдить ихъ взаимное вліяніе другъ на друга. «Только при такомъ подробнѣи и точномъ анализѣ — докончилъ свой докладъ г. Павлиновъ — мы познаемъ свое русское искусство, научимся въ немъ работать и, имѣя старую основу, внесемъ свой крупный вкладъ въ сокровищницу искусствъ вспыхъ народовъ».

Въ этомъ же засѣданіи профессоръ Демидовскаго Юридического Лицея Н. С. Суворовъ, въ виду краткости срока, оставшагося до закрытія Съѣзда, прочиталъ свой рефератъ: „О слѣдахъ римско-католического церковнаго права въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ“. Въ докладѣ г. Суворова проведена мысль, что въ древнѣйшемъ русскомъ правообразованіи однимъ изъ составныхъ элементовъ было церковное право католического запада. Для подтвержденія этой мысли авторъ указалъ на такъ называемый „Законъ судный людемъ“, или Судебникъ царя Константина, какъ на такой юридической памятникъ, которыемъ руководились русскіе суды духовные и сѣвѣрскіе въ древнѣйшую эпоху русской исторіи. По мнѣнію референта, составитель Закона судного, передѣлавшій въ некоторыехъ статьяхъ византійскую эклогу, изданную императорами иконоборцами, совершилъ эту передѣлку подъ вліяніемъ западно-католического церковнаго права. Вліяніе это сказалось на Судномъ законѣ въ обѣихъ его редакціяхъ — и въ краткой, и въ обширной. Вліяніе запада

на краткую редакцію доказывается: 1) тѣмъ, что Законъ судный въ извѣстныхъ случаяхъ назначаетъ „отдачу въ постъ“, въ смыслѣ публичнаго церковнаго покаянія, проходимаго по степенимъ; 2) что Законъ судный предписываетъ содержаніе на хлѣбѣ и водѣ; 3) гравицей для богослужебнаго общенія кающихся съ вѣрными полагается пѣніе символа вѣры за литургіей; 4) что Законъ судный различаетъ и противополагаетъ наказаніе „по закону людскому“, т. е. свѣтскому, наказанію „по закону Божіему“ или церковному. Референтъ путемъ сравненія памятниковъ западнаго и восточнаго церковнаго права пришелъ къ тому убѣжденію, что указанные черты Закона судного суть черты, заимствованные изъ западнаго, а не изъ восточнаго церковнаго права. Что касается обширной редакціи Закона судного, то референтъ объяснивъ предварительно почему нельзя считать ее болѣе раннею сравнительно съ краткою редакціей, а напротивъ, слѣдуя отнести появление ея къ болѣе позднему времени, указалъ на нѣсколько статей, имѣющихъ свой источникъ въ латинскихъ пенитенціалахъ. Возможность влиянія латинскихъ пенитенціаловъ на русскій юридическій бытъ въ древнѣйшую эпоху существованія русскаго государства доказана референтомъ такъ, что для сомнѣній въ этомъ не должно оставаться мѣста: въ одномъ изъ древнѣйшихъ славянскихъ рукописныхъ сборниковъ Румянцевскаго Музеума оказался славянскій переводъ латинскаго пенитенціала, каковой переводъ до сихъ поръ считали то статьей болгарскаго происхожденія, то даже подлиннымъ произведеніемъ одного изъ древнѣйшихъ русскихъ митрополитовъ.

Кромѣ указанія на Законъ судный, референтъ указалъ еще и на нѣкоторые слѣды западно-католическаго влиянія на чисто русскіе источники права, какъ-то на церковные уставы, дошедшия до насъ съ именами первыхъ христіанскихъ князей Владимира и Ярослава. Таковые слѣды усматриваются, по мнѣнію г. Суворова, напримѣръ, въ предоставлениі церкви десятины, наблюденіе за мярами и вѣсами, въ такихъ судныхъ дѣлахъ, какъ по ограбленію мертвыхъ, а также въ томъ различеніи и противоположеніи «епитиміи по закону» и «казни княжеской», которое проведено въ нѣкоторыхъ статьяхъ Устава Ярослава о церковныхъ судахъ.

II.

Протоколъ засѣданія Совѣта Съѣзда 19 августа.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ И. Е. Забѣлина; присутствовали члены Совѣта: графиня П. С. Уварова, С. М. Шпилевскій, Н. В. Покровскій, Н. И. Беселовскій, В. Ф. Миллеръ, Л. С. Котляревскій, М. В. Никольскій, В. В. Сусловъ, Д. Н. Анучинъ, Д. А. Корсаковъ, Н. В. Султановъ, графъ Н. С. Ланская, А. А. Кочубинскій, И. А. Шляковъ, И. А. Износковъ, А. М. Павлиновъ, П. А. Висковатый, Н. В. Никитинъ, А. В. Селивановъ, А. А. Смирновъ, С. А. Бѣлокуровъ, А. Ф. Селивановъ и секретари Съѣзда Ф. А. Бычковъ и В. К. Трутовскій.

С. М. Шпилевскій доложилъ телеграмму, полученную имъ отъ Н. А. Толмачева изъ Нижняго-Новгорода, въ коей, напоминая Совѣту о своемъ докладѣ, въ которомъ онъ обратилъ особое вниманіе на уничтоженіе древнихъ болгарскихъ памятниковъ, Н. А. Толмачевъ просить Совѣть о выработкѣ правилъ и о возбужденіи ходатайства для возможнаго сохраненія этихъ цѣнныхъ и рѣдкихъ памятниковъ. *Постановлено:* принять къ свѣдѣнію.

Гр. П. С. Уварова, предложивъ гг. членамъ Совѣта избрать мѣсто и время для будущаго VIII Археологическаго Съѣзда, съ своей стороны, какъ Предсѣдательница Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, коему, по словамъ гр. Уваровой, принадлежитъ инициатива и право (?) устройства Съѣзда въ Россіи, указала мѣстомъ для будущаго Съѣзда Москву. Указавъ на Москву, какъ на мѣсто для будущаго Археологическаго Съѣзда, гр. Уварова заявила, что въ 1889 году исполняется двадцатипятилѣтіе существованія Московскаго Археологическаго Общества, а потому, по ея мнѣнію, самымъ соотвѣтствующимъ мѣстомъ для слѣдующаго Съѣзда и является Москва, тѣмъ болѣе, что когда въ Петербургѣ праздновался 25-ти лѣтній юбилей Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, II-й Археологическій Съѣздъ былъ назначенъ, черезъ два года послѣ I-го Московскаго, въ Петербургѣ. Что же касается до времени будущаго Археологическаго Съѣзда, то въ виду того, что день первого засѣданія Московскаго Археологическаго Общества 18 февраля и день утвержденія Устава этого Общества 19 сентября не удобны для засѣданій, графиня П. С. Уварова предложила назначить: на 4 января 1890 года открытие Совѣта Съѣзда; на 7 открытие самого

Съезда съ тѣмъ, чтобы засѣданія послѣдняго продолжались до 21 января.

Единогласно было постановлено: назначить VIII Археологической Съездъ въ Москвѣ отъ 7 до 21 января 1890 года.

Затѣмъ послѣдовали выборы въ Редакціонный Комитетъ для изданія Трудовъ VII Археологического Съезда.

Избранными оказались: С. М. Шпилевскій, И. А. Вахромѣевъ и графиня П. С. Уварова, причемъ въ виду того, что Труды Съезда будутъ печататься въ Москвѣ, графинѣ П. С. Уваровой предоставлено право пригласить къ участію въ Редакціонномъ Комитете тѣхъ лицъ изъ членовъ Московского Археологического Общества, коихъ просвѣщенное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ окажется необходимымъ.

III.

Протоколъ общаго засѣданія, 19 августа вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ С. М. Шпилевскаго.

С. М. Шпилевскій открылъ засѣданіе слѣдующими словами: Въ речи, сказанной мною при открытии Съезда, я указалъ, что благодѣянія Съезда, по отношенію къ мѣстной археологіи и исторіи, какъ показываетъ исторія бывшихъ Археологическихъ Съездовъ, не оканчиваются вмѣстѣ съ Съездомъ, такъ какъ обыкновеннымъ послѣдствиемъ Съезда бываетъ оживленіе и новое, болѣе дѣятельное и полезное, направленіе въ изученіи мѣстныхъ памятниковъ древности и мѣстной исторіи. Я очень счастливъ, что наканунѣ закрытія настоящаго Съезда могу заявить, что сказанное мною уже замѣчается и по отношенію къ нашему краю. Среди наскъ уже зародилась и обсуждалась мысль объ основаніи Ярославскаго Общества любителей археологии и этнографіи, съ учрежденіемъ при этомъ Обществѣ музея. Предполагаемое Общество ставить своею задачею: сохраненіе, собираніе и изученіе мѣстныхъ памятниковъ древности, изученіе областной исторіи и этнографическое изученіе мѣстного населенія, особенно по отношенію къ архаизмамъ, и разными формами переживанія, замѣчаемыя въ быту настоящаго населенія нашего края. Въ настоящее время учредителями Общества записались: Е. Ив. Якушкинъ, Ив. Ал. Вахромѣевъ,

Ив. Ник. Соболевъ, А. В. Скульскій, Д. В. Волоцкой (Вологодскій губернскій Предводитель Дворянства), А. Л. Гурко, Я. А. Ушаковъ, Ф. А. Бычковъ, Л. Н. Трефолевъ, Ив. Ал. Шляковъ, Ив. Ф. Барщевскій и Вашъ покорный слуга. Нѣть сомнѣнія, что число заявившихъ желаніе быть учредителями предполагаемаго нового Общества очень скоро увеличится новыми лицами, вполнѣ сочувствующими указаннымъ задачамъ Общества.

За заявлениемъ С. М. Шпилевскаго, *A. B. Селивановъ* представилъ вниманію Съѣзда докладъ «Объ ошибкѣ, виравшейся въ Сводъ и полное собраніе законовъ, относительно находокъ древнихъ монетъ». Въ § 16 правиль о находкахъ, изложенныхъ въ приложеніи къ ст. 539 Св. зак., т. X, ч. I (законъ 18 февраля 1841 года № 14280), сказано, что «монеты новѣйшаго времени, начиная съ XIII столѣтія, какъ не составляющія рѣдкость, не могутъ подходить подъ вышеизложенные правила и находка ихъ подчиняется общему закону о кладахъ». Очевидно, здесь произошла ошибка, или опечатка, а именно въ римской цифрѣ XVIII, пропущена цифра V, и такимъ образомъ вышло XIII. По инициативѣ докладчика въ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи былъ, въ сентябрѣ 1884 года, возбужденъ вопросъ о разъясненіи недоумѣнія относительно смысла 16-го § прилож. къ 539 ст., чрезъ посредство Директора Археологическаго Института Н. В. Калачова. Въ декабрѣ того же года Н. В. Калачовъ увѣдомилъ Комиссію, что по поводу воабужденаго вопроса въ Археологическомъ Институтѣ изготавливается записка для внесенія въ кодификаціонный отдѣлъ Государственного Совета. Не имѣя свѣдѣній о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла, докладчикъ просилъ Съѣздъ ходатайствовать объ исправленіи вышеозначенной опечатки, благодаря которой исчезаютъ безслѣдно, ускользая отъ наблюденія и изученія людей науки, множество часто весьма драгоценныхъ монетныхъ кладовъ. Въ виду того, что затронутый г. Селивановымъ вопросъ, есть вопросъ научный, собраніемъ постановлено было: отъ имени Съѣзда войти съ ходатайствомъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія объ исправленіи въ возможно скорѣйшемъ времени указанной г. Селивановымъ ошибки.

Професоръ Императорскаго Новороссійскаго Университета *А. И. Маркевичъ* прочиталъ рефератъ: «О Яро-

славскихъ князяхъ въ Московскомъ государствѣ». Въ своемъ рефератѣ доказчикъ прежде всего коснулся исторіи Ярославскаго княжениія въ XIII—XIV вѣкахъ и старался прослѣдить переходъ большаго Ярославскаго стола въ родѣ князей Ярославскихъ, причемъ доказывалъ, что въ общемъ переходъ этотъ до XV вѣка происходилъ на основаніи такъ называемаго юстичнаго происхожденія; затѣмъ референтъ нѣсколько остановился на определеніи удеевъ Ярославскихъ и времени, когда эти удеи вошли въ составъ Московскаго государства, а князья ихъ превратились въ служилыхъ людей Великаго князя Московскаго.

Перейдя къ вопросу о службѣ князей Ярославскихъ въ Московскомъ государствѣ, г. Марковичъ указалъ на обиліе служилыхъ родовъ отъ князей Ярославскихъ, на разную величину этихъ родовъ и различное имъ служилое значеніе и на возвышеніе и паденіе ихъ служебной чести. Сказавъ вкратцѣ о сочиненіяхъ о князахъ Ярославскихъ и о сохранившихся родословіяхъ, доказчикъ отметилъ, что служебное значеніе князей Ярославскихъ было въ XV—XVI вѣкахъ не изъ выдающихся въ объяснить, это раннимъ поступленіемъ князей Ярославскихъ на Московскую службу и измельчаніемъ ихъ въ XVI вѣкѣ, почему они и захудали, а наиболѣе знатные изъ нихъ въ XVI вѣкѣ пресеклись. Какъ на любопытный источникъ для сравнительного знакомства со служебнымъ значеніемъ князей Ярославскихъ, какъ и всякихъ иныхъ служебныхъ родовъ, референтомъ было указано на акты юстническаго характера и было объяснено какъ имъ въ данномъ случаѣ надо пользоваться; вѣсть съ тѣмъ было также указано и на то, какія фамиліи изъ князей Ярославскихъ юстничались особенно часто, какія рѣдко, и почему.

Важнѣйшую часть реферата, изложенную, впрочемъ, скороѣ въ видѣ конспекта, и то занявшиаго много времени, составляла характеристика служебного значенія цѣлыхъ вѣтвей рода князей Ярославскихъ, съ указаніемъ на выдающуюся дѣятельность какихъ-либо отдельныхъ лицъ. Такъ референтомъ проанализирована была дѣятельность князей Алабышевыхъ и Аленкиныхъ, Пеньковыхъ (причемъ объяснены были причины ихъ очень высокой чести), князей Курбскихъ и Кубенскихъ, Ушатыхъ съ Ушатыми Чул-

ками, Троекуровыхъ и Шестуновыхъ съ Великими, Сицкими и Хворостининами; все эти фамилии были охарактеризованы и въ мѣстническомъ отношеніи. Затѣмъ было сказано о захуданіи иныхъ вѣтвей рода князей Ярославскихъ, небывшихъ даже въ Государевомъ родословцѣ, что обусловливало ихъ сравнительно низкую служебную честь. Послѣ князей Ярославскихъ, служившихъ въ Московскихъ разрядахъ до начала XVII вѣка, г. Маркевичъ указалъ еще на различныя группы князей Ярославскихъ, напр., служившихъ по удѣламъ, убѣжавшихъ изъ Москвы въ Тверь, Литву, Турцию, бывшихъ на помѣстьяхъ въ Великомъ Новгородѣ, служившихъ духовнымъ лицамъ, совсѣмъ неслужившихъ (напр., по болѣзни) — все эти группы князей Ярославскихъ дали захудальныя впослѣдствіи линіи этого рода.

Отмѣтивъ дѣятельность нѣкоторыхъ изъ князей Ярославскихъ въ смутное время и въ XVII вѣкѣ и указавъ на возведеніе на мѣсто убылыхъ прежнихъ — новыхъ фамилий князей Ярославскихъ: Львовыхъ, Прозоровскихъ и другихъ, ранѣе бывшихъ худородными, референтъ въ заключеніи остановилъ вниманіе Съѣзда еще на тѣхъ изъ князей Ярославскихъ, которые пали въ сраженіяхъ XV—XVII вѣковъ, даже поименно исчислилъ ихъ, также на бывшихъ иноками изъ этихъ князей, преимущественно жившихъ въ Ярославскихъ монастыряхъ, и на двухъ историкахъ XVII вѣка, тоже вышедшихъ изъ среды князей Ярославскихъ; все это референтъ сообщилъ, по его словамъ, собственно для того, чтобы напомнить въ г. Ярославлѣ о почтенной дѣятельности князей Ярославскихъ на пользу своей родинѣ — землѣ Русской.

Рефератъ г. Маркевича вызвалъ замѣчаніе со стороны секретаря Съѣзда *Ѳ. А. Бычкова*, который указалъ, что въ своемъ любопытномъ рефератѣ г. Маркевичъ, объясняя причины захуданія въ XVI вѣкѣ княжескихъ родовъ, происшедшихъ отъ владѣтельныхъ князей Ярославскихъ, упустилъ изъ вида очень важное обстоятельство, сильно вліявшее на захуданіе родовъ князей Ярославскихъ, именно на преслѣдованіе въ царствованіи Иоанна Грознаго представителей княжескихъ фамилий, происходившихъ отъ Ярославскихъ владѣтельныхъ князей, причемъ, какъ известно, весьма многіе представители этихъ родовъ были

казнены Гроанымъ, лишились такимъ образомъ чести, а роды ихъ сильно захудали.

Л. Н. Трефолеев доложилъ собранію рефератъ: «Дворецъ царевича Димитрія въ Угличѣ». Начальная постройка этого дворца относится къ половинѣ XV столѣтія; затѣмъ, Угличскіе князья нѣсколько разъ его перестраивали. Судя по большими размѣрамъ его фундамента, можно думать, что онъ когда-то былъ весьма обширныхъ размѣровъ. Эту же мысль подтверждаетъ и то соображеніе, что не только владѣтельные князья, но и бояре въ прежнія времена, кромѣ одного помѣщенія, имѣли постоянно рядъ другихъ, наприм., сѣни, теремъ, опочивальни. По преданію, дворецъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь находится, есть ничто иное, какъ опочивальня царевича Димитрія. Съ этимъ, по мнѣнію референта, трудно согласиться, такъ какъ помѣщеніе его для одной только опочивальни царевича слишкомъ велико. Вѣрнѣе предположить, что въ немъ были перегородки, которыхъ теперь уничтожены. Подъ помѣщеніемъ царевича Димитрія въ тѣхъ же четырехъ стѣнахъ находится нижній этажъ. Въ немъ двѣ двери и нѣсколько оконъ, причемъ незадѣланной осталась только дверь. Полы въ нижнемъ этажѣ рушились, и потому видны своды подваловъ, изъ которыхъ одинъ провалился и другому угрожаетъ также участъ. Внутрь втораго подвала ведетъ узенькая лѣсенка въ правомъ углу. Мѣстный историкъ Киссель опровергаетъ мнѣніе о существованіи якобы подземно-подвального хода изъ дворца царевича Димитрія подъ Волгу, ибо маленькия отдушины, находящіяся въ стѣнахъ подваловъ дворца, не даютъ возможности пройти черезъ нихъ человѣку. Вѣрнѣе всего, по мнѣнію г. Трефолева, что въ называемыхъ подвалахъ хранилась казна Угличскихъ князей и вообще дворцовыя сокровища. Въ первый разъ дворецъ Димитрія царевича былъ подновленъ царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ, который по сосѣдству со дворцомъ построилъ и церковь «Св. Димитрія на крови». При Императрицѣ Елизавете на дворецъ была положена новая крыша. Въ царствованіе императора Павла I-го дворецъ царевича пришелъ совсѣмъ въ ветхость: крыша провалилась внутрь, ни половъ, ни потолковъ не было, всюду замѣтны были трещины. Смерть императора не дозволила начать перестройку дворца въ его царствованіе, и только

при императорѣ Александрѣ I-мъ была произведена полная реставрація дворца. Этимъ дѣломъ занялся Угличскій купецъ Кожевниковъ. Одно печально, что призванные Кожевниковымъ художники *подмостили* живопись на внутреннихъ стѣнахъ дворца; они уничтожили, старую стѣнопись, т. е. стерли или замазали ее, и на мѣсто прежнихъ рисунковъ изобразили другіе, совершенно не подходящіе.

Печатано съ разрешенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съезда.

Ярославль. 1887 года. Въ Тип. Губ. Правы.

Гл. III. № 2043

ИЗВѢСТИЯ

о занятіяхъ

СЕДЬМОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА ВЪ ЯРОСЛАВЛѦ.

№ 15.

Протоколъ заключительного засѣданія VII Археологическаго Съезда, 20 августа утромъ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Съезда Ив. Ег. Забѣлина, при секретаряхъ Съезда О. А. Бычковѣ и В. К. Трутовскомъ.

Засѣданіе началось рефератомъ Предсѣдателя Тамбовской губернскай ученой архивной Комиссии Ив. Ив. Дубасова „О дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ Комиссій“, прочитанномъ, за отсутствіемъ референта, по просьбѣ послѣдняго, А. О. Селивановы^{мъ}. Въ своемъ рефератѣ г. Дубасовъ прежде всего останавливается на важности учрежденія ученыхъ архивныхъ Комиссій и указываетъ на необходимость на будущихъ Съездахъ имѣть особое археографическое отдѣленіе. По его мнѣнію, архивныи Комиссіи, имѣя въ своемъ распоряженіи архивы, вмѣщающіе много важныхъ актовъ для исторіи, могутъ принести большую пользу. Свое мнѣніе референтъ подтверждаетъ указаніемъ на дѣятельность Тамбовской ученой архивной Комиссіи, которая, несмотря на трехлѣтнее только свое существование, собрала и издала много важныхъ материаловъ для исторіи Тамбовскаго края. Указавъ за

тѣмъ на неблагопріятныя условія (отсутствіе матеріальныхъ средствъ), при которыхъ приходится дѣйствовать архивнымъ Комиссіямъ, референтъ сообщилъ отрадный фактъ, что, несмотря, однако, на все это, названныя Комиссіи не только успѣли разобрать нѣсколько тысячи старыхъ дѣлъ, но и издать многое.

А. Ф. Селивановъ дополнить рефератъ И. И. Дубасова обзоромъ дѣятельности ученыхъ архивныхъ Комиссій въ Твери, Орлѣ, Рязани и Костромѣ и указалъ на важность работы И. И. Дубасова для исторіи Тамбовскаго края. Поддерживая мнѣніе г. Дубасова о необходимости учрежденія на будущихъ Съѣздахъ особаго археографического отдѣленія, г. Селивановъ, заканчивая сообщеніе, сказалъ слѣдующее: „Мнѣніе И. И. Дубасова объ археографическомъ отдѣленіи на Съѣздахъ имѣть свое основаніе въ томъ, что архивное дѣло входило въ составъ занятій первыхъ Археологическихъ Съѣзовъ и встрѣчало горячее сочувствие со стороны многихъ представителей науки; особенно сильную опору находило оно въ лицѣ известнаго ученаго Н. В. Калачова, которому принадлежитъ не только инициатива обширной ученой разработки архивовъ, но отчасти и практическое осуществленіе этой завѣтной его мысли, именно учрежденіе Археологическаго Института и архивныхъ Комиссій. Высокой важности дѣло уже начато; Археологическому Съѣзу предстоитъ поддержать и развить это уже начатое дѣло и своимъ участіемъ восполнить одинъ изъ случайныхъ пробѣловъ въ своихъ занятіяхъ“.

Д. А. Корсаковъ, въ дополненіе къ сказанному А. Ф. Селивановымъ, произнесъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, посвященныхъ также памяти Н. В. Калачова, имя котораго, по словамъ г. Корсакова, написано крупными буквами въ исторіи русской археографіи и русского права, и можетъ быть поставлено на ряду весьма высокихъ и почтенныхъ именъ среди небольшой семьи русскихъ научныхъ дѣятелей. Всегдѣ за Д. А. Корсаковымъ Предсѣдатель Ученаго Комитета Съѣзда С. М. Шпилевскій, въ виду важныхъ заслугъ для науки академика Н. В. Калачова, предложилъ собранію почтить память почившаго академика вставаніемъ. Предложеніе это было сочувственно принято какъ членами Съѣзда, такъ и присутствовавшей на засѣданіи публикой.

Затѣмъ слѣдовало сообщеніе Предсѣдательницы Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества *графини П. С. Уваровой*: „Къ вопросу о провинціальныхъ Музеяхъ“. Иложивъ весьма подробно обзоръ всѣхъ существующихъ на Руси Музеевъ, а равно и исторію основанія и развитія этихъ послѣднихъ, графиня Уварова обратила вниманіе Съѣзда на то, что почти везде эти Музеи обязаны своимъ существованіемъ частному труду отдельныхъ скромныхъ личностей. «Мощность частной ініціативы, сказала графиня, въ дѣлѣ основанія Музеевъ, мнѣ кажется, уже довольно доказана тѣмъ перечнемъ Музеевъ, который приведенъ мною выше; оспаривать этого вопроса нѣтъ никакой возможности, если мы только воскресимъ въ нашей памяти выдающіяся единицы въ этомъ перечнѣ, какъ, напримѣръ, Минусинскій Музей на крайнемъ востокѣ, Таврическій на югѣ, Тверской—въ самомъ центрѣ Россіи и нашихъ двухъ богатырей великановъ въ Москвѣ—Политехническій и Историческій Музеи». Переходя къ дальнѣйшимъ подробнотямъ, графиня доказывала фактами, что частная ініціатива, основывая и устраивая Музеи должна прийти къ убѣжденію, что для дальнѣйшаго развитія этихъ Музеевъ, для сохраненія и закрѣпленія ихъ за тѣмъ обществомъ и государствомъ, для которыхъ они собраны, достояніемъ котораго должны считаться, необходима помощь Правительства, которое одно можетъ сохранить собранныя сокровища, оградить ихъ отъ гибели и разграбленія послѣдующими поколѣніями. «Пусть за частнымъ лицемъ остается, говорила графиня, его энергія, его сила воли, его созидающее и вызывающее къ жизни начало; пусть Правительство съ своей стороны явится ангеломъ хранителемъ этого частнаго лица, его достоянія, сокровищницы, собранной имъ на пользу русскаго дѣла, русскаго просвѣщенія; пусть Правительство будетъ для этого лица и его дѣятельности тѣмъ лучезарнымъ столбомъ, который вѣль Гудеевъ среди невѣдомой, окружавшей ихъ пустыни.»

На основаніи всего вышесказаннаго графиня предложила обратить вниманіе Правительства на существующіе уже Музеи и ходатайствовать объ установлениіи для нихъ нормального устава или положенія, который сталъ бы мало по малу обязательнымъ для всѣхъ другихъ подобныхъ учрежденій.

Предложение графини Уваровой и выработанный ею проектъ устава для провинціальныхъ Музеевъ вызвалъ оживленныя возраженія, особенно со стороны депутата отъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, профессора Императорскаго Новороссійскаго Университета А. А. Кочубинской, оспаривавшаго высказанный графиней Уваровою взглядъ на дѣло охраненія отъ гибели провинціальныхъ Музеевъ. Кроме того депутатъ Императорскаго Дерптскаго Университета профессоръ П. А. Висковатовъ, въ дополненіе къ сообщенію графини Уваровой, познакомилъ Съѣзда съ исторіею возникновенія и дальнѣйшаго существованія Эстонскаго ученаго Общества. Общество это, по словамъ Ц. А. Висковатова, было основано 19 января 1838 года 19-ю лицами, которые сошлись съ цѣлью заняться прошлымъ и настоящимъ эстскаго народа. Въ 50-хъ же годахъ число членовъ названнаго Общества доходило уже до 100 человѣкъ. Разнообразна была первая дѣятельность Общества, касаясь всѣхъ областей знанія. Явились изданія календарей, эстскихъ пѣсенъ и, наконецъ, сборникъ эпическихъ пѣсенъ эстонцевъ (трудъ Крейцвальда). Много сдѣлано было Эстонскимъ ученымъ Обществомъ для изученія древностей и исторіи эстскаго народа. Въ настоящее время при Обществѣ есть Музей, заслуживающій серьезнаго вниманія. Однимъ изъ членовъ Общества г. Гартманъ сдѣлало тщательное и полное описание находокъ, преимущественно бронзоваго периода, въ Эстлянді; находки эти представляютъ много весьма рѣдкаго и поучительнаго. Собственно для доисторической археологіи много сдѣлано было Обществомъ въ послѣднее десятилѣтіе и душою этихъ трудовъ былъ проф. Гревиникъ, скончавшійся нынѣ, издавшій рядъ замѣчательныхъ работъ, между коими заслуживаетъ вниманія археологическая карта Прибалтійскаго края.

Надо удивляться дѣятельности этого мѣстнаго Общества, издавшаго уже XIII томовъ Извѣстій своихъ, не говоря о другихъ трудахъ, появившихся въ печати.

Эстонское ученое Общество обладаетъ также и хорошо организованной библіотекой, состоящей изъ 8000 томовъ книгъ и 500 рукописныхъ сочиненій; оно состоитъ также въ сношеніяхъ съ 155 учеными Обществами.

Послѣ продолжительныхъ преній, собраніемъ было постановлено: напечатать прочитанный графинею П. С. Уваровой докладъ и разослать его къ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ лицамъ, мнѣнія коихъ по настоящему вопросу поручить обработать Московскому Археологическому Обществу и затѣмъ уже дать дальнѣйшее движение возбужденному графиней Уваровою вопросу.

Послѣ графини Уваровой, профессоръ Д. А. Корсаковъ прочелъ рефератъ, который былъ посвященъ, во 1-хъ, выясненію значенія исторіи той территории, которую занимаетъ въ настоящее время Ярославская губернія въ общемъ ходѣ Русской исторіи, и, во 2-хъ, указанію на разработку Ростовско-Ярославской *старины и древности мѣстными учеными и любителями*.

По первому вопросу г. Корсаковъ обратилъ прежде всего вниманіе слушателей на то обстоятельство, что въ предѣлахъ Ярославской губерніи возникла и окрѣпла важнѣйшая отрасль Русского народа—племя великорусское, которое образовалось путемъ колонизаціи славянскихъ „находниковъ“ съ юга, отъ кривичей и изъ Новгорода—среди финскаго народа мери, оборигена этой мѣстности; затѣмъ, референтъ развивалъ слѣдующую мысль: великорусское племя—говорилъ онъ—проявило себя въ общей русской исторической жизни созданіемъ русского государства, выразивъ въ своей исторіи три основныя, самобытныя черты: 1) православно-благочестивую религіозность; 2) установленіе и развитіе единодержавнаго государственного порядка; 3) борьбу съ восточными инородческими племенами. Далѣе г. Корсаковъ припомнилъ выдающіяся черты изъ исторіи старѣйшихъ городовъ Ярославской губерніи—Ростова-Великаго, Ярославля и Углича-поля (Углича), въ которыхъ были особыя удѣльныя княженія, жившія самостоятельно, независимою государственною жизнью почти въ теченіи трехъ столѣтій (съ начала XIII вѣка до исхода XV-го). Отмѣтивъ важнѣйшіе факты изъ этой жизни, г. Корсаковъ охарактеризовалъ историческую роль Ростова, Ярославля и Углича въ послѣдующей исторіи государства Московскаго и Российской имперіи, въ теченіи XVI, XVII, XVIII и XIX вѣковъ—роль, въ которой продолжала проявляться самобытность этихъ городовъ.

Исходя изъ важного значения местной Ростовско-Ярославской истории въ общемъ ходѣ исторіи Россіи, г. Корсаковъ взглянулъ на изученіе местной Ростовско-Ярославской древности и старины, какъ на изученіе существенныхъ вопросовъ древней Русской исторіи вообще, а потому вошелъ въ подробное разсмотрѣніе трудовъ по местной Ростовско-Ярославской исторіи. Онъ разсмотрѣлъ сначала изученіе *источниковъ* этой исторіи по тремъ главнѣйшимъ родамъ ихъ: вещественнымъ, устнымъ и письменнымъ, а затѣмъ перешелъ къ историческимъ изслѣдованіямъ.

При обзорѣ *вещественныхъ* источниковъ местной исторіи, г. Корсаковъ остановился преимущественно на изслѣдованіи Мерянскихъ кургановъ графомъ Уваровымъ, на изученіи церковныхъ древностей Ярославля, Ростова и Романова—Борисоглѣбска во время VII Археологическаго Съезда и на реставраціи Ростовскаго кремля и учрежденіи Музея въ стариныхъ Ростовскихъ митрополичьихъ палатахъ.

Изъ *устныхъ* источниковъ г. Корсаковъ обратилъ вниманіе на важность изученія местныхъ названій населенныхъ мѣстъ, рекъ, озеръ и урошищъ и историческихъ преданій, доселе въ обилии обращающихся среди низшихъ слоевъ местнаго населения, указавъ на то, что уже сдѣлано для этого изученія и что предстоитъ еще сдѣлать въ будущемъ.

Болѣе подробно остановился г. Корсаковъ на источникахъ *письменныхъ*. Указавъ на обиліе вообще древнихъ и стаинныхъ письменныхъ памятниковъ въ церквяхъ и монастыряхъ Ярославской губерніи и во многихъ частныхъ собраніяхъ въ Ярославлѣ (И. А. Вахромѣева и В. И. Лѣствицына) и въ Ростовѣ (А. А. Титова), на остатки *местныхъ* лѣтописей Ярославскихъ, Ростовскихъ и Угличскихъ, г. Корсаковъ представилъ подробный обзоръ письменныхъ источниковъ местной исторіи, доставленныхъ къ Съезду: изъ С.-Петербургга академикомъ, Директоромъ Императорской Публичной Библіотеки, Товарищемъ Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества А. О. Бычковымъ и изъ Москвы—почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ, Директоромъ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Мо-

сквѣ—барономъ О. А. Бюлеромъ. Коллекція рукописей, доставленная А. О. Бычковымъ, взятая изъ богатаго государственного книгохранилища, находящагося подъ его управлениемъ, представляла собою весьма цѣнныя источники для Ярославско-Ростовской исторіи и снабжена была прекраснымъ ученымъ описаніемъ, составленнымъ по распоряженію А. О. Бычкова и напечатаннымъ въ Ярославлѣ особой брошюрою. Большинство рукописей этой коллекціи составлены или написаны въ предѣлахъ теперешней Ярославской губерніи. Не менѣе интереса представляла коллекція государственныхъ и юридическихъ актовъ и плановъ городовъ Ярославской губерніи, доставленная барономъ Бюлеромъ изъ Главнаго Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Труды по изученію мѣстной Ростовско-Ярославской исторіи были разсмотрѣны г. Корсаковымъ по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) труды профессоровъ Демидовскаго Юридического Лицея и секретаря онаго К. Д. Головцикова; 2) заслуги для разработки мѣстной исторіи Высоко-просвѣщенного Ионаѳана, архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго и лицъ духовнаго вѣдомства въ Ярославской епархіи. Ярославскія Епархиальныя Вѣдомости, старѣйшія въ Россіи (выходять вмѣстѣ съ Херсонскими Епархиальными Вѣдомостями съ 1860 года), житія мѣстныхъ святыхъ и описания монастырей и церквей; 3) Ярославскія Губернскія Вѣдомости, особенно усердно разработывающія мѣстную исторію подъ редакціею теперешняго ихъ редактора—Фед. Аѳ. Бычкова; 4) труды членовъ Ярославскаго Статистическаго Комитета и, наконецъ, 5) труды частныхъ лицъ (графъ М. В. Толстой, В. И. Лѣствицынъ, А. А. Титовъ, И. А. Вахромѣевъ, И. А. Шляковъ, Л. Н. Трефолевъ).

Изъ обзора источниковъ Ростовско-Ярославской исторіи и ея разработки мѣстными учеными и любителями г. Корсаковъ пришелъ къ заключенію, что эта исторія богата какъ материаломъ, такъ и изслѣдованіями въ такой мѣрѣ, какъ это рѣдко встрѣчается въ другихъ русскихъ областяхъ. Въ этомъ отрадномъ фактѣ референтъ усмотрѣлъ вполнѣ подготовленную почву для проектированія въ Ярославлѣ Общества любителей мѣстной археологии и этнографіи. Въ заключеніе г. Корсаковъ привѣт-

ствовалъ это вновь зарождающеся ученое Общество отъ лица Казанского Общества археологіи, исторіи и этнографіи, коего онъ является на XII Съездѣ однимъ изъ представителей, а затѣмъ лично отъ себя, такъ какъ его первая ученая работа (магистерская диссертациѣ, изданная 15 лѣтъ тому назадъ), была посвящена исторіи Ростова и Ярославля.

Рефератомъ Д. А. Корсакова закончились ученыя сообщенія на VII Археологическомъ Съезѣ въ Ярославлѣ. На каѳедру, послѣ г. Корсакова, взошелъ представитель Министерства Народнаго Просвѣщенія на Съездѣ, Директоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея С. М. Шпилевскій и въ слѣдующихъ выраженіяхъ объявилъ VII Археологический Съездъ закрытымъ: „Гг. члены VII Археологического Съезда и почтенные представители Ярославскаго общества!—обратился С. М. Шпилевскій къ присутствовавшимъ—съ искреннимъ сожалѣніемъ вхожу я на каѳедру для исполненія своей обязанности объявить VII Археологический Съездъ закрытымъ. Оканчивается нашъ праздникъ науки, который привлекъ къ намъ такое многочисленное собраніе знаменитыхъ гостей. Многіе изъ насъ въ первый разъ видѣли и слышали тѣхъ, имена которыхъ, какъ высокихъ представителей русской археологической и исторической науки, хорошо известны во всей Россіи; вмѣстѣ съ этими свѣтилами науки мы познакомились и съ прѣѣхавшими къ намъ изъ многихъ провинціальныхъ городовъ, скромными и высокодобропровѣстными дѣятелями по изученію мѣстной исторіи своихъ областей. Это соединеніе ученыхъ силъ и составляетъ главное значеніе Съезда. Въ продолженіе двухъ недѣль передъ нашими глазами было богатѣйшее собраніе предметовъ первобытной древности, сотни фотографій и рисунковъ разныхъ церковныхъ древностей, древнѣйшая рукописи, акты, старинные планы и карты разныхъ мѣстностей. Кроме рефераторовъ, имѣющихъ важное общенаучное значеніе, мы услыхали многое, прямо и специально относящееся къ объясненію нашихъ мѣстныхъ памятниковъ древности и нашей областной исторіи; подъ руководствомъ вполнѣ авторитетныхъ специалистовъ мы осмотрѣли древніе церковные памятники въ Ярославлѣ, Ростовѣ, въ Толгскомъ монастырѣ и въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ. Зала засѣданій Съезда была постоянно полна, выставка посвѣщалась мѣстными

жителями очень усердно. Очевидно, что Съездъ произвѣлъ свое дѣйствіе на мѣстныхъ жителей. Онъ оживилъ насть, поднялъ нашъ духъ, воодушевилъ и направилъ насть къ дальнѣйшему изученію нашей родной старинѣ. Съѣхавшиеся со всей Россіи члены Съезда всѣ дружно соединились вмѣстѣ, этимъ исполнилась важнѣйшая задача Съезда—взаимное ознакомленіе и сближеніе братьевъ по оружію, въ разныхъ мѣстахъ обширнаго нашего отечества служащихъ одной цѣли, занятыхъ одинаковыми научными вопросами и интересами. И, воть, эта дружина, сплотившася воедино въ интересахъ науки, опять расходится по всей Россіи; замолкаютъ голоса, объяснившіе намъ нашу родную старину; пустѣютъ залы выставки. Съездъ окончился! Приносимъ искреннюю, сердечную благодарность всѣмъ такъ или иначе содѣйствовавшимъ успѣхамъ VII Археологическаго Съезда. Ярославскіе и Ростовскіе граждане встрѣчали своихъ гостей съ искренностью, неподдѣльною радостью и съ полнымъ уваженіемъ, что, по возможности, старались выразить на дѣлѣ. Пропись нашихъ гостей не поминаетъ насть лихомъ! Приносимъ Съезду глубокую благодарность и за то, что подъ его вліяніемъ зародилась у насть близкая къ осуществленію мысль объ открытии Ярославскаго Общества любителей археологіи и этнографіи съ Музеемъ при немъ. Минь представляется, что задуманное нами новое дѣло встрѣтить благопріятныя для себя условія.

Прощайте, наши дорогіе гости!—Объявляю VII Археологической Съездъ закрытымъ.“

По закрытии Съезда, Предсѣдатель послѣдняго И. Е. Забѣлинъ произнесъ нижепомѣщаемую рѣчу: „Послѣ всѣхъ рефератовъ столько интересныхъ, поучительныхъ и столько серьезныхъ—началь г. ораторъ—позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ. Наши работы и труды окончились, страдная наша пора минуетъ. Обозрѣвая пройденный путь напряженного вниманія и безпрестанно работавшей мысли, что мы можемъ сказать о собранной нами жатвѣ, о достоинствѣ и характерѣ собранныхъ зеренъ. Наши полосы не были равно обильны. Мы, какъ подобаетъ въ историческихъ работахъ, обоварѣвали русскую землю въ ея доисторическихъ преданіяхъ, касались, словомъ, доисторического времени. Здѣсь мы ничего не могли уразумѣть вѣрнаго и яснаго, все осталось по преж-

нему, въ прежнемъ сумракѣ. Задача науки—собрать фактические материалы, что мы исполнили усерднѣйшимъ образомъ, собравши превосходную выставку, собравши превосходныя коллекціи изслѣдованій кургановъ къ настоящему Сѣваду. Мы выслушали превосходнѣйшіе до-клады и сообщенія, разсказавшіе намъ много любопытнаго и указавшіе еще больше совсѣмъ неразгаданного. Весь собранный материалъ, въ общей его сложности, до сихъ порь лежитъ совсѣмъ непонятной грудой предъ нашимъ сознаніемъ, мы ничего объяснить не могли. Очень многіе предметы, представленные изслѣдователями кургановъ, остаются для насъ нѣмыми, мы не понимаемъ, гдѣ они находились, когда живой человѣкъ ихъ употреблялъ. Очень немногіе предметы, сами собой указываютъ на ихъ назначеніе, но я повторяю опять, собранный нами материалъ мы не съумѣли разъяснить и онъ на половину, или еще болѣе, остается только еще материаломъ для будущихъ работъ. Зато, переходя съ этихъ облаковъ туманныхъ, въ которыхъ носилось наше воображеніе, опускаясь на землю, т. е. переходя къ дѣламъ точныхъ письменъ, мы не можемъ не радоваться такимъ изслѣдованіямъ, какія были разсказаны намъ, напр., О Сильвестрѣ Медведевѣ первомъ библіографѣ, о лѣтописцѣ Вятскомъ и о сказаніяхъ его, о попѣ Богомилѣ или Еремѣѣ. Подобные образцовые труды, конечно, составляютъ нашу жатву. Переходя, затѣмъ, въ область искусства, которое съ особой яркостью изобразилось предъ нашими глазами, область искусства тоже самое представляеть весьма обильную жатву и благотворную. Мы останавливались на русскомъ искусствѣ, гдѣ блистательные рефераты показали намъ, что очень пріятно заявить, на Ярославское зодчество. Черта самобытности русскаго искусства утвердила мысль и склонила вниманіе, что существуютъ въ Ярославлѣ памятники, существуетъ русскій стиль, который только нужно умѣть воссоздать при особомъ трудѣ и при особомъ талантѣ. Этотъ фактъ теперь уже несомнѣненъ. Весной въ Москвѣ происходили пренія между представителями зодчества, есть ли русскій стиль. Мы можемъ, обозрѣвая Ярославскіе памятники и при помощи блестящихъ результатовъ, быть въ твердой увѣренности, что существуетъ этотъ стиль въ каждой Ярославской церкви, надо только имѣть глаза. Но не одно русское искусство нась

занимало, насть занимало и искусство Европейское, такъ мы выслушали блестящій рефератъ о стѣнахъ древняго Рима, рефератъ, который, хотя бытъ чрезвычайно удаленъ отъ нашихъ ближайшихъ сосѣдей въ искусствѣ, тѣмъ не менѣе можетъ служить образцомъ для изслѣдованія и объясненія нашихъ собственныхъ памятниковъ и надо же лать, чтобы въ той же мѣрѣ происходило изученіе каж даго нашего памятника зодчества. Я не буду обозрѣвать его научнаго значенія для западнаго искусства, я беру его, какъ образецъ изслѣдованія подобныхъ памятниковъ для насть. Мы не оставили въ сторонѣ и дальняго востока и блестящіе рефераты послѣдовали по поводу вопроса о большемъ изученіи древностей востока, не нашего востока, но культурнаго древняго востока, и мы опять раскрыли предъ своими глазами цѣлую область, на которую доселѣ мало обращали вниманія, даже не думали, что это наша обязанность изучать далекій востокъ. Я замѣчу, что во многихъ сторонахъ мы, по крайней мѣрѣ, такъ сказать, приподняли завѣсу, скрывавшую различные углы знаній археологическихъ. Горизонтъ нашъ вслѣдствіе того расширился, мы теперь больше видимъ, а многое яснѣе видимъ, чѣмъ тогда, когда только собирались на Съездъ. Наши труды и работы окончились, но не утомилась наша жажда къ знаніямъ, напротивъ, она болѣе распалилась отъ новыхъ открытій, отъ новыхъ изслѣдованій съ указаніемъ на новые факты, новые свѣточи для разслѣдованія значенія темныхъ предметовъ. Мы ожидаемъ новаго Съезда и уже назначили ему время и мѣсто, ожидаемъ новаго Съезда, чтобы договорить недосказанное на этомъ Съездѣ, чтобы вполнѣ высказать блеснувшую неожиданно мысль, чтобы вполнѣ выработать мимоходомъ сдѣланный намекъ, словомъ, мы остаемся опять съ жаждой изслѣдованій. Оканчивая наши труды и работы, мы должны просить благословенія преосвященнѣйшаго Іона наевава на обратный путь домой, вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны поклониться гостепріимному и столь радушному городу Ярославлю, который отнесся съ такимъ расположениемъ къ дѣламъ науки, для насть, въ нашихъ работахъ, облег чившему нашу дѣятельность. Поэтому отъ лица всѣхъ членовъ Съезда мы покланяемся городу, древнему Ярославлю, и сердечно приносимъ благодарность за все ока-

ванное внимание, за все радушіе, которое испытывалъ каждый и на каждомъ мѣстѣ въ этомъ городѣ.

По окончаніи заключительного собранія Съѣзда, на которомъ присутствовали: Высокопреосвященный Іона-янъ Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, г. Ярославскій Вице-Губернаторъ П. К. Рекъ, Управляющій Ярославскою Контрольною Палатою А. Л. Ромейко-Гурко и другіе представители губернской администраціи, всѣ присутствовавшіе члены Съѣзда перешли изъ актовой залы, где происходили засѣданія Съѣзда, въ домовую церковь Лицея. Здѣсь Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ, въ сослуженіи архимандрита Владимира и 3-хъ представителей мѣстнаго духовенства, было совершено благодарственное молебствіе по случаю окончанія занятій VII Археологическаго Съѣзда. За молебствіемъ были возглашены многоглѣтія: Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, Св. Синоду, Высокопреосвященнѣйшему Іона-яну съ его наствою и, въ заключеніе, всѣмъ участникамъ въ трудахъ VII Археологическаго Съѣзда. По окончаніи молебствія Владыка обратился къ представителямъ науки съ слѣдующею рѣчью: „Достопочтенные изслѣдователи русской старины!—началь свое заключительное слово архипастырь—воздавъ благодареніе Господу Богу, Благодѣтелю нашему и Споспѣшнику во всѣхъ добрыхъ начинаніяхъ и дѣлахъ нашихъ, долгомъ считаю, разставаясь съ Вами, Мм. Гр., изъявить и Вамъ сердечную благодарность за ваши усердные занятія и труды по изслѣдованию церковныхъ древностей въ Ростовско-Ярославской области. Думаю, что вы, какъ истые любители поченной древности, съ утѣшенiemъ посмотрѣли на наши древніе православные храмы Божіи, полюбовались красотою древней архитектуры и внутреннимъ благолѣпіемъ ихъ, а можетъ быть нѣкоторые изъ васъ и поскорбѣли, что не все дорогое древнее сохранено здѣсь въ надлежащей цѣлости, и что иное, напротивъ, замѣнено новыми произведеніями зодчества и искусства. Не судите за сіе строго кого бы то ни было. Время сему виною, ибо время всякой вещи подъ небесемъ. Время и самыя прочныя сооруженія человѣческія постепенно видоизмѣняетъ и приводить къ разрушенію. Время не щадить и насъ самихъ. Какъ бы мы не старались въ преклонныхъ лѣтахъ реста-

врировать себя, все же мы не сдѣлаемъ себя молодыми и мужественными, какими многимъ хотѣлось бы быть. Такъ и всѣ видимые нами предметы, подлежащіе скорому или продолжительному видоизмѣненію, не могутъ быть приведены нами въ тотъ самый видъ, въ какомъ они были за нѣсколько столѣтій.

Возобновивъ нашъ древній Ростовскій кремль, мы врядъ ли достигли того, чѣмъ онъ былъ за 200 слишкомъ лѣтъ назадъ. Мы закрыли только его руины и безобразіе и съдѣю его древность украсили въ древнемъ вкусѣ современными материалами и красками, но дали-ли ему первобытную прочность и вѣковую живучесть? Сказать не рѣшаюсь. Мы отжили то время, сказавъ одинъ изъ современныхъ археологовъ *), когда храмы наши создавались часто простой мастеръ. То было творчество народное, продуктъ физиологически сложившихся элементовъ національной жизни. Во всѣхъ формахъ былъ свой языкъ, своя духовная идея. Съ тѣхъ поръ, какъ затмило наше вліяніе запада, мы сбились съ дороги и забыли наше искусство. Только въ настоящее время, во имя самопознанія, наступила желанная пора возрожденія русского искусства. Мы только недавно обратились къ изученію дошедшихъ до насъ памятниковъ роднаго искусства. И потому неудивительно, что нѣкоторые древніе храмы въ здѣшней епархіи видоизмѣнены. За нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ мало заботились о сохраненіи древнихъ церквей и памятниковъ старины, и они видоизмѣнялись или по современнымъ архитекторскимъ соображеніямъ и планамъ, или по вкусу и пастойчивымъ требованиямъ богатыхъ средствами строителей и благотворителей церквей въ бѣднѣвшихъ приходахъ,—или, наконецъ, потому, что не было ни какой возможности пріискать искусственныхъ мастеровъ и иконописцевъ, которые могли бы разрушающуюся древнюю церковь реставрировать въ томъ видѣ и обликѣ, въ какомъ она прежде существовала. Если и въ настоящее время, при всей заботливости Правительства о сохраненіи памятниковъ старины, мало людей искусственныхъ и непогрѣшительныхъ въ археологии и реставраціи: то что можно сказать о временахъ давноминувшихъ?

*) В. В. Сусловъ.

Поэтому желательно было бы мечтъ, чтобы вы, достопочтенные изслѣдователи старины, были снисходительны по отношенію къ тѣмъ недостаткамъ въ сохраненіи и реставраціи церковныхъ памятниковъ древности, которые вами нынѣ усмотрѣны, и погрѣшности неискуссныхъ въ археологіи дѣятелей исправили потребными указаніями и наставленіями. Вы, какъ истинные труженики археологической науки, болѣе другихъ проникающіе въ тайны научной мудрости, должны быть вѣрны той премудрости небесной, о которой сказано, что она чиста, мирна, скромна, послушна, полна милосердія и добрыхъ плодовъ (Иаков. III, 17). Да пребудетъ сія премудрость съ вами навсегда, а съ нею да пребудутъ надъ всѣми вами и благословеніе Божіе и покровительство Ярославскихъ и Ростовскихъ чудотворцевъ. Аминь. "

1348

Г. III. 512044

Печатано съ разрешенія Предсѣдателя VII Археологическаго Съезда.

Ярославль. 1887 года. Въ тип. Губ. Прав.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ VII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЗДА *).

- 1 Авдулинъ Михаилъ Петровичъ Ярославль.
- 2 Алексеевъ Георгій Петровичъ. С.-Петербургъ.
- 3 Амиторовъ Николай Александровичъ. Даниловъ.
- 4 Андреевъ Василій Ипполитовичъ.
- 5 Анучинъ Дмитрій Николаевичъ. Москва.
- 6 Арсеньевъ Сергій Васильевичъ. Берлинъ.
- 7 Артыновъ Александръ Яковлевичъ. Ростовъ Великій.
- 8 Архангельскій Александръ Семеновичъ.
- 9 Бабіевскій Иванъ Григорьевичъ. Ярославль.
- 10 Багалій Дмитрій Ивановичъ. Харьковъ.
- 11 Барсовъ Елпидифоръ Васильевичъ. Москва.
- 12 Барсовъ Николаї Ивановичъ. С.-Петербургъ.
- 13 Барщевскій Иванъ Феодоровичъ. Ярославль.
- 14 Бензенгеръ Василій Николаевичъ.
- 15 Бережковъ Михаилъ Николаевичъ. Нѣжинъ.
- 16 Березникова Марія Петровна. Ярославль.
- 17 Бестужевъ-Рюминъ Константинъ Николаевичъ. С.-Петербургъ.
- 18 Благовѣщенскій Александръ Аѳанасьевичъ. С.-Петербургъ.
- 19 Благовѣщенскій Николай Михайловичъ. С.-Петербургъ.
- 20 Графиня Бобринская Надежда Александровна. С.-Петербургъ.
- 21 Графъ Бобринскій Алексей Александровичъ. С.-Петербургъ.

*.) Въ этотъ списокъ внесены лица, получившія членскіе би-
леты отъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества, отъ
Имп. Русскаго Археологическаго Общества въ Петербургѣ и отъ
Предварительнаго Комитета Създа въ Ярославль.

- 22 Богословскій Василій Івановичъ. Нижній-Новгородъ.
23 Бранденбургъ Николай Евфимовичъ. С.-Петербургъ.
24 Булатовъ Дмитрій Александровичъ. Ростовъ-Великій.
25 Бычковъ Аѳанасій Іоанновичъ. С.-Петербургъ.
26 Бычковъ Іоаннъ Аѳанасьевичъ. Ярославль.
27 Бѣлогрицъ-Котляревскій Леонидъ Сергѣевичъ. Ярославль.
28 Бѣлокуровъ Сергѣй Алексѣевичъ. Москва.
29 Бѣляевъ Андрей Дмитріевичъ.
30 Вакуловскій Николай Николаевичъ. Кронштадтъ.
31 Васильевъ Иванъ Івановичъ. С.-Петербургъ.
32 Васильевскій Павелъ Григорьевичъ. Джаркентъ (Семиреченская обл.).
33 Вахромѣева Елизавета Семеновна. Ярославль.
34 Вахромѣевъ Иванъ Александровичъ. Ярославль.
35 Ващукъ Иванъ Ивановичъ.
36 Введенскій Павелъ Аполлоновичъ. Ярославль.
37 Верещагинъ Александръ Степановичъ. Вятка.
38 Веселовская Варвара Васильевна. С.-Петербургъ.
39 Веселовскій Николай Івановичъ. С.-Петербургъ.
40 Висковатова Марія Павловна. Дерптъ.
41 Висковатовъ Павелъ Александровичъ. Дерптъ.
42 Владычинскій Николай Михайловичъ. Ярославль.
43 Войтенковъ Николай Николаевичъ. Ярославль.
44 Вологодскій Владимиръ Аполлоновичъ.
45 Волоцкой Дмитрій Владиміровичъ. Вологда.
46 Гаркави Абраамъ Яковлевичъ. С.-Петербургъ.
47 Гаршинъ Евгений Михайловичъ. С.-Петербургъ.
48 Гатцукъ Алексѣй Алексѣевичъ. Москва.
49 Гапискій Александръ Серафимовичъ. Нижній-Новгородъ.
50 Гиль Христіанъ Христіановичъ. С.-Петербургъ.
51 Голенищевъ Владимиръ Семеновичъ. С.-Петербургъ.
52 Головацкій Яковъ Іоанновичъ. Вильна.
53 Головщиковъ Константинъ Дмитріевичъ. Ярославль.
54 Голубцовъ Владимиръ Владиміровичъ. Красноуфимскъ.
55 Голышевъ Иванъ Александровичъ. Мстера.
56 Градусовъ Николай Михайловичъ. Ярославль.
57 Градусовъ Павелъ Андреевичъ. Ярославль.
58 Григорьевъ Николай Илларіоновичъ.
59 Грязновъ Василій Васильевичъ. Вильна.
60 Гуковскій Константинъ Павловичъ. Ковно.

- 61 Гурко-Ромейко Александръ Леонтьевичъ. Ярославль.
62 Дестунись Гаврило Спиридоновичъ. С.-Петербургъ.
63 Дитятинъ Иванъ Ивановичъ. Москва.
64 Дмитріева Анна Ивановна. Ярославль.
65 Дмитріева Вѣра Ивановна. Ярославль.
66 Дмитріева Вѣра Николаевна. Ярославль.
67 Дмитріевъ Александръ Алексѣевичъ. Пермь.
68 Добролюбовъ Иванъ Васильевичъ (священникъ). Рязань.
69 Долговъ Семенъ Осиповичъ.
70 Домелунксенъ Антонина Феодоровна. С.-Петербургъ.
71 Достоевскій Андрей Андреевичъ. С.-Петербургъ.
72 Достоевскій Андрей Михайловичъ. Ярославль.
73 Дружининъ Василій Григорьевичъ. С.-Петербургъ.
74 Дубасовъ Иванъ Ивановичъ. Тамбовъ.
75 Жизневскій Августъ Казимировичъ. Тверь.
76 Забѣлинъ Иванъ Егоровичъ. Москва.
77 Завитневичъ Владимиrъ Зеноновичъ. Кіевъ.
78 Зачинскій Адамъ Францовичъ. Ярославль.
79 Зенгеръ Григорій Эдуардовичъ. Варшава.
80 Ивановскій Левъ Константиновичъ. С.-Петербургъ.
81 Иверсенъ Юлій Богдановичъ. С.-Петербургъ.
82 Износковъ Иллюдоръ Александровичъ. Казань.
83 Иловайскій Дмитрій Ивановичъ. Москва.
84 Карповъ Геннадій Феодоровичъ. Москва.
85 Кирпичниковъ Александръ Ивановичъ. Одесса.
86 Кобеко Дмитрій Фомичъ. С.-Петербургъ.
87 Колмогоровъ Яковъ Степановичъ. Угличъ.
88 Колчинъ Михаилъ Андреевичъ. Холмогоры.
89 Корзинкинъ Александръ Александровичъ. Москва.
90 Корсаковъ Дмитрій Александровичъ. Казань.
91 Корсунскій Николай Николаевичъ. Ярославль.
92 Коцаурова Марія Дмитріевна. Ярославль.
93 Коцауровъ Иванъ Николаевичъ. Ярославль.
94 Кочубинскій Александръ Александровичъ. Одесса.
95 Красносельцевъ Николай Фомичъ. Казань.
96 Кузнецовъ Василій Яковлевичъ. Ярославль.
97 Кузнецовъ Степанъ Кировичъ. Томскъ.
98 Кулаковскій Юліанъ Андреевичъ. Кіевъ.
99 Курловъ Павелъ Григорьевичъ. С.-Петербургъ.
100 Лавровъ Иванъ Николаевичъ. Ярославль.
101 Лаконте Михаилъ Алексѣевичъ. Иваново-Вознесенскъ.

- 102 Ламанскій Владіміръ Ивановичъ. С.-Петербургъ.
103 Графъ Ланской Николай Степановичъ. С.-Петербургъ.
104 Лаппо-Данилевскій Александръ Сергѣевичъ.
105 Ласковскій Василій Павловичъ. Новгородъ.
106 Латышевъ Василій Васильевичъ. С.-Петербургъ.
107 Липинскій Маріанъ Александрровичъ. Ярославль.
108 Литовъ Михаилъ Михайловичъ. Ярославль.
109 Лихачевъ Андрей Феодоровичъ. Казань.
110 Лихачевъ Иванъ Феодоровичъ. Парижъ.
111 Лихачевъ Николай Петровичъ. Казань.
112 Лопатинъ Сергій Егоровичъ. Ярославль.
113 Лѣствицынъ Вадимъ Ивановичъ. Ярославль.
114 Майковъ Владіміръ Владіміровичъ. С.-Петербургъ.
115 Майковъ Леонидъ Николаевичъ С.-Петербургъ.
116 Маркевичъ Алексій Ивановичъ. Одесса.
117 Мартыновъ Алексій Александрровичъ. Москва.
118 Миллеръ Всеволодъ Феодоровичъ. Москва.
119 Милаерь Орестъ Феодоровичъ. С.-Петербургъ.
120 Миловидовъ Иванъ Васильевичъ. Кострома.
121 Минервинъ Александръ Евграфовичъ. Ярославль.
122 Мордвиновъ Владіміръ Павловичъ. С.-Петербургъ.
123 Мосоловъ Александръ Николаевичъ. Новгородъ.
124 Муратовъ Сергій Михайловичъ. Ярославль.
125 Мурко (докторъ філології). Вѣна.
126 Невскій Дмитрій Александрровичъ. Ярославль.
127 Нефедовъ Филиппъ Діомидовичъ. Москва.
128 Никитинъ Николай Васильевичъ. Москва.
129 Никифоровъ Василій Николаевичъ (священникъ).
130 Николаевскій Павель Феодоровичъ (протоіерей).
131 Никольскій Константинъ Тимоѳеевичъ (протоіерей).
С.-Петербургъ.
132 Никольскій Михаилъ Васильевичъ. Москва.
133 Никольскій Николай Константиновичъ. С.-Петербургъ.
134 Новиковъ Андрей Николаевичъ. Ярославль.
135 Овсяниковъ Валерій Павловичъ. С.-Петербургъ.
136 Овчинниковъ Михаилъ Васильевичъ. Нижній-Новго-
родъ.
137 Окербломъ Иванъ Ивановичъ. Ярославль.
138 Ординъ Николай Егоровичъ. Кадниковъ.
139 Орѣшниковъ Алексій Васильевичъ. Москва.
140 Павлиновъ Андрей Михайловичъ. Москва.

- 141 Пантусовъ Николай Николаевичъ. Вѣрный.
142 Папоновъ Михаилъ Павловичъ. Ярославль.
143 Пастернекъ (докторъ филологіи). Вѣна.
144 Пастуховъ Леонидъ Николаевичъ. Ярославль.
145 Петровъ Петръ Николаевичъ. С.-Петербургъ.
146 Пироговъ Василій Геннадіевичъ. Кострома.
147 Пирожковъ Никита Васильевичъ. Ярославль.
148 Платоновъ Сергій Єеодоровичъ. С.-Петербургъ.
149 Плецъ Вильгельмина Михайлова.
150 Подшиваловъ Алексій Михайлова. Москва.
151 Позднєевъ Николай Ивановичъ. Ярославль.
152 Покровскій Николай Васильевичъ. С.-Петербургъ.
153 Покровскій Іоандроръ Васильевичъ. Тверь.
154 Полевой Петръ Николаевичъ. С.-Петербургъ.
155 Поливановъ Владими́ръ Николаевичъ. С. Акшуатъ,
Симбирской губерніи.
156 Помяловскій Иванъ Васильевичъ. С.-Петербургъ.
157 Поповъ Нилъ Александровичъ. Москва.
158 Постниковъ Дмитрій Андреевичъ.
159 Постниковъ Николай Михайлова.
160 Князь Путятинъ Павелъ Арсеньевичъ. С. Бологое,
Новгородской губерніи.
161 Рамаевичъ Николай Кирилловичъ. Тотъма.
162 Рейхельть Николай Николаевичъ. С.-Петербургъ.
163 Румянцовъ Василій Егоровичъ. Москва.
164 Савваитовъ Павелъ Ивановичъ. С.-Петербургъ.
165 Савельевъ Александръ Александровичъ. Нижній-Нов-
городъ.
166 Самоквасовъ Дмитрій Яковлевичъ. Варшава.
167 Свѣшниковъ Петръ Николаевичъ.
168 Селивановъ Александръ Іоандроръ. С.-Петербургъ.
169 Селивановъ Алексій Васильевичъ. Рязань.
170 Селифонтовъ Николай Николаевичъ. С.-Петербургъ.
171 Середовинъ Сергій Михайлова. С.-Петербургъ.
172 Скульскій Аркадій Васильевичъ. Ярославль.
173 Смирновъ Алексій Логгиновичъ. С.-Петербургъ.
174 Смирновъ Иванъ Кузьмичъ.
175 Смирновъ Иванъ Николаевичъ. Казань.
176 Соболевскій Александръ Ивановичъ. Кіевъ.
177 Соболевъ Иванъ Николаевичъ. Ярославль.
178 Соколовъ Владими́ръ Дмитріевичъ.
179 Соколовъ Иванъ Ивановичъ. С.-Петербургъ.

- 180 Соколовъ Матвей Ивановичъ. Нѣжинъ.
181 Спицынъ Александръ Андреевичъ. Вятка.
182 Струковъ Дмитрій Михайловичъ. Москва.
183 Суворовъ Иванъ Николаевичъ. Вологда.
184 Суворовъ Николай Ивановичъ. Вологда.
185 Суворовъ Николай Семеновичъ. Ярославль.
186 Султанова Екатерина Шавловна. С.-Петербургъ.
187 Султановъ Николай Владимировичъ. С.-Петербургъ.
188 Суручанъ Иванъ Кассіановичъ. Кишиневъ.
189 Сусловъ Владиліръ Васильевичъ. С.-Петербургъ.
190 Сусловъ Илья Андреевичъ. С.-Петербургъ.
191 Табашниковъ Иванъ Григорьевичъ. Ярославль.
192 Талько Іосифъ Игнатьевичъ. Ярославль.
193 Баронъ Тизенгаузенъ Владиліръ Густавовичъ. С.-Петербургъ.
194 Тилле Августъ Васильевичъ. Ярославль.
195 Тимошевскій Григорій Ивановичъ. Симферополь.
196 Титова Глафира Андреевна. Ростовъ-Великій.
197 Титовъ Андрей Александровичъ. Ростовъ-Великій.
198 Толмачевъ Николай Александровичъ. Казань.
199 Графъ Толстой Иванъ Ивановичъ. С.-Петербургъ.
200 Графъ Толстой Михаилъ Владимировичъ. Сергіевъ посадъ.
201 Третьяковъ Алексій Антоновичъ. Москва.
202 Трефолевъ Леонидъ Николаевичъ. Ярославль.
203 Троицкій Иванъ Егоровичъ. С.-Петербургъ.
204 Троицкій Николай Ивановичъ. Тула.
205 Трутовскій Владиліръ Константиновичъ. Москва.
206 Турбинъ Николай Матв'євичъ.
207 Графиня Уварова Екатерина Алексєевна. Москва.
208 Графиня Уварова Прасковья Алексєевна. Москва.
209 Графиня Уварова Прасковья Сергіевна. Москва.
210 Удальцовъ Николай Дмитріевичъ. С.-Петербургъ.
211 Ушаковъ Яковъ Аѳанасьевичъ. Мышикинъ.
212 Фортинскій Феодоръ Яковлевичъ. Кіевъ.
213 Херсонскій Иванъ Капитоновичъ. Кострома.
214 Холщевниковъ Василій Николаевичъ. Ярославль.
215 Холщевниковъ Павель Васильевичъ. Ярославль.
216 Хомутовъ Иллюдоръ Николаевичъ Ярославль.
217 Хрущовъ Иванъ Петровичъ. С.-Петербургъ.
218 Хрущовъ Михаилъ Ивановичъ. Ярославль.
219 Чекалинъ Феодоръ Феодоровичъ. Кузнецкъ.

- 220 Чечулинъ Николай Дмитріевичъ. С.-Петербургъ.
221 Чижовъ Николай Евфимовичъ. Одесса.
222 Чуйко (нотаріусъ) Николай Ильичъ. Городня.
223 Шевелевъ Николай Николаевичъ. Ярославль.
224 Шиллингъ Михаилъ Асанасьевичъ. Ярославль.
225 Шиповъ Иванъ Павловичъ.
226 Шишонко Василій Николаевичъ. Пермь.
227 Шляковъ Иванъ Александровичъ. Ростовъ-Великій.
228 Шляпкинъ Илья Александровичъ. С.-Петербургъ.
229 Шокро́съ Елисе́й Елисе́евичъ. Ярославль.
230 Шпилевская Анна Николаевна. Ярославль.
231 Шпилевскій Сергій Михайловичъ. Ярославль.
232 Штида Людвигъ Христіановичъ (профессоръ). Кенигсбергъ.
233 Щегловъ Владіміръ Георгіевичъ. Ярославль.
234 Эварницкій Дмитрій Ивановичъ. Харьковъ.
235 Ягичъ Ігнатій Викентьевичъ. Віна.
236 Яковлевъ Николай Александровичъ. Ярославль.
237 Якушкинъ Вячеславъ Евгеньевичъ. С.-Петербургъ.
238 Якушкинъ Евгений Евгеніевичъ. Москва.
239 Якушкинъ Евгений Ивановичъ. Ярославль.
240 Ящуржинскій Христофоръ Петровичъ. Симферополь.

Печатано съ разрешенія Предсѣдателя VII Археологическаго
Съезда.

Ярославль. 1887 года. Въ тип. Губ. Правл.

Г.ІІ: 572044 1948